

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLVI

ИИМК(2)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЁВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1952

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, Б. Н. Граков,

С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АН СССР
И ПЛЕНУМ ИИМК АН СССР,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ЗА 1950 ГОД¹

I. ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ И ПЛЕНУМЕ

К. Ф. С МИРНОВ

ОСНОВНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ МЕОТО-САРМАТСКОЙ
КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ПРИКУБАНЫЯ²

Археологический материал Среднего Прикубанья эпохи раннего железа дает возможность проследить непрерывное тысячелетнее развитие яркой и оригинальной культуры местных племен (меотов в широком смысле этого слова), испытавшей значительное воздействие культур Боспора и сарматов, живших в течение многих столетий по соседству с меотами и постепенно проникавших в меотскую среду.

Этапы культурно-исторического развития местного населения Прикубанья скифо-сарматского времени были намечены Н. В. Анфимовым на основе анализа погребального инвентаря и обряда преимущественно грунтовых могильников Прикубанья с учетом материалов из одновременных курганов и городищ³. В данной статье я делаю попытку характеризовать основные черты меото-сарматской культуры в их развитии, наметить основные племенные группы, показать процесс сарматизации кубанского населения главным образом по материалам из курганов Прикубанья, исследованных в дореволюционное время, и грунтовых могильников. Слабая изученность многочисленных прикубанских поселений, открытых и предварительно обследованных преимущественно Н. В. Анфимовым, а ранее его Н. А. Захаровым, А. А. Миллером, М. В. Покровским и В. А. Городцовым, еще не позволяет подробно осветить вопрос социально-экономического развития меото-сарматских племен.

Все изменения этнографической картины и культуры, которые происходили на протяжении скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье и в соседних областях, никогда не стирали своеобразия культуры меото-сарматских племен Среднего Прикубанья, находившихся в тесном

¹ Часть докладов напечатана в КСИИМК, вып. XLIV и XLV, 1952.

² Доклад, прочитанный на заседании сектора скифо-сарматской археологии ИИМК АН СССР в декабре 1950 г. и на конференции ИИМК по скифо-сарматской археологии, 30/I 1952 г.

³ Доклад Н. В. Анфимова «Хронология грунтовых могильников Прикубанья сарматского времени» на сессии ИИМК АН СССР и Государственного Эрмитажа, посвященной археологии Закавказья, в январе 1948 г. КСИИМК. вып. XXIV, стр. 16—17.

общении с родственными им по культуре или по происхождению племенами Северного Кавказа, Крыма, степей Северного Прикаспия и Подонья, лесостепной и степной полосы Приднепровья.

Переход населения степных и лесостепных областей Евразии на более высокую ступень социально-экономического развития, связанную с разложением родового строя, в начале I тысячелетия до н. э. привел к резкому изменению культуры в тех областях, в пределах которых формировались известные нам по письменным источникам родственные по культуре племена: скифы в Северном Причерноморье, сарматы в степях Подонья, Северного Прикаспия и Предкавказья, синдо-меоты в Восточном Приазовье и в Западном Прикубанье.

Утверждение М. И. Ростовцева о том, что так называемая скифская культура была принесена в Прикубанье, так же как и в Приднепровье, извне уже в готовом виде¹, нуждается в больших коррективах, как только мы обратимся к более тщательному анализу археологических данных. Археологические памятники Прикубанья свидетельствуют о том, что уже в начале VI в. до н. э. мы имеем вполне сформировавшуюся и яркую культуру, отличающуюся от культуры этой области эпохи бронзы. Слабая изученность памятников предскифского времени в Прикубанье значительно уменьшает возможность проследить процесс формирования меотской культуры², однако полевые и теоретические исследования советских археологов за последние годы позволяют поставить вопрос о глубоких местных корнях основной группы меотских племен и их культуры³. Новый облик культуры прикубанского населения, четко определившийся в VI в. до н. э., возник в результате довольно быстрого социально-экономического развития местного общества, а также в значительной степени и в связи с теми крупными племенными передвижениями, которые начались еще в киммерийскую эпоху и завершились борьбой киммерийцев и скифов, походами тех и других через Северный Кавказ в пределы Закавказья и Передней Азии.

Характер меотской культуры Среднего Прикубанья нельзя понять без учета культурной общности племен, населявших в эпоху бронзы Северный Кавказ и прилегающие к нему с севера степи, без учета тех взаимоотношений, которые развивались в доскифское время (как это показано в последних работах А. А. Иессена⁴, Е. И. Крупнова⁵ и др.) между племенами Северного Кавказа, Крыма, Приднепровья и древними цивилизациями Закавказья и Передней Азии.

У населения Прикубанья, насколько можно судить по археологическим источникам и по сообщениям древних авторов (Страбон), в течение тысячелетия параллельно сосуществовали два хозяйственных уклада: земледелие и скотоводство, с преобладанием первого у оседлых племен, и полукочевое скотоводство, с преобладанием на раннем этапе коневодства.

Оседлое земледелие прикубанского населения в раннескифское время (VII—V вв. до н. э.) развивалось на базе древнего местного земледелия

¹ М. И. Ростовцев. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922. Его же. *Скифия и Боспор*, Петроград, 1923, стр. 333.

² Вопрос о меотской принадлежности кубанских памятников эпохи раннего железа впервые был поставлен Б. Н. Граковым.

³ Б. Е. Деген-Ковалевский. Проблема датировки «больших кубанских курганов». КСИИМК, вып. II. Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник. Л., 1940. М. И. Артамонов. Третий Разменный курган у ст. Костромской. СА, X, 1948, стр. 161 и след.

⁴ А. А. Иессен. *Греческая колонизация Сев. Причерноморья*. Л., 1947.

⁵ Е. И. Крупнов. К вопросу о культурных связях населения Сев. Кавказа по археологическим данным. Ученые записки Кабардинского научно-исслед. института, т. II. Нальчик. 1947. Его же. Археологические памятники верховья р. Терека и бассейна р. Суяжи. Тр. ГИМ, вып. XVII. Археол. сборник, М., 1948.

эпохи бронзы¹. Нам до сих пор неизвестны поселения доскифского времени в Прикубанье, однако существование древней земледельческой культуры подтверждается находками бронзовых серпов и зернотерок.

В результате последних полевых исследований Н. В. Анфимова нам теперь известно более 150 меото-сарматских поселений. Не менее чем на пятнадцати найдена чернolощеная керамика VI—V вв. до н. э.² Большинство этих поселений сосредоточено по правобережью Кубани. Левобережье Кубани исследовано слабее, однако, по последним данным, они там не одиночны. Погребения оседлых земледельцев VI—первой половины IV вв. до н. э. известны мне в шести грунтовых могильниках, примыкающих к поселениям³.

Коренное земледельческое население правобережья Кубани, от Краснодара до впадения в Кубань одного из наиболее крупных левых ее притоков — р. Лабы, судя по исследованным могильникам (Пашковский могильник № 3⁴, Устьлабинские могильники № 2 и № 4⁵), имело единую материальную культуру и одинаковый в общих чертах обряд погребения, т. е. этнически было единым или очень близким. Различия в деталях погребального обряда и погребальных инвентарей, особенно в керамике, могут скорее указывать на то, что погребенные в могильниках у ст. Пашковской и ст. Усть-Лабинской принадлежали к двум родственным племенам.

Несмотря на почти полное отсутствие данных о погребальном обряде населения Прикубанья предскифского времени, можно предполагать, что оседлое население VI—V вв. до н. э. было связано генетическим родством с местным населением эпохи бронзы. В Пашковском могильнике № 3 обнаружено несколько древних погребений II тысячелетия до н. э. со скорченными костяками⁶. Известные погребения поздней бронзы дают в основном костяки в вытянутом положении, однако неполнота наших знаний о погребальном обряде этого времени не позволяет окончательно утверждать, что уже накануне эпохи раннего железа повсеместно на Кубани исчез обряд скорченности. Во всяком случае эта традиция продолжает существовать на Кубани в VI—IV вв. до н. э. Погребения в скорченном виде составляют третью часть всех известных погребений того времени. Среди них имеются погребения переходного типа от скорченности к вытянутому положению костяков: на спине с подогнутыми ногами. Обряд скорченности полностью исчезает лишь в III—II вв. до н. э. Большинство скорченных костяков ориентировано головой на юг. Южная ориентировка, часто с отклонением к востоку, являлась преобладающей и в основной группе раннемеотских погребений с вытянутым положением костяков.

Вытянутое положение погребенных VI—V вв. до н. э. (более половины всех могил) — не новое явление в обряде погребений Прикубанья. В таком же положении, головой на восток, при незначительном употреблении

¹ Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951.

² Е. И. Крупнов. К вопросу о поселениях скифского времени на Сев. Кавказе. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 27 и след. Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, XI, 1949, стр. 241.

³ Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, XI, 1949, стр. 243, рис. 1. К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Сев. Кавказа. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 113 и след.

⁴ К. Ф. Смирнов. Пашковский могильник № 3, КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 86 и след. Е. Г. же. Новые данные по сарматской культуре Сев. Кавказа. Е. Г. же. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 151 и след.

⁵ Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. Е. Г. же. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951.

⁶ К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Сев. Кавказа. Е. Г. же. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана.

красной краски, часто лежали костяки в курганах средне- и позднекубанской группы эпохи бронзы¹.

Исследования погребений VI—V вв. до н. э. в грунтовых могильниках правобережья Кубани обнаружили общие черты погребального обряда и инвентаря Кубанских, Моздокского и Нестеровского могильников. Это родство культуры правобережного кубанского населения и племен центральных районов Северного Кавказа, вероятно, восходит еще к эпохе бронзы, когда на Северном Кавказе и в степях Предкавказья (Маныч, Ставропольщина, Астраханская обл.) существовала культура, имеющая много общих черт во всех этих районах.

Особую группу погребений V—IV вв. до н. э. в групповых могильниках Прикубанья составляют бедные погребения с костяками в вытянутом положении, с западной ориентировкой и иным расположением керамики в могилах (шестая часть погребений). Эта группа тождественна с манычской группой впускных погребений раннежелезной эпохи². Возможно, здесь мы имеем дело с частичным проникновением в меотскую оседлую среду в Прикубанье уже в это раннее время отдельных савроматских (сиракских?) групп населения из степной области, которая была, во всяком случае для более позднего времени (III—II вв. до н. э.), основной территорией сираков, вероятно непосредственных потомков задонских савроматов.

Переход некоторых племен степного Предкавказья к кочевому или полукочевому образу жизни, судя по археологическим данным, наметился уже в эпоху бронзы; об этом свидетельствуют находки глиняных моделей кочевнических повозок в одном из Ульских курганов³ и в кургане № 9 урочища «Три брата» у г. Степного⁴. Материал курганных погребений Прикубанья VI в. до н. э. показывает, что в степных и предгорных районах Закубанья господствующим хозяйственным укладом населения был полукочевой скотоводческий уклад. Представителей племенной аристократии, погребенных в богатых курганах Закубанья, а отчасти и правобережья Кубани, судя по материалам раскопок, можно считать кочевниками или, вернее, полукочевниками, обладателями больших табунов лошадей.

Были ли едины по своему происхождению оседлые земледельческие и полукочевые племена Среднего Прикубанья? Археологические данные подтверждают значительные различия в обряде погребений рядовых грунтовых могильников и больших богатых курганов. В обряде курганных погребений, вероятно, также неслучайны некоторые общие черты с погребальным обрядом эпохи бронзы Прикубанья. Здесь преобладает широтная ориентировка погребенных, лежащих в вытянутом положении (I Костромской курган⁵, курганы Елизаветинской станицы⁶, где зафиксирована восточная и реже западная ориентировка). Припомним, что вытянутые погребения с восточной ориентировкой были характерны в курганах средне- и позднебронзовой эпохи этой территории (часто без окраски костяков).

По форме могильного сооружения все курганные погребения Прикубанья VI—IV вв. до н. э. делятся на четыре основных типа:

- 1) в больших грунтовых могилах с шатрами;
- 2) в обширных прямоугольных ямах с дромосом и каменной гробницей внутри могилы;

¹ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950.

² М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI, стр. 195 и след.

³ ОАК за 1909—1910 гг., стр. 154, рис. 228.

⁴ И. В. Силицын. Памятники предскифской эпохи в степях Н. Поволжья. СА, X, 1948, стр. 149, рис. 13, стр. 150, рис. 14.

⁵ ОАК за 1897 г., стр. 11—15.

⁶ ОАК за 1912 г., стр. 57—59; за 1913—1915 гг., стр. 155.

3) в прямоугольных больших грунтовых могилах с плоским деревянным перекрытием;

4) в каменных ящиках.

Довольно резкие различия в погребальных сооружениях и обряде основной оседлой и полукочевой группы кубанского населения объясняются не только наличием двух хозяйственных укладов и значительной социальной дифференциацией кубанских племен, но, как нам кажется, и различным происхождением отдельных племенных групп Прикубанья.

Ранние курганы с шатровыми могилами сосредоточены в Закубанье, между реками Белой и Лабой (I Костромской, Келермесские, Ульские курганы). Здесь в обряде характерны восточная ориентировка захороненных, человеческие жертвоприношения, сожжение погребального костра с кровавыми жертвенными возлияниями, конские гекатомбы (до нескольких сот убитых лошадей, среди которых, вероятно, были лошади погребальных колесниц). В целом обряд погребений этой группы курганов довольно близок к описанному Геродотом для царских скифов степей Приднепровья и Приазовья. В составе погребального инвентаря много общескифских черт (форма оружия, удила и псалии, золотых бляшек в скифском зверином стиле и пр.). Формы чернолощеной керамики те же, какие известны и в грунтовых могильниках (например, грушевидные большие сосуды).

Происхождение шатровой конструкции могилы Закубанских курганов, как отметил М. И. Артамонов, очень древнее¹. Однако на территории Прикубанья ранее VI вв. до н. э. этот тип не был зафиксирован. Наиболее ранний и простой вариант такой могилы встречен в Нижнем Поволжье — так называемые «погребения в шалашах» в районе г. Степного (относятся к ямной культуре)². Особенно близко кубанским шатровым могилам богатое погребение кочевнического облика доскифского времени в кургане № 9 у г. Степного³. Основная конструкция могилы (жертвенное место, покрытое деревянным шатром над большой грунтовой могилой) близка конструкции шатровой могилы в I Разменном кургане у ст. Костромской. Повидимому, Нижнее Поволжье являлось основной областью зарождения этого типа могил. Различные варианты шатровых могил в раннескифское время встречаются в Крыму и в Приднепровье⁴, в частности, на Киевщине (последние двускатные, имеют лишь отдаленное сходство с прикубанскими).

Надо полагать, что в Прикубанье шатровый тип могил появился в результате значительных племенных передвижений, вероятно еще в киммерийское время или в ранний период скифской истории, когда в состав населения Северного Причерноморья влились кочевые группы скифов, пришедшие с востока, может быть, по мнению Б. Н. Гракова⁵ и М. И. Артамонова⁶, с Нижнего Поволжья или в целом из Северного Прикаспия. Повидимому, часть этих скифских племен попала в Прикубанье и слилась в дальнейшем с местным меотским населением. Закубанские курганы с шатрами VI в. до н. э. принадлежали полукочевой группе, как нам кажется, пришлого населения, близкого по происхождению царским скифам Северного Причерноморья.

Занесенный извне тип шатровой могилы бытует в Прикубанье в измененном виде до рубежа IV—III вв. до н. э. (курган у ст. Марьевской,

¹ М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13. Л., 1949, стр. 137.

² Из истории докапиталистических формаций. М.—Л., 1933, стр. 203 и след.

³ И. В. Синицын. Указ. соч. СА, X, 1948, стр. 147 и след.

⁴ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 137—141.

⁵ Б. Н. Граков. Скифы. Київ, 1947, стр. 13 и след.

⁶ М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, № 2, 1950, стр. 43 и след.

исследованный Н. И. Веселовским на правом берегу Кубани¹, возможно также курган № 13 у ст. Некрасовской раскопок В. Л. Бернштама 1879 г.²).

Елизаветинская группа курганов V—IV вв. до н. э.³, давшая погребения в прямоугольных больших грунтовых могилах с дромосом и каменной гробницей внутри могилы, имеет много общих черт в конструкции погребального сооружения и в погребальном обряде: с одной стороны, с более ранними закубанскими курганами с шатрами, с другой — с синдской группой курганов нижней Кубани (Семибратние). В погребальном обряде мы видим человеческие жертвоприношения, конские гекатомбы (до 200 убитых лошадей), преобладание широтной ориентировки покойников, погребальные колесницы, т. е. те же черты обряда, которые были свойственны закубанской полукочевой племенной аристократии VI в. до н. э. В составе могильного инвентаря здесь больше своеобразных местных форм, отличающихся от скифских Приднепровья и Северного Приазовья. Мы склонны считать, что Елизаветинские курганы принадлежали военным вождям одного из меотских племен, жителей Елизаветинского городища, непосредственных соседей синдов, входящих в круг меотских племен (возможно, фатей⁴).

Курганы с грунтовыми прямоугольными могилами с плоским деревянным перекрытием, расположенные преимущественно по правобережью Кубани между станицами Воронежской и Казанской, по форме погребального сооружения сближаются с елизаветинскими, однако отличаются от них и закубанских курганов с шатрами скромностью погребального обряда: нет пышных конских гекатомб, человеческих жертвоприношений, погребальных колесниц. Наиболее поздние погребения этой группы — курганы у ст. Воронежской IV — нач. III вв. до н. э.⁵ — близки по обряду (небольшие прямоугольные могилы с плоским перекрытием, южная ориентировка погребенных, захоронение конских голов, расположение инвентаря) к инвентарю погребений IV — нач. III вв. до н. э. в грунтовых могильниках Прикубанья. Эти курганы принадлежат верхушке меотского, а возможно частично и савроматского (сиракского) населения. Кочевья отдельных сиракских племен уже в IV в. до н. э. могли простираться на юг до Кавказских гор и занимать часть бассейна Кубани восточнее Лабы. Возможно, некоторые ранние впускные погребения, обнаруженные между ст. Ладожской и Казанской, т. е. на правом берегу Кубани, восточнее Лабы, принадлежали савроматам. В последние века до н. э. на этой же территории встречаются впускные погребения с сарматским ритуалом.

Особую группу составляют кубанские курганы с каменными ящиками, характерными для предгорных районов Закубанья. Там в Бесленевских курганах⁶, относящихся главным образом к III—II вв. до н. э., имеются погребения с инвентарем VI—IV вв. до н. э. Относительно этой части закубанского населения с большей уверенностью можно говорить о ее генетической связи с древнейшим населением Северного Кавказа и Крыма, для которого были характерны мегалитические погребальные сооружения (каменные ящики и дольмены).

Разнообразие типов погребальных сооружений, особенности погребального ритуала выделенных курганных групп и их довольно резкие различия с ритуалом рядового населения, связанного с правобережными городищами, дают основание говорить о различном происхождении отдельных групп

¹ ОАК за 1912 г., стр. 50—54.

² В. Л. Бернштам. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1879 г. Протоколы Подготовительного комитета V археологического съезда. М., 1882, стр. 301 и след.

³ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 319 и след.

⁴ В. П. Шилов. О расселении меотских племен. СА, XIV, 1950, стр. 121.

⁵ ОАК за 1903 г., стр. 71—73.

⁶ ОАК за 1895 г., стр. 27—29, 130—134.

прикубанского населения VI—IV вв. до н. э.: население, оставившее каменные ящики, связано генетическим родством с предшествующими местными племенами эпохи бронзы; пока лишь очень слабо эти же связи намечаются в обряде курганных погребений полуседлой части населения, племенной верхушки полукочевников-коневодов. Еще труднее их уловить в обряде рядовых погребений правобережья Кубани.

Преимущество культуры предкавказского населения эпохи бронзы и меотских племен Прикубанья VI—IV вв. до н. э. прослеживается в дальнейшем развитии земледелия, основой которого являлось земледелие местных племен эпохи бронзы, в ряде предметов материальной культуры: в близости форм некоторых видов керамики (курильницы на четырех ножках), оружия (наконечники копий, секиры) и украшений (браслеты, овальные височные подвески в 1,5 оборота). Расцвет местной индустрии железа и бронзы в VI—IV вв. до н. э., который привел к созданию характерных для Прикубанья форм железного оружия, конского убора, разнообразных по форме бронзовых псалий и бляшек в своеобразном зверином стиле, также базировался на древней бронзовой индустрии Закубанья, существовавшей в этом районе¹ в предскифскую эпоху параллельно с центрально-кавказским очагом древней бронзовой индустрии.

Кубанское население уже в эпоху бронзы было тесно связано с Крымом и Приднепровьем. Коренное население Крыма — тавры, вероятно, находились в определенном родстве с рядом племен Северного Кавказа, в частности предгорного Закубанья (общая традиция мегалитических сооружений, некоторые общие формы глиняной посуды, украшений).

В таврских каменных ящиках мы находим бронзовые изделия, близкие по форме северокавказским, в частности кубанским: браслеты, согнутые из массивного прута, конические спиральные серьги и пр., указывающие на тесные межплеменные связи западных районов Северного Кавказа с Крымом.

Особенно интенсивны были межплеменные связи Прикубанья в VII—VI вв. до н. э. с населением Северного Причерноморья, особенно его лесостепной части, заселенной оседлыми племенами (по Днестру, Бугу и Днепру). Среди чернолощеной керамики общими для этой обширной территории являются так называемые грушевидные корчаги (сосуды типа Вилланова) и скифские чарки или ковши (на Буге и Полтавщине встречаются чарки, имеющие на концах ручек разветвления в виде рогов, как на чарках Устьлабинского могильника)². Эти формы, вероятно, попали на Кубань и в другие районы Северного Кавказа (корчаги) из лесостепных районов Северного Причерноморья. Среди лепной нелощеной посуды IV—III вв. до н. э. также имеются общие формы, например, горшки с ручками-выступами (на Полтавщине и в грунтовых могильниках ст. Пашковской, ст. Усть-Лабинской и в Марьевском кургане).

Особенно ярко проявляется общность материальной культуры в инвентаре богатых курганов Закубанья и подобных же курганов Приднепровья, отличающихся друг от друга погребальным ритуалом. В VI и отчасти V вв. до н. э. на обеих территориях существуют тождественные формы оружия, предметов конского убора, наверший погребальных колесниц, украшений скифского звериного стиля.

¹ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935. Его же. Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и в начале I тысячелетия до н. э. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 18 и след. Его же. К хронологии больших кубанских курганов. СА, т. XII, 1950, стр. 157 и след.

² Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, т. XI, стр. 243, рис. 6.

Каков был характер межплеменных связей, приведший к этой общности культуры? В раннескифское время древние межплеменные связи, выражавшиеся в обмене материальными ценностями, усложнились и другими формами: военными столкновениями и объединениями в союзы для совместных дальних военных походов. Отдельные кочевые группы Закубанского населения, вероятно, были родственны по происхождению пришлой части приднепровского скифского кочевого населения. По сведениям античных авторов, начиная с Геродота, синды и меоты всегда были враждебны царским скифам. Однако это не исключает и союзнических взаимоотношений между ними, особенно в раннее время, когда скифы совершали походы через Кавказ в Переднюю Азию. На связь населения Прикубанья в VI в. до н. э. с Передней Азией указывал еще М. И. Ростовцев¹, а за последнее время по материалам из раскопок урартского города Тайшебаини в Армении Б. Б. Пиотровским прослежены тесные взаимоотношения Урарту с населением Закубанья и Приднепровья².

Вероятно, не случайно, что особенно богатые меото-скифские курганы с шатрами расположены в бассейне притоков Кубани — рек Белой и Лабы, вдоль которых шли пути к перевалам Кавказского хребта.

В V—IV вв. до н. э. в Прикубанье вырабатываются особые формы оружия (мечи, копья), орудий труда (серпы), керамики, украшений, уздечного набора и псалий, отличные от скифских в Приднепровье и савроматских в Нижнем Поволжье и присущие лишь синдо-меотским и, может быть, отчасти соседним сиракским племенам.

В IV в. до н. э., приблизительно в его середине, происходят значительные изменения в жизни меотских племен. Часть меотских племен включается в состав Боспорского царства или в сферу его политического и экономического влияния при первых Спартокидах во II половине IV в. до н. э.³ Частые отпадения отдельных меотских племен от Боспорского царства свидетельствовали о непрочности политической зависимости. Теснее были экономические связи с Боспором, правителей которого привлекал прежде всего меотский хлеб.

Археологические материалы подтверждают расцвет земледельческой культуры меотских и сарматских племен правобережья Кубани⁴. Большинство известных ныне прикубанских поселений-городищ возникает в IV—III вв. до н. э., и жизнь на них протекает непрерывно до III—IV вв. н. э. Находки зерен культурных злаков (пшеницы, ячменя, проса), зерновых ям, железных серпов, большого количества каменных жерновов являются ярким свидетельством развития земледелия, ставшего, вероятно, уже плужным. Серпы встречаются даже в погребениях грунтовых могильников. В Елизаветинском могильнике найдены зерна пшеницы. Рост экономической мощи земледельческих племен Прикубанья сопровождается укреплением постоянных торговых связей с рабовладельческим Боспором. В VI в. до н. э. внешние сношения населения Среднего Прикубанья были направлены главным образом на юг, в Закавказье, и на северо-запад, в Приднепровье. При этом в это время большую роль играли военные отношения, чем торговля. Греческий импорт (аттическая чернофигурная керамика) попадал лишь в незначительном количестве к племенной верхушке Закубанья. В последующие века увеличивается приток вещей греческого производства в При-

¹ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 302 и след.

² Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, 1944, гл. XVI. Его же. Скифы в Закавказье. Ученые записки МГУ, вып. 13, 1949, стр. 172 и след. Его же. Кармир-Блур, результаты раскопок 1939—1949 гг. Ереван, 1950, стр. 86 и след.

³ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 54 и след.

⁴ Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951.

кубанье — оборонительное вооружение, краснофигурная и чернофигурная, эллинистическая краснолаковая посуда, амфоры, золотые и прочие украшения. Обломки эллинистических амфор обнаружены на большинстве кубанских городищ вплоть до Армавира. В грунтовых могильниках, особенно Елизаветинском¹ и Пашковском², часто встречаются греческие амфоры, среди которых имеются фазосские, синопские и позже (II в. до н. э.) родосские; реже — чернолаковые и ранние краснолаковые сосуды. В составе погребального инвентаря богатых курганов чаще начинают попадаться металлические сосуды греческого производства, а золотые бляшки в скифском зверином стиле заменяться предметами ювелирного искусства Боспора.

Особенно прослеживаются эти связи с Грецией западных областей Среднего Прикубанья, судя по материалам кургана Карагодеуашх³, Елизаветинских и Марьевского курганов IV — нач. III вв. до н. э.⁴, Елизаветинского городища и грунтового могильника⁵.

В составе оседлого населения, надо полагать, выделяется значительный слой ремесленников — гончаров, кузнецов, литейщиков, ювелиров и пр. Характерные лишь для Прикубанья формы оружия и различные украшения создавались на месте, очевидно, в наиболее крупных населенных пунктах. Особенно развивается местное гончарное производство, испытывавшее сильное влияние Боспора: появляются гончарный круг, керамические печи боспорского образца, среди серолощенной керамики — ряд форм, подражающих греческим и боспорским сосудам. Рост оседлого населения городищ увеличивается за счет значительного оседания отдельных групп полукочевников и кочевников из меотской и сарматской среды⁶. По Лабе в среде полuosедлого населения возникают крупные городища, несколько отличающиеся по своему виду от правобережных. В грунтовых могильниках стали появляться конские погребения (с удилами и псалиями), ранее характерные только для больших курганов.

Все ли городища IV—II вв. до н. э., обнаруженные по Кубани вплоть до Армавира, принадлежали меотам?

Материалы курганных и грунтовых погребений этого времени позволяют более четко выделить племенные группы Прикубанья, наметившиеся еще на раннем этапе.

Для второй половины IV—III вв. до н. э. общность погребального обряда и инвентаря прослеживается в грунтовых могильниках ст. Елизаветинской и Пашковской; последние имеют много общих черт и с Устьлабинским могильником № 2. Встречаются пережитки скорченности (в незначительном количестве), сохраняется южная, но чаще встречается юго-восточная и восточная ориентировка, для всех могильников характерен определенный набор глиняных сосудов, порядок в расположении инвентаря, амулеты-гальки в могиле и пр. Характерной чертой для Елизаветинского и Пашковского могильников является положение миски под головой покойника.

¹ В. А. Городцов. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. СА, I, 1940, стр. 171—185.

² К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Сев. Кавказа. М. В. Покровский. Городища и могильники Среднего Прикубанья. Тр. Краснодарского гос. пед. института, т. VI, вып. 1. Краснодар, 1937.

³ А. Н. Лаппо-Данилевский и В. Мальмберг. Древности Ю. Росии. Курганы Карагодеуашх, МАР, № 13, СПб., 1894.

⁴ ОАК за 1912, 1913—1915 гг.

⁵ В. А. Городцов. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. СЭ, № 3, 1935. Е го же. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. М. В. Покровский. Городища и могильники Среднего Прикубанья. Тр. Краснодарского гос. пед. института, т. VI, вып. 1. Краснодар, 1937, стр. 3—38.

⁶ М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму. Вестник ЛГУ, № 8, 1948, стр. 64 и след.

В этой части среднего Прикубанья в среде родственных меотских племен, вероятно, складывается уже классовое общество с зачатками государственной власти (судя по материалам из курганов Карагодеуашх, Елизаветинских курганов и городища). Курганы IV—III вв. до н. э. станиц Марьевской, Елизаветинской, Воронежской и Усть-Лабинской на правом берегу Кубани и курганы того же времени у ст. Некрасовской в нижнем течении Лабы принадлежали племенной аристократии меотов, эксплуатировавшей рядовое население городищ этого района. В погребальном обряде племенной аристократии сохранились элементы старого обряда закубанских полукочевников: шатровые перекрытия могил, конские гекатомбы, но в меньшем количестве, иногда замененные погребением конских голов, всеобразное расположение убитых лошадей и т. д.

В более южных, предгорных районах Закубанья четко выделяется другая группа племен, сохранившая в своем обряде древнюю местную традицию погребальных сооружений мегалитического характера: каменные ящики или же каменные насыпи курганов (курганы с каменными ящиками у станиц Бесленевской¹, Даховской², курганы с каменными насыпями в бассейне р. Белой у станиц Курджипской³, Абадзехской⁴ и у г. Майкопа⁵, впускная каменная гробница Северского кургана⁶). Их объединяет также господствующая широтная ориентировка покойников, частичное захоронение коня в насыпи курганов (иногда только удила и псалии без конского захоронения), семейные коллективные захоронения (парные), основной состав инвентаря. Человеческие жертвоприношения и конские гекатомбы полностью отсутствуют.

Возможно, что эта группа племен, известная нам преимущественно по погребениям родо-племенной аристократии, по своему происхождению ближе стояла к зихам, керкетам, торетам и отчасти синдам.

Городища правобережья Кубани до Усть-Лабы, воздвигнутые оседлыми меотами, были тождественны по внешнему виду восточно-приазовским (по р. Кирпили), как это отметил впервые исследователь всех этих городищ Н. В. Анфимов⁷.

Он же обратил внимание на то, что городища, расположенные на восток от Лабы, несколько отличаются от более западных кубанских и приазовских, и не столько внешним видом, сколько найденным на них вещественным материалом: некоторые отличия в керамике, разные формы каменных жерновов, рыболовных грузил, наличие глиняных таблеток с загадочными знаками лишь в западной группе городищ и т. д. Подмеченные различия дали основание Н. В. Анфимову утверждать, что восточной границей распространения меотских племен в Прикубанье была река Лаба⁸.

Предположение Н. В. Анфимова подтверждается и материалами грунтовых могильников III—II вв. до н. э. В этом отношении интересен Усть-лабинский могильник № 2⁹, расположенный в пограничном восточном районе расселения меотских племен.

¹ ОАК за 1895 г., стр. 27—29, 130—134.

² Б. Лу н и н. Археологические находки 1935—1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа. ВДИ, 1939, № 8, стр. 210—223.

³ ОАК за 1895 г., стр. 62—63; ОАК за 1896 г., стр. 61—64, 149—156.

⁴ ОАК за 1905 г., стр. 70—71.

⁵ ОАК за 1906 г., стр. 103.

⁶ G. Bar st. Les fouilles de Siverskaja (Caucase). Gasette archeologique, № 5—6, 7—8, Paris, 1887. АС. Фалары южной России. ИАК, вып. 29.

⁷ Н. В. Ан ф и м о в. Меотские поселения Восточного Приазовья. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 85—96.

⁸ Н. В. Ан ф и м о в. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, № 2, МИА, № 23, 1951.

⁹ М. В. П о к р о в с к и й. Городища и могильники Среднего Прикубанья. Н. В. Ан ф и м о в. Указ. соч.

В могилах III—II вв. до н. э. этого интересного могильника учащается западная и восточная ориентировка погребенных, впервые обнаруживается северная; появляется новая, ранее необычная для Прикубанья, форма могилы в виде катакомбы с семейным захоронением или индивидуального подбоя; в положении погребенных впервые встречаются перекрещивание ног в области голеней, укладывание кисти правой или левой руки на нижнюю часть живота, в некоторых случаях посыпка дна могилы песком; впервые отмечаются случаи положения в могилу зеркал в разбитом состоянии; в составе погребального инвентаря появляются фибулы (II в. до н. э.). Для более восточной группы погребений III—II вв. до н. э. у ст. Ладожской¹ характерно отсутствие многих архаических черт погребального обряда; для нее свойственны почти все новые черты, отмеченные в устьлабинской группе. Ладожская группа отличается также по формам керамики, хотя имеются и общие с устьлабинской формы.

Особенно резкий разрыв со старой погребальной традицией мы видим в устройстве катакомбных или подбойных могил, иногда двукамерных, с широтной ориентировкой покойников (на восток или запад головой)². Для III—II вв. до н. э. западнее Усть-Лабы этот тип погребений еще ни разу не зафиксирован.

— С третьего же века до н. э. в Закубанских степях, особенно между Лабой и Кубанью, появляется новый тип впускных в древние земляные курганы погребений с широтной, чаще всего западной ориентировкой погребенных. Почти все перечисленные новые детали погребального обряда являются характерными и для этого типа курганных погребений.

Таким образом, в восточных районах среднего Закубанья (от Лабы до Армавира), начиная с III в. до н. э., можно проследить нарастание новых элементов культуры, характерных для сарматского мира.

Сарматы или савроматы, родственные скифам и возможно некоторой части меотов, вероятно уже в VI—IV вв. до н. э. жили в непосредственном соседстве с меотами, занимая степные просторы к северу и востоку от Кубани. Это, вероятно, были сираки, основным районом обитания которых была Манычская долина (Страбон).

Появление во второй половине IV в. до н. э. сарматов на правом берегу Дона (сообщение Псевдо-Скилака³) было началом расселения сарматских племен из степей, простирающихся на восток от Дона до Аральского моря. Вероятно, с этого же времени начинается постепенное проникновение сарматов в меотскую среду, где они быстро воспринимали родственную им, более высокую культуру кубанских племен.

Первые следы проникновения сарматской культуры в Прикубанье можно проследить на конских уздечных украшениях IV в. до н. э. Мы имеем в виду изображения ушастых и зубастых зверей, т. е. мотивов, характерных для западно-сибирского⁴ и, прибавим, савроматского звериного стиля. В Закубанье появляются мечи Прохоровского типа III—II вв. до н. э. (ст. Псебайская, ст. Даховская). Один такой длинный меч найден в Елизаветинском могильнике.

В связи с усилением мощи сарматских племен и стремлением к обогащению выделявшейся родоплеменной верхушки, активизируется движение сарматов в богатые земли Прикубанья с целью захватить перевальные пути на Северном Кавказе, открывающие доступ в Закавказье.

¹ Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 154—156.

² Н. В. Анфимов. Указ. соч., стр. 148—157.

³ Перипл Псевдо-Скилака. Европа, § 68, ВДИ, № 3, 1947, стр. 241.

⁴ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 339.

Это вызвало необходимость сооружения сильных укреплений вокруг поселений правобережья Кубани для защиты оседлого кубанского населения.

Военные столкновения меотов и сарматов не исключали возможности их слияния. Ко II в. до н. э. в восточных районах Прикубанья (по правобережью от Лабы и в Закубанье, на территории древних шатровых могил) вероятно господствующее положение заняли расширившие свою территорию до Кавказских гор сираки. Они восприняли многие местные элементы материальной культуры и, вероятно, некоторые черты погребального обряда: веерообразное погребение коней вместе с покойником (Ладожский могильник), основные типы керамики, зеркал и т. д.

Устьлабинский могильник № 2 дает яркие образцы смешения древней меотской культуры и соседней сарматской, хотя в оседлом населении, вероятно, преобладали местные элементы. В курганных погребениях III—II вв. до н. э. Закубанья сарматские черты культуры выступают значительно резче.

К I в. до н. э. материальная культура меотских и сарматских племен Прикубанья и восточного Приазовья приобретает характерные общесарматские черты, сохраняя своеобразие и отличаясь по своему богатству от сарматской культуры Поволжья и Украины. Восточное Прикубанье становится центром сильного сиракского объединения родственных сарматских племен, возможно, включавшего в свой состав часть меотского населения.

Слабая изученность прикубанских поселений не позволяет говорить о значительных изменениях хозяйственной жизни прикубанского населения этого времени. Однако определенно можно утверждать, что жизнь на городищах не затухает, а наоборот, возникают новые селища, порожденные увеличивающимся меотским и сарматским населением городищ. Судя по находкам костей животных в могилах, возможно допустить увеличение роли овцеводства. Продолжаются тесные экономические связи с Боспором. Сарматские племена Предкавказья принимают активное участие в боспорских политических событиях (участие сираков и аорсов в боспорских междоусобных войнах при Фарнаке. Страбон, XI; V, 8) ¹.

По ряду археологических данных устанавливается более тесная связь прикубанских сираков и меотов с Закавказьем. В ряде закубанских курганных погребений богатых сиракских воинов найдены трофейные вещи, например, серебряная чаша, принадлежавшая храму Аполлона в Фасиде (в Зубовском кургане) ², римский железный пилум (Воздвиженский курган) ³. Оба кургана относятся приблизительно к середине I в. до н. э. Возможно, эти вещи попали в Закубанье в период Митридатовых войн, в которых прикубанские сираки и меоты могли принимать участие на стороне Митридата против римлян.

Группа, вероятно, преимущественно сиракских курганных погребений так называемого зубовско-воздвиженского типа, из которых ранние относятся еще к III—II вв. до н. э., а наиболее поздние — ко II в. н. э., занимают главным образом левобережье Кубани и бассейн ее левых притоков. Ряд существенных признаков отличает эту группу погребений от сарматских курганов того же времени в других районах: эти погребения преимущественно впускные, имеют деревянные конструкции в виде плоской крышки, поддерживаемой четырьмя или пятью столбами, довольно обширные квадратные могильные ямы; господствующей ориентировкой является

¹ ВДИ, № 4, 1947, стр. 224.

² К. Е. Думберг. Раскопки курганов на Зубовском хуторе Кубанской обл. ИАК, вып. 1, стр. 94—103.

³ ОАК за 1899 г., стр. 43—47.

западная. В конструкции могильной ямы чувствуется древняя местная традиция как результат длительного существования сираков по соседству с меотами, приведившего к слиянию этих племен.

В грунтовых могильниках I в. до н. э.—II в. н. э. также наиболее типичной становится западная и восточная ориентировка и довольно редко южная, очень устойчивая у сарматских племен Нижнего Поволжья с III в. до н. э. и вплоть до II в. н. э., а в юго-западных районах Астраханщины продолжавшая существовать и во II—III вв. н. э.

В IV—III вв. до н. э. катакомбный тип погребения широко распространяется в причерноморских и прикаспийских степях у скифов и сарматов. Возможно, и в Прикубанье он развился с III в. до н. э. под воздействием сарматов. Этот тип погребения несколько видоизменился в Прикубанье: форма катакомбы или подбоя похожа на сарматскую, но господствующей ориентировкой здесь была широтная; погребения в катакомбах часто сопровождалось захоронением в могильном входе животных (лошади, коровы); отсутствовала меловая посыпка дна могилы и покойника, хотя куски мела, как существенная часть сарматского погребального инвентаря, находились и в кубанских могилах.

Археологические материалы свидетельствуют о проникновении в Прикубанье с I в. до н. э. приволжских сарматских племен. Поволжские типы курганных погребений обнаружены в районе Армавира: диагональное погребение с юго-западной ориентировкой покойника¹; могилы с заплечиками с южной ориентировкой покойника и с меловой посыпкой дна могилы²; узкие могилы с подстилкой из луба с южной ориентировкой покойника³. Проникновение поволжских типов погребений в восточные районы Прикубанья совпадает по времени с широким распространением сарматской прикаспийской культуры в центральных районах Северного Кавказа и Северного Дагестана. Оно связано с усилением экспансии аорских и аланских племен, основным районом формирования которых являлись степи Поволжья и Южного Приуралья⁴.

Кубань на участке от Армавира до ст. Темижбекской течет на север и затем резко поворачивает на запад. К этому участку вплотную примыкают степные просторы Ставропольского плато, издревле заселенные кочевниками. Городища с оседлым населением здесь встречаются реже (лишь у ст. Прочноокопской и Армавира). Ставропольские степи открывали кочевникам Поволжья свободный доступ в восточные районы Прикубанья.

В I—II вв. н. э. на правобережье Кубани между Усть-Лабинской и Казанской появился новый тип катакомбных курганных погребений (86 курганов, исследованы Н. И. Веселовским)⁵. Исключительное богатство этих курганов с характерным для кочевников инвентарем, их сосредоточение вокруг основных городищ Среднего Прикубанья не оставляют сомнения в том, что это погребения представителей племенной прикубанской знати, эксплуатировавшей оседлое население Прикубанья.

Нижневолжское происхождение части этих кочевников кажется несомненным. Форма катакомбы, представленная чертежами Н. И. Веселовского, тождественна сарматским нижневолжским и особенно катакомбам района г. Степного. В отличие от господствующей широтной ориентировки

¹ Курган № 2—ОАК за 1902 г., стр. 87—88.

² Курган № 1—ОАК за 1903 г., стр. 61—65.

³ Впускное погребение в кургане № 2—ОАК за 1902 г., стр. 87—88.

⁴ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, № 3, 1947, стр. 100 и след. К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Сев. Прикаспия, КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 97 и след.

⁵ Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской обл. в период римского владычества. Тр. XII АС в Харькове 1902 г., т. I. М., 1905, стр. 341—373.

катакомбных погребений в грунтовых могильниках, где лишь изредка встречалась южная, погребенные лежали головой на юг, реже на запад¹.

На основании погребального инвентаря можно сделать заключение об экономическом могуществе этой группы среднекубанского населения, эксплуатировавшей рядовое земледельческое население городищ. Наличие большого количества привозных вещей (металлическая, краснолаковая глиняная посуда, стеклянные сосуды, золотые украшения и пр.), свидетельствующих о тесных торговых связях кубанской племенной аристократии с внешним, преимущественно античным миром, привело первого исследователя сарматских курганов Прикубанья Н. Веселовского к ошибочному выводу о римских колонистах на Кубани².

Широкие исследования сарматских курганов в Поволжье и меото-сарматских грунтовых могил Прикубанья, произведенные в советское время, дали возможность пересмотреть вопрос об этнической принадлежности погребенных на «Золотом кладбище». В них следует видеть аланов, выходцев из прикаспийских степей, вероятно частично смешавшихся со старым меото-сиракским населением Прикубанья, но не потерявших связи с обширной алано-аорской группой племен соседних с Прикубаньем областей Подонья и Нижнего Поволжья.

Набор погребального инвентаря мужских погребений «Золотого кладбища», несмотря на сильную разграбленность большинства курганов, служит доказательством воинственности погребенных. Это были конные тяжелооруженные воины, одетые в кольчуги и железные остроконечные шлемы, вооруженные длинным сарматским мечом, тяжелыми копьями и луком, т. е. типичные воины конных аланских дружин, участвовавших в войнах в Закавказье и на Дунайских границах Римской империи.

Некоторые из аланских племен, влившихся в меото-сиракскую среду Прикубанья в I—III вв. н. э., были непосредственными восточными соседями Боспора. Не случайно в таманской надписи говорится о наличии на азиатской части Боспора в начале III в. н. э. специальной «коллегии аланских переводчиков во главе с главным аланским переводчиком»³.

Однако основной территорией кубанских сарматов I—III вв., вероятно, оставались районы правобережья Кубани восточнее Лабы, так как западнее нам неизвестны подобные курганы с катакомбами.

Среди курганов «Золотого кладбища» изредка встречались сиракские типы погребений в грунтовой прямоугольной яме значительных размеров (всего пять курганов). Любопытно в этой связи обратить внимание и на другой факт. Большинство кубанских катакомбных погребений оказались разграбленными уже в древности. Грабители были современниками аланских курганов, хорошо знавшими размещение погребальных камер под насыпями — грабительские ямы безошибочно вели в погребальную камеру, расположенную к западу от могильного входа. Иногда в разграбленной катакомбе совершалось вторичное погребение, где покойник клался в широтном направлении, головой на запад, т. е. по сиракскому обряду. Имеется также указание Н. И. Веселовского, что в катакомбах II типа (коридорного) костяки были обращены головой к могильному входу, т. е., вероятно, на восток. Первый приведенный факт прежде всего указывает на разнородный состав населения этого района, на совместное бытование сиракских и аланских племен; второй, кроме того, подтверждает слияние сиракской и аланской племенной аристократии.

Несмотря на то, что с I в. до н. э. материальная культура населения Прикубанья подверглась сильной сарматизации, бросаются в глаза яркие

¹ Н. И. Веселовский. Указ. соч.

² Там же.

³ В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. ИАК, вып. 40, стр. 113.

черты своеобразия локального характера, обусловленные развитием древней меотской культуры. Так, наряду с поволжскими типами глиняной посуды, где целиком совпадает и форма и орнамент, выделяется группа сосудов, ведущих свое происхождение от старых меотских форм сероглиняной гончарной посуды, причем последняя господствует и оказывает свое сильное воздействие на керамику Поволжья.

Кроме общесарматских типов мечей и кинжалов (короткие мечи с кольцевым навершьем, длинные мечи с грибовидным или круглым навершьем и без металлического перекрестья), имеются своеобразные формы вроде зубовского меча с прямым перекрестьем и плоским навершьем, напоминающим расплющенные слившиеся волюты. Наряду с кольчатыми удилами, хорошо представленными в сарматских курганах Поволжья, мы имеем здесь характерные преимущественно для Северного Кавказа колесовидные удила, генетически связанные со старыми меотскими удилами с крестовинами, своеобразные типы псалий с вильчатыми и S-образными концами (Зубовский и Воздвиженский курганы).

Кубанские зеркала III—II вв. до н. э. полностью вытесняются общесарматскими, среди которых наиболее типичными становятся, кроме простых зеркал в виде круглого диска без ручки, зеркальца-подвески с боковым, позже с центральным ушком. Определенно прикаспийского происхождения поздние варианты зеркал прохоровского типа — с валиком по краю диска и короткой ручкой (Зубовский курган, курган Хатажукаевского аула и пр.).

Из прикаспийских степей попадают на Кубань ритуальные глиняные сосудики цилиндрической и прямоугольной формы (они найдены на Кубани лишь в курганных погребениях); того же, вероятно, происхождения алебастровые туалетные сосудики, известные в Приуральских курганах уже в III—II вв. до н. э.

Сарматский звериный стиль золотых вещей Прикубанья I в. до н. э. — I в. н. э. также восходит к савроматскому звериному стилю Поволжья и Южного Приуралья.

Тесные связи с Поволжьем прослеживаются в течение пяти веков, от I в. до н. э. по IV в. н. э., когда произошли значительные изменения в составе населения Поволжья, приведшие фактически к уничтожению или ассимиляции с другими племенными группами поволжских сарматских племен и значительному перерождению здесь сарматской культуры. Причиной этого было движение гуннов, разгромивших прикаспийскую группу аланов. По-иному сложилась историческая судьба северокавказских сарматских племен. Движение гуннов не было столь пагубным для меотского и сарматского населения Прикубанья, оставшегося в стороне от основного пути гуннских орд на запад.

Еще мало изученные памятники материальной культуры племен Прикубанья позднесарматского времени (IV—V вв. н. э.) свидетельствуют о дальнейшем непрерывном развитии этой культуры, созданной в первых трех веках н. э.

Вероятно, еще до гуннского движения в Прикубанье попадают отдельные группы прикаспийского аланского населения, среди которого широко развился обычай искусственной деформации головы¹. Таковую же картину мы наблюдаем в верховьях Кубани и в центральных районах Северного Кавказа.

Непосредственные потомки меото-сарматского населения Прикубанья в IV—V вв. н. э. покидают укрепленные городища и переходят на открытые

¹ К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Сев Кавказа. КСИИМК, вып. XXXII, стр. 124.

селища. Нам еще не ясны причины прекращения жизни на укрепленных городищах в IV в. н. э. Единственный памятник прикубанского населения V в. н. э., подвергшийся систематическим исследованиям (Пашковский могильник № 1)¹, свидетельствует о сохранении старых погребальных традиций (западная ориентировка покойников, сосуд, поставленный в миску, и пр.) и о большой общности материальной культуры среднекубанского населения — с одной стороны, с аланами верховий Кубани², с другой стороны — с местным населением северо-восточных районов Причерноморья (Геленджикский могильник)³. Племена средней Кубани этого времени приняли участие в создании общей для Северного Кавказа и Подонья так называемой аланской культуры раннего средневековья. В своей основе это были, вероятно, непосредственные потомки меотов и отчасти сираков и северокаспийских аланов.

¹ М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1. СА, I, стр. 159—171. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 217—218 (исследования Н. В. Анфимова); К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Сев. Кавказа, стр. 125. Е го же. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана, стр. 155—159.

² Т. М. Минаева. Могильники Байтал-чапкан. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 2—3. Ставрополь, 1950, стр. 205—238. Е е же. Археологические исследования на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, № 23, 1951, стр. 273—301.

³ В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, Пг., 1914, стр. 75—219.

М. Э. ПАНИЧКИНА

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ ШЕЛЛЬСКИХ ОРУДИЙ

(По материалам Сатани-дар)

В результате работ, проведенных на территории Армении экспедицией Института истории Академии наук Армянской ССР (1946 г.) и палеолитической экспедицией Государственного Эрмитажа (1947—1949 гг.), был собран обильный материал, весьма выразительный для характеристики начальных этапов первобытного общества. Находки шелльско-ашельского времени представлены наиболее хорошо на холме Сатани-дар, находящемся у северо-восточного склона горы Артин (Богутлу), в одном километре от с. Пирмалак Талинского района¹.

Из обнаруженных на Сатани-дар находок наибольший интерес вызывают самые древние, относящиеся к шелльскому времени. Большое количество материала дает возможность детально изучить приемы обработки изделий, т. е. состояние техники на раннем этапе древнего палеолита, а также охарактеризовать до некоторой степени назначение орудий и основные черты хозяйственного уклада этой эпохи.

Для изготовления шелльских орудий использовался обсидиан, который добывался здесь же на месте.

Первой характерной особенностью изделий является сильная окатанность и «изношенность» их поверхности. Судя по характеру повреждений, главной причиной окатанности являлись водные потоки. Следы окатывания в виде царапин, звездчатых изъянов, некоторой заполированности поверхности прослеживаются на всех шелльских изделиях. Повидимому, размывание почвы и перемещение материала происходило в период очень интенсивной и продолжительной деятельности текучих вод.

Различная степень «изношенности», прослеживаемая на шелльских и ашельских орудиях, указывает на более сильное перемещение древнейших из них; очевидно, шелльские претерпели перемещение и были в какой-то мере окатаны еще до появления ашельских орудий. Вторичное нарушение их происходило уже одновременно с ашельскими, залегающими сейчас вместе с шелльскими находками на поверхности холма.

Второй чертой, не менее важной для характеристики шелльского комплекса Сатани-дар, является сильная патинизация поверхности орудий. Конечно, патина не всегда является показателем древнего возраста

¹ Описание собранных в 1946—1948 гг. материалов и характеристика условий залегания находок на Сатани-дар даны мною в работе «Палеолит Армении», Л., 1950. Исследованиями 1949 г. значительно пополнены сборы предыдущих лет и сделаны добавочные наблюдения над условиями залегания палеолитических остатков.

каменных орудий. Однако изучение разновременного материала с Сатани-дар убеждает в том, что на шелльских орудиях интенсивная патина образовалась вследствие их глубокой древности. Не может быть случайным тот факт, что среди разного по возрасту археологического материала, но залегающего в настоящее время в одинаковых с шелльскими находками условиях, наиболее выветренными орудиями являются самые древние. Сильно выветренная поверхность шелльских орудий — очень тусклого оттенка. Патина полностью маскирует натуральный цвет обсидиана.

Третьей и самой важной чертой шелльского комплекса Сатани-дар, выделяющей его среди ашельских изделий этого местонахождения, является чрезвычайно примитивный по технике изготовления и очень однообразный по формам набор орудий. Этими признаками он резко отличается от более четко и тонко оформленных ашельских орудий.

В инвентаре шелльского комплекса намечаются по технике изготовления две основные формы изделий — отщепы и двусторонне обработанные орудия.

В большинстве случаев отщепы (60 экз.) — крупных размеров, грубых, неправильных очертаний и значительной толщины в поперечном разрезе. По ряду морфологических признаков они имеют типичные черты клектонской техники (рис. 1—1—6).

Грубый облик отщепов зависел в значительной степени от характера предварительной подготовки желвака. В шелльском комплексе Сатани-дар нуклеусы представлены характерной серией (40 экз.). Это крупные куски обсидиана, круглой или овальной, а иногда неправильно четырехугольной формы, поверхность которых слегка подравнивалась грубой оббивкой. Широкие грани, покрывающие ядрище, идут в разных направлениях и располагаются бессистемно (рис. 2—1—2). Никаких следов подправки краев или выравнивания ударной площадки на них нет.

Самую выразительную группу орудий на отщепах составляют ручные остроконечники (23 экз.). Примитивный облик этих орудий не оставляет сомнения в принадлежности их к наиболее древнему комплексу. Для их изготовления использовались очень толстые, чаще всего асимметричные или подтреугольных очертаний отщепы. Грубой подправкой выравнивался только один, наиболее утолщенный край (рис. 3—2—4); второй, более тонкий, не подправлялся. Верхний конец добавочно приострялся несколькими сколами.

В шелльском комплексе Сатани-дар встречаются и другие формы орудий, изготовленных на отщепах. Среди них очень примитивные скребла (рис. 3—1) и орудия типа грубого сверла. Эти изделия не имеют еще выработанной формы.

Ручные рубила представлены довольно крупной серией (56 экз.) и, несмотря на свой примитивный облик, являются образцами, наиболее сложными по способу изготовления (рис. 2—3; рис. 4—1—3). Для их изготовления использовались массивные, иногда расколотые пополам куски обсидиана. Оббивкой поверхности с двух сторон орудию придавалась чаще всего миндалевидная (рис. 2—3; рис. 4—2), реже овальная (рис. 4—3) или сердцевидная (рис. 4—1) форма. Характерная особенность этих орудий, как и всех рубил шелльского времени, — зигзагообразные боковые края и утолщенное основание. Следует отметить все же, что на преобладающей части ручных рубил Сатани-дар пятка оббита по всей поверхности и лишь немногие экземпляры сохранили частично естественную корку желвака (рис. 4—2). Несомненно, пятка оббивалась намеренно, так как крупные гладкие сколы на ее поверхности позволяют удобно и крепко захватывать рукой орудие.

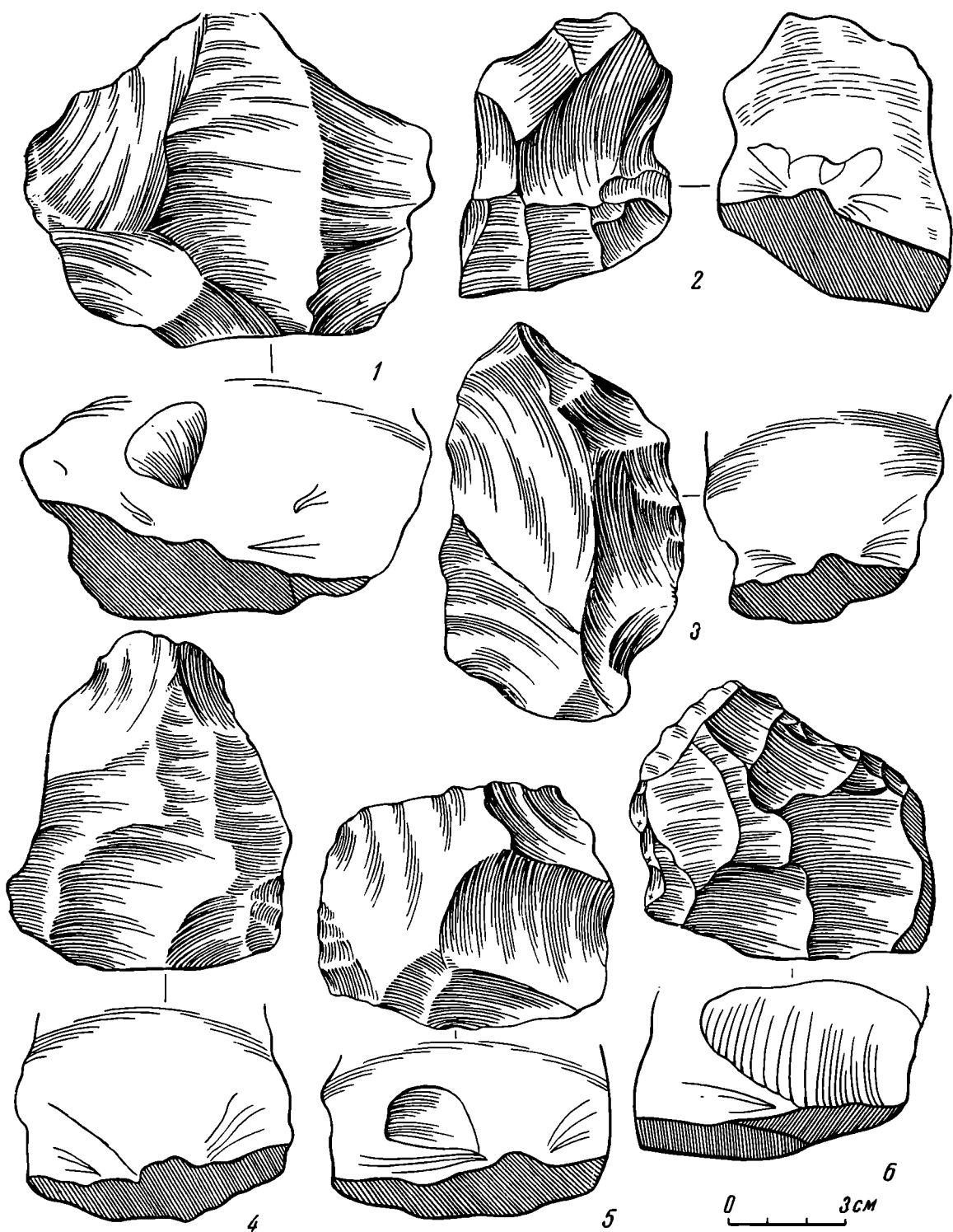

Рис. 1. Сатани-дар. Массивные широкие отщепы.

Вторую группу двусторонне обработанных орудий Сатани-дар составляют грубые рубящие формы (рис. 3—5). Они представлены более многочисленной, чем ручные рубила, серией (78 экз.). Для изготовления их использовались круглые или немного продолговатые, слегка уплощенные куски обсидиана. Обработка куска камня ограничивалась несколькими

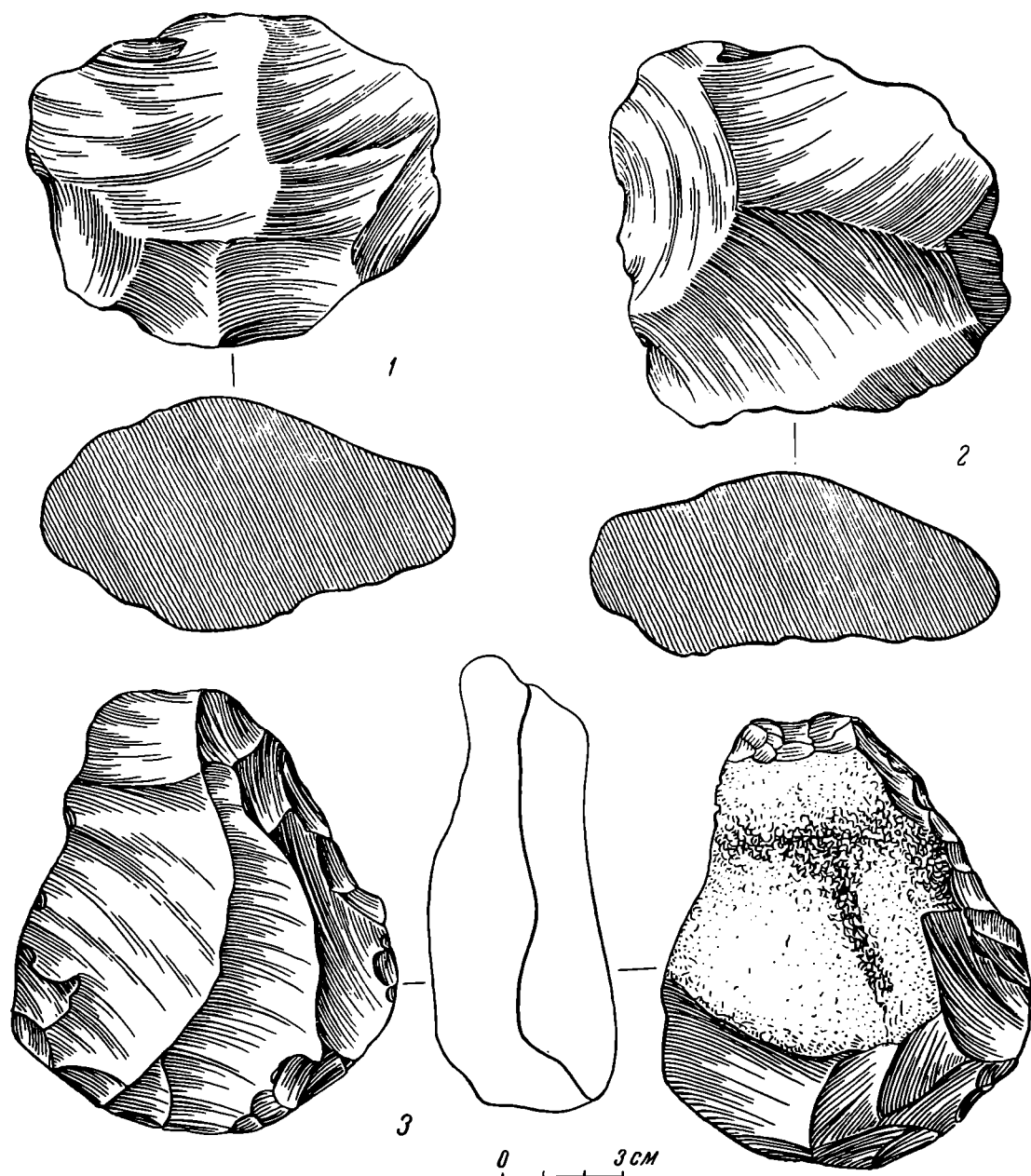

Рис. 2. Сатани-дар. 1 и 2 — нуклеусы; 3 — ручное рубило миндалевидной формы.

приострающими сколами, наносившимися по краям. Крупные, массивные и тяжелые, эти орудия служили, очевидно, для выполнения работ, требовавших удара большой силы.

Грубые рубящие изделия, функционально близкие к ручным рубилам и почти всегда сопровождающие их, являются наряду с последними характерными формами на протяжении всего нижнего палеолита.

Культурные остатки шельского комплекса Сатани-дар дают достаточно ясное представление о составе инвентаря и технике изготовления его в древнейшую эпоху человеческой истории. Набор орудий весьма беден.

Представленные формы изделий — ручные рубила, грубые рубящие орудия, отщепы и сравнительно небольшое количество примитивных остроконечников — свидетельствуют о слабых еще технических навыках в обработке камня.

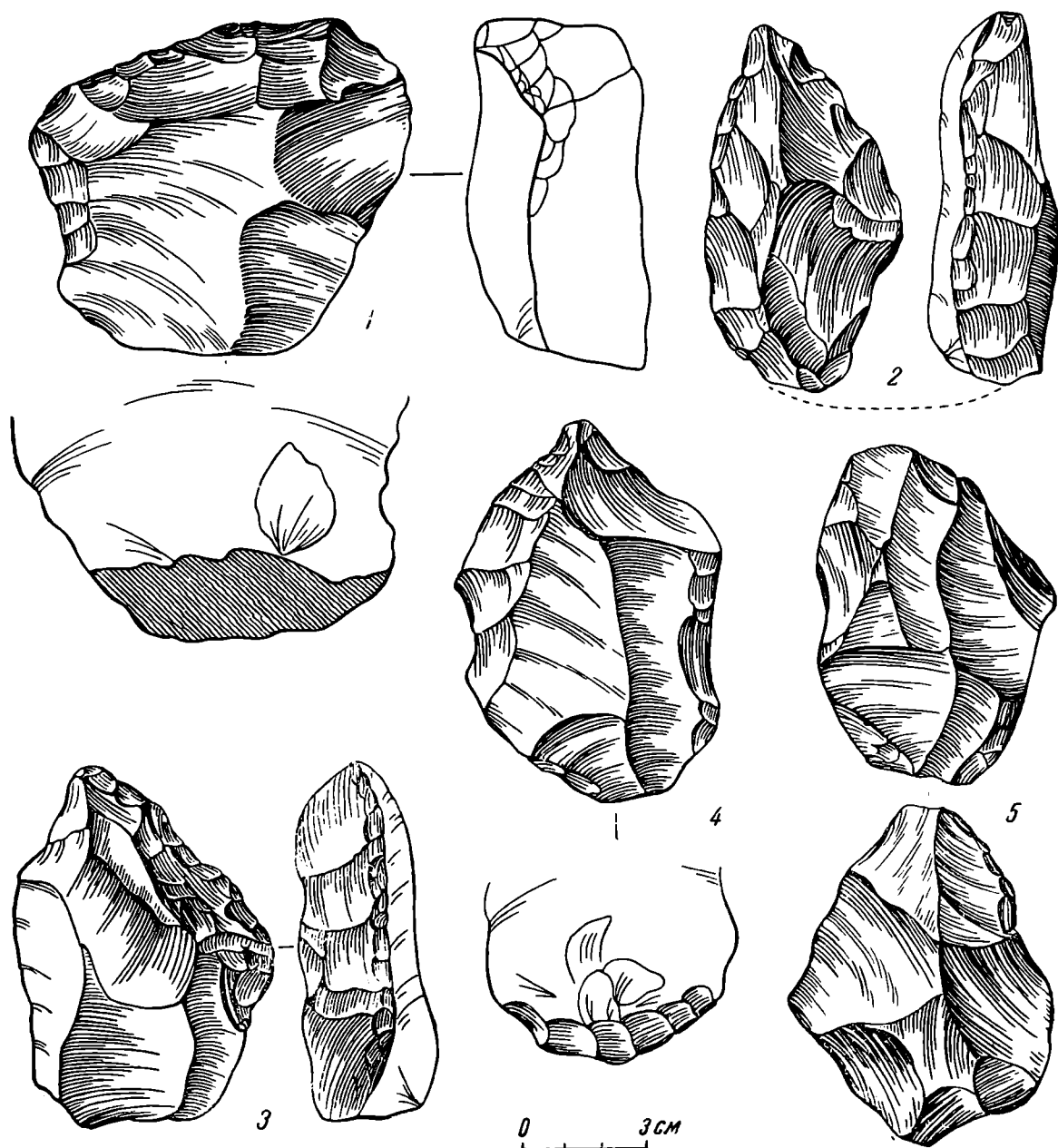

Рис. 3. Сатави-дар. 1 — скребло; 2 — 4 — ручные остроконечники; 5 — грубое рубящее орудие.

Лучшая обработка и довольно правильная, устойчивая форма ручного рубила служат показателями самых высоких технических навыков, достигнутых в шелльскую эпоху. По техническим признакам рубило является руководящей формой и наиболее эффективным орудием среди остального инвентаря древнего палеолита, что, однако, не дает еще основания считать это орудие «ведущей формой» в производственной деятельности человека. Ручное рубило — не преобладающее орудие среди шелльского инвентаря даже тех местонахождений, в которых оно представлено наиболее хорошо.

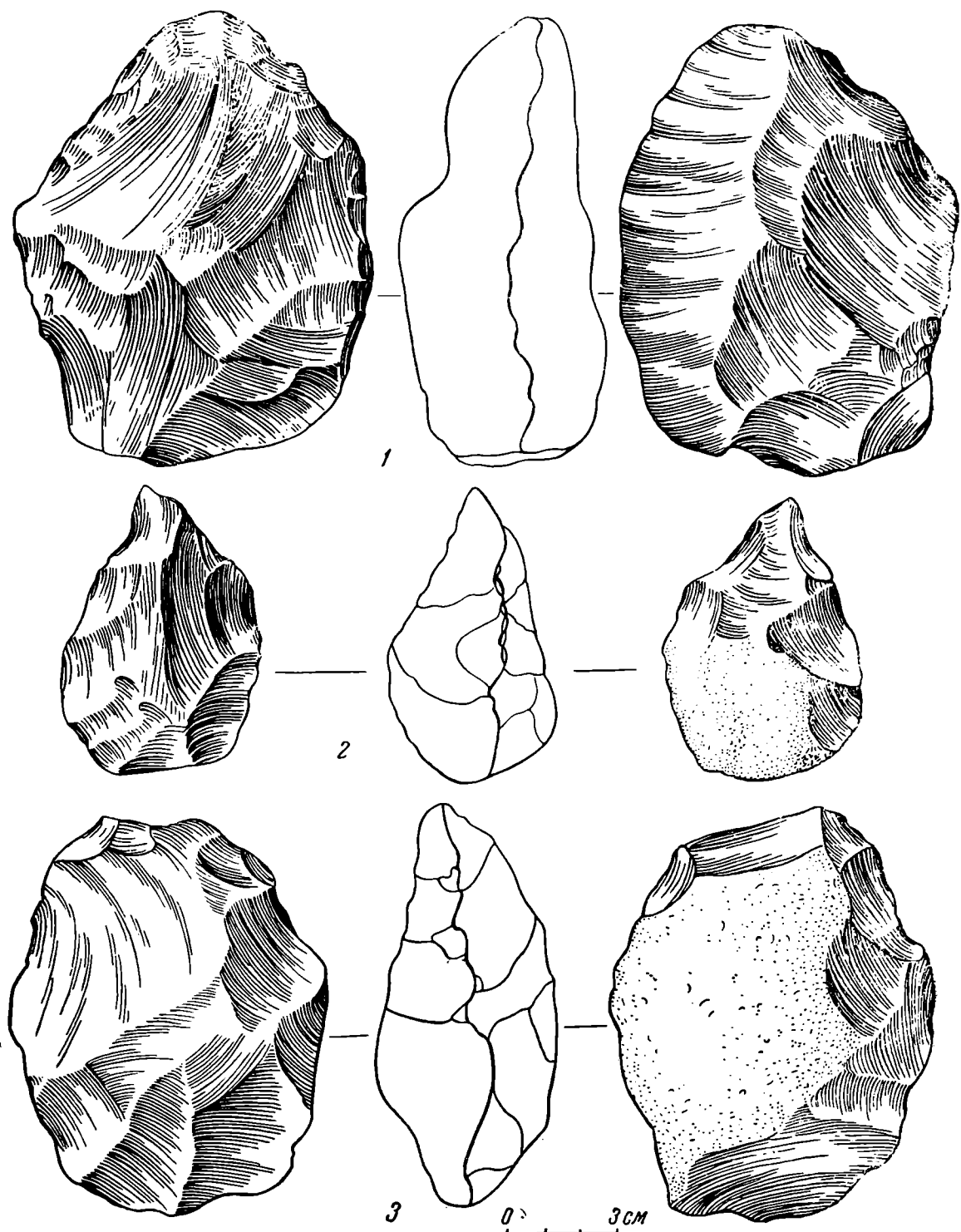

Рис. 4. Сатани-дар. 1—ручное рубило сердцевидной формы; 2—ручное рубило миндалевидной формы; 3—ручное рубило овальной формы.

Эта роль была приписана ручному рубилу лишь потому, что не обращалось внимания на более массовый материал, маловыразительный, но очень важный для характеристики древнепалеолитической техники и хозяйственной деятельности человека. Накопившиеся археологические данные давно уже показали устарелость взглядов Мортилье, считавшего ручное рубило единственным орудием шелльской эпохи¹.

Материал со значительной части древнепалеолитических местонахождений свидетельствует об обратном; среди них преобладают отщепы, орудия на отщепах, нуклеусы и грубые рубящие орудия, т. е. инвентарь, который обычно принято именовать «сопровождающим». Ручные рубила часто представлены в этих комплексах лишь единичными экземплярами.

Однообразие шелльских орудий свидетельствует о недифференцированности форм, об универсальном их назначении.

Но некоторые признаки намечающейся в конце шелльского времени дифференциации орудий все же можно проследить. На нее указывают достаточно выработанная форма ручного рубила и появление, хотя и очень еще примитивных, ручных остроконечников.

Крупные размеры, тяжеловесность, довольно правильная миндалевидная или овальная форма указывают на то, что ручное рубило использовалось в первую очередь в качестве рубящего орудия. Мысль о том, что оно представляло собой ударное орудие, не раз высказывавшаяся в советской археологической литературе², нам кажется в основном правильной, но требующей некоторого уточнения.

При изучении характера обработки ручных рубил Сатани-дар с целью выяснения способа держания их в руке наблюдалось, что этим орудиям присущи признаки, указывающие на использование их в первую очередь в качестве рубящих орудий. Для подавляющего большинства ручных рубил характерна уплощенность боков в верхней части. Благодаря такой приплюснутости орудие должно было использоваться наиболее целесообразно в положении «на ребро», а не плашмя, и рабочей частью его должны были служить не только верхний конец, но и продольные края.

Обращает на себя внимание также различная форма и разнородный характер обработки верхнего конца рубил. Больше всего он сужен у миндалевидных орудий, хотя и у них верхний конец довольно массивен и не имеет дополнительной подправки. На некоторых экземплярах, главным образом на овальных рубилах, верхний конец закруглен или притуплен, а в единичных случаях совершенно необработан.

Преобладающая часть рубил имеет заметную асимметричность краев и разный характер их обработки. На асимметричных рубилах один продольный край утолщен и лезвие имеет вид чрезвычайно ломаной линии. Второй край оббивкой сделан более тонким и тщательнее выровнен. Характерно, что сильная сработанность и выбоины, прослеживаемые на некоторых экземплярах, почти всегда связаны с приостренным краем. Наконец, при положении, наиболее удобном для обхвата орудия рукой, рубило обычно обращено приостренным краем вниз.

Перечисленные признаки свидетельствуют, что продольный край рубила в работе имел значение более важное, чем верхний конец. Эти наблюдения, проведенные хотя и на немногочисленном материале, говорят в

¹ Г. и А. Мортилье. Доисторическая жизнь. Происхождение и древность человека. Под ред. Л. Я. Штернберга, 3-е изд., СПб., 1903, стр. 125.

² С. П. Толстов. Проблемы дородового общества. СЭ, 1931, № 3—4, стр. 79. П. И. Борисковский. Исторические предпосылки так называемого *Homo sapiens*. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 1—2, стр. 35. С. Н. Замiatин. Палеолит Абхазии, стр. 35. П. И. Борисковский. Начальный этап первобытного общества. Л., 1950, стр. 33.

пользу использования ручного рубила главным образом в качестве рубящего орудия.

Наблюдения в отношении способа держания орудия очень интересны. Для удобного и прочного зажима орудия рука должна охватывать не всю пятку, а только ее боковую часть. Зажиму всей пятки мешает массивность, а иногда выступы или ребра, образовавшиеся вследствие грубой оббивки. У некоторых рубил на одном крае пятки сделаны по два-три крупных, утончающих основание скола, благодаря чему повернутое на бок орудие не скользит и прочно держится в руке. Большой палец чаще всего покрывает одну сторону пятки, а четыре, сложенные вместе, зажимают другую. Некоторые орудия захватываются иначе — большой и указательный пальцы располагаются по бокам пятки, а остальные три пальца покрывают одну ее сторону; основание орудия упирается в ладонь. То обстоятельство, что пятка захватывается не в основании, а несколько сбоку, и что орудие оказывается повернутым на бок, т. е. одним продольным краем вниз, отмечалось и Г. Мортилье, проводившим наблюдения над рубилами. По Мортилье, пятка, при наиболее удобном захватывании, упирается в основание большого пальца, а не в центр ладони¹. Некоторые рубила совершенно определенно удобнее захватываются правой рукой. Эта весьма любопытная особенность, прослеженная на 17 экземплярах из 56 ручных рубил, зависит от характера обработки пятки. На многих экземплярах оббивка по бокам неодинакова. Одна часть пятки, располагающаяся со стороны утолщенного, продольного края, выровнена тщательнее и сохраняет заглаженную естественную поверхность, а вторая, совпадающая с приостренным краем, имеет более острые выступы и ребра, мешающие сильному зажиму. Вследствие неодинаковой обработки поверхности, пятку можно захватить прочно только с одной, лучше выровненной стороны, причем, наиболее удобно правой рукой; в левой же руке эти грани располагаются иначе — выступающие ребра, впиваясь в ладонь, не позволяют плотно зажать орудие. Находясь в правой руке, рубило составляет как бы ее продолжение; верхний конец направлен вперед; один край — почти всегда наиболее приостренный — обращен вниз, а второй, имеющий более изломанную линию лезвия, вверх. В момент удара нижний приостренный край и верхний конец соприкасаются первыми с обрабатываемым предметом.

Необходимой рабочей частью является, таким образом, не только верхний конец, но и продольный, обращенный вниз край. При таком захвате рукой, орудием можно производить различные работы — рубить, скрести, резать, колоть. В левой руке это же орудие занимает совершенно иное положение — верхний приостренный конец повертывается назад, т. е. по направлению к работающему, и орудие образует с рукой чрезвычайно острый угол и даже при большом размахе не может нанести сильного удара. Виды работ, которые можно производить, становятся весьма ограниченными.

Такие же наблюдения проведены и над другими типами орудий шельского комплекса Сатани-дар. О некоторых отщепках, несущих явные следы обработки и употребления, можно определенно сказать, что они также держались во время работы в правой руке. Это относится и к орудиям типа грубых скребел и остроконечников, изготовленных на очень массивных отщепках. Рабочим лезвием скребел (5 экз.) служит крутой, значительно скошенный край, который располагается на конце, противоположном ударной площадке (рис. 3—1). Обработка произведена вдоль основания крутого края. Для того чтобы использовать лезвие в работе, необходимо держать орудие в правой руке, брюшком обязательно вниз. При захватывании левой рукой, рабочее лезвие отклоняется в сторону, влево

¹ Г. и А. Мортилье. Указ. работа, стр. 115—116, рис. 24.

от работающего, и поэтому использование его в работе затруднено. Не может быть использовано орудие и в перевернутом виде, т. е. нижней плоскостью вверх,— этому мешает неровность выпуклой спинки и толщина рабочего края, который оказывается вверх, и привести его в соприкосновение с обрабатываемым предметом невозможно.

Характер сработанности, прослеженной на остроконечниках, указывает также на использование орудий в правой руке. Как уже отмечалось, преобладающая часть остроконечников несет следы намеренной обработки лишь по одному, наиболее утолщенному краю, который служил в работе для упора пальца. В одних случаях подправлялся правый край орудия (если считать нижней стороной остроконечника гладкую поверхность, несущую ударный бугорок), а в других (в меньшем количестве) — левый. Однако, независимо от положения притупленного края на отщепе, эти орудия захватывались правой рукой. В тех случаях, когда притуплен правый край, прослеживающиеся на рабочем лезвии следы употребления располагаются со стороны спинки, указывая на то, что наиболее подверженной снашиванию частью орудия была верхняя часть этого края. Такой характер сработанности мог образоваться лишь при захватывании остроконечника правой рукой. Характерно, что на остроконечниках, притупленных с левого края, следы употребления прослеживаются, как правило, с противоположной, нижней стороны отщепа, на которой они образуют как бы противоположающую ретушь, могущую быть полученной лишь в результате работы правой рукой.

На основании приведенных наблюдений нельзя, конечно, делать каких-либо широких обобщений. Отмеченные особенности характерны лишь для единичных экземпляров; основная же масса изделий не поддается определению в этом отношении. Приведенные факты не могут явиться решающими в вопросах, связанных с назначением ручных рубил, со способом применения их в работе, однако они дополняют имеющиеся данные. Выяснение вопроса, обладал ли уже шельский человек вполне выработавшейся праворукостью, позволит с большей точностью определить способы употребления и таких орудий, для которых характер положения в руке остается недостаточно ясным.

Возвращаясь к вопросу об использовании ручных рубил, необходимо к отмеченным ранее признакам — целесообразная для удара форма, уплощенность в поперечном разрезе, крупные размеры, тяжеловесность, большее приострение одного продольного края, приуроченность к этому краю следов сработанности (притупленность, крупные выбоины) — прибавить новые детали. Мы имеем в виду особенности обработки, устанавливающие целесообразность пользования правой рукой и свидетельствующие о назначении рубил в качестве ударных, главным образом рубящих орудий. Безусловно, ручное рубило использовалось и в других целях — резания, скобления, прокалывания и т. д. Им могли разбивать орехи, растирать корни, отбивать осколки от камня, т. е. случайно оно могло быть использовано как всякий удобный для этого камень, но изготовлялось рубило не для этих целей; основной его функцией являлось, повидимому, нанесение сильного рубящего удара. Оно предназначалось для более трудных работ и потому, вероятно, получало самую тщательную для того времени обработку. Подправка с двух сторон придавала прочность лезвию. При разделке туши животного, порубке сучьев, раздроблении костей или отсыивании охотничьей дубины едва ли мог употребляться незначительный по размерам и весу отщеп; для этих целей более пригодно массивное крупное орудие с приостренными краями. Потребность в древнепалеолитическую эпоху в рубящем орудии была, естественно, велика, и для этих целей рубило было наиболее приспособлено.

Сосредоточение в ряде мест, в том числе и в Армении, большого количества ручных рубил заставляет задуматься над причиной подобного скопления их в одних древнепалеолитических местонахождениях и малочисленностью в других. Конечно, явно несостоятельная теория о каких-то расово-различных носителях «культуры отщеп» и «культуры рубила», имеющая хождение среди буржуазных ученых Запада, ни в какой мере не служит объяснением. На надуманность таких построений указывает сочетание ручных рубил и отщепов среди культурных остатков преобладающей части древнепалеолитических местонахождений.

Не может полностью удовлетворить нас и объяснение, сводящее различие в составе находок на отдельных местонахождениях к так называемому «миражу ручных рубил», т. е. попросту к несовершенству методики собирания, преимущественному выбору более эффектных находок¹. Наличие значительного количества ручных рубил среди материалов ряда древнепалеолитических местонахождений, обнаруженных на разобщенных между собой территориях, остается неоспоримым фактом. Нельзя отрицать, например, наличия высокого процента ручных рубил на древнепалеолитических памятниках Франции, Малой Азии и в Армении. Уже самый факт многочисленности ручных рубил в окрестностях Амьена, в частности на р. Сомме, подтверждает, несмотря на намеренный подбор этих орудий во многих коллекциях, большую значимость этой формы в хозяйственной деятельности древнепалеолитического человека.

Вряд ли можно объяснить их наличие в древнепалеолитических комплексах только различным хронологическим возрастом последних². Хотя такая связь, безусловно, наблюдается, но одного этого объяснения все же мало. Остается, например, открытым вопрос — почему в шельском и ашельском комплексах Сатани-дар имеются многочисленные образцы ручных рубил, а среди хронологически близких им находок на Черноморском побережье Кавказа они представлены единичными экземплярами.

Трудно дать сейчас определенный ответ. Но, может быть, подлинное объяснение будет заключаться в том, что разные по характеру местонахождения указывают на различные стороны хозяйственной деятельности первобытного человека. Не исключена возможность, что различие географического положения Армении и Черноморского побережья сказалось в какой-то мере на характере хозяйственной деятельности населения этих областей. Так, например, первобытное население прибрежной части Закавказья могло широко заниматься, наряду с охотой за крупными животными, собиранием обитателей моря, выбрасываемых на берег, тогда как в высокогорных каменистых районах Армении человек мог добывать себе пищу почти исключительно охотой. Естественно, эти особенности хозяйственной деятельности обуславливали и некоторое различие в количественных соотношениях типов орудий.

Вопрос о форме хозяйства в древнепалеолитическое время неоднократно поднимался в советской археологической литературе. Для разрешения его привлекались археологические, палеонтологические, антропологические и этнографические данные. Как известно, среди советских археологов существует по этому вопросу две точки зрения. Согласно одной из них, в наиболее развернутом виде разработанной П. П. Ефименко, ведущей формой хозяйства на начальных этапах развития первобытного общества являлось собирательство. Каменные изделия этой эпохи, в том числе и

¹ П. И. Борисковский. Исторические предпосылки оформления так называемого *Homo sapiens*, стр. 19 и след.

² П. И. Борисковский. Начальный этап первобытного общества. Л., 1950, стр. 37.

ручное рубило, предназначались для добывания растительной пищи (выкапывание корней, личинок, насекомых, червей) и для охоты за мелкими животными¹.

Согласно второй,— основной формой хозяйства на самых ранних этапах человеческого существования — являлась охота за крупными животными. Собираательство, несмотря на его важное значение в первобытном хозяйстве, играло лишь подчиненную роль. Наиболее эффективным охотничьим орудием являлась дубина. Каменные изделия предназначались для освоения добычи. Слабая вооруженность первобытного человека обуславливала коллективный способ охоты².

Материалы, полученные в результате изучения комплекса Сатани-дар, свидетельствуют скорее в пользу второй точки зрения.

Преобладание рубящих орудий и массивность отщепов, служивших, по видимому, в качестве режущих, скребущих и прокалывающих инструментов, т. е. орудий, столь необходимых для освоения убитых животных, свидетельствуют, может быть и косвенно, о развитии охотничьего хозяйства. Очевидно, появление такого набора орудий связано с развитием охоты, причем каменные орудия, включая и ручное рубило, служили не для умерщвления животного³, а для освоения добычи. Лишь отсутствие фаунистических остатков не позволяет утверждать, что обнаруженные на Сатани-дар изделия являются орудиями охоты, однако сходство их с находками того же возраста других комплексов, давших, наряду с каменными орудиями, и остатки костей животных, указывает на сходство хозяйственной деятельности человека в начальный период древнего палеолита. Одинаковая техника обработки и сходные формы орудий, встреченные на различных, совершенно обособленных одна от другой территориях, могли лишь возникнуть при одинаковой форме хозяйства, на одной и той же ступени развития первобытного общества.

Одним из самых показательных для сравнения с шелльским комплексом Сатани-дар памятников является стоянка Торральба, в непотревоженных слоях которой были обнаружены, наряду с примитивными поздншелльскими — раннеашельскими орудиями, в частности с ручными рубилами, многочисленные кости животных — древнего слона, носорога, быка, лошади, оленя⁴. Обилие каменного инвентаря и костных остатков, сосредоточенных на ограниченной площади, говорит о том, что стоянка Торральба представляла собой охотничий лагерь, обитатели которого охотились за крупными животными и жили на этой стоянке длительное время.

Находки костей раннечетвертичных животных и примитивных орудий шелльского типа были сделаны и в гроте Обсерватория⁵. Состоящий из ручных рубил и многочисленных отщепов грубый инвентарь, смешанный с костями древнего слона, гиппопотама и носорога, использовался, по видимому, при освоении продуктов охоты.

Многочисленные находки костей крупных животных в Чжоу-Коу-Тяне, залегавшие вместе с чрезвычайно примитивными каменными изделиями, а также с остатками костей человека, позволяют считать, что начало развития охоты за крупными животными относится к еще более древнему времени, чем шелльское.

¹ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 171.

² С. П. Толстов. Проблемы родового общества, стр. 77—85. Его же. К вопросу о периодизации истории первобытного общества. СЭ, 1946, № 1, стр. 29. П. И. Борисковский. Исторические предпосылки оформления так называемого Номо сарьенс. Его же. Начальный этап первобытного общества. Л., 1950.

³ С. П. Толстов. Указ. работа, стр. 79.

⁴ H. Obermaier. Fossil Man in Spain. Cambridge. 1925, стр. 179.

⁵ Boule et Villeneuve. La grotte de l'Observatoire à Monaco. Archives de l'Institut de Paléontologie humaine. Mém. I. Париж, 1927.

Географическое положение Закавказья, не подвергавшегося в четвертичное время столь сильному, как Восточная Европа, влиянию ледников, обуславливало климатический режим, благоприятный как для человека, так и для животного мира. Создавшиеся условия — главная причина раннего заселения этой территории.

Горный ландшафт Армении, представлявший уже в нижнечетвертичное время ряд широких платообразных равнин, расчлененных многочисленными долинами рек и озерами¹, был благоприятен для развития охоты. Крупные животные раннечетвертичного времени, кости которых обнаружены в ряде пунктов Армении², могли доставлять богатую добычу и привлекали в эти места человека.

Не лишено вероятности, что одним из благоприятных обстоятельств для существования человека на территории Армении в начале четвертичного периода было широкое развитие явлений вулканизма, которые создавали необходимые условия для освоения огня. Наличие многочисленных естественных очагов позволяло человеку рано ознакомиться с полезными свойствами огня и использовать его в хозяйственном обиходе. Благодаря длительной, постепенно приобретаемой практике, человек научился не только пользоваться естественным теплом, но и переносить и поддерживать огонь длительное время. Это важнейшее достижение давало возможность человеку осваивать еще в шельское время высокгорные районы Закавказья с их резкой сменой годовой и суточной температуры. Примером древнейшего поселения человека на открытом плато служит стоянка Сатани-дар. Вероятно, только благодаря освоению огня создалась возможность поселения на незащищенном месте, расположенном на очень большой высоте. О том, что это местонахождение не было пунктом лишь кратковременного, случайного пребывания, а служило стойбищем, на котором человек обитал длительное время, свидетельствует богатый по своему количеству набор изделий.

Обнаруженные в Армении и на Черноморском побережье Кавказа древнепалеолитические стоянки указывают на расселение человека в раннечетвертичное время по всему Закавказью. Не исключена возможность, что под влиянием благоприятных условий для существования человека заселение этой территории шло более быстрыми темпами, чем в приледниковой полосе. Одним из наиболее важных свидетельств в пользу такого предположения является приуроченность к этой территории значительного количества местонахождений, давших многочисленные и хорошо выраженные серии типичных для древнего палеолита изделий.

¹ Л. А. Варданянц. Постплиоценовая история Кавказско-Черноморско-Каспийской области. Ереван, 1948, стр. 47. А. Л. Рейнгауд. Морфогенез массива Алагеза в свете новых геологических данных. ИГГО, т. 71, вып. 3, 1939, стр. 322—324.

² Богачев. Урмийское и Ванское озера. Известия АзГУ, VII, Баку, 1928, стр. 196. Его же. Палеонтологические заметки. Труды ФАН СССР, Геологическая серия, т. IX/39, Баку, 1938, стр. 91. Его же. Картина первобытной жизни Апшерона. Баку, 1940, стр. 88.

А. А. ФОРМОЗОВ

НИЖНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ
ПРИКУБАНЫЯ*(По данным разведок 1950 года)*

В результате многолетних исследований палеолитических стоянок Крыма, Закавказья и Среднего Подонья эти районы стали опорными для изучения древнейших периодов истории человечества на территории нашей страны. Однако данные о палеолите Крыма, Кавказа и Среднего Подонья до сих пор мало увязаны между собой, что обусловлено главным образом неизученностью палеолита в районе, лежащем между ними, — в Северном Предкавказье, Нижнем Подонье и Приазовье. Здесь известна лишь одна широко исследованная палеолитическая стоянка — Ильская, но вопрос о возрасте ее до сих пор дискуссионен¹. Большой интерес вызвала публикация С. Н. Замятнина «Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани»², в которой он сообщает о четырех известных ему пунктах находок палеолитических орудий в Северном Предкавказье. Лично С. Н. Замятниным обследовано местонахождение близ г. Майкопа, но обследование это было кратковременным и носило скорее разведочный характер. Остальные же местонахождения археологами не изучались. Это побудило нас провести в 1950 г. исследование палеолитических местонахождений Прикубанья с целью собрать дополнительный археологический материал и выяснить условия его нахождения.

Наиболее интересные находки обнаружены близ г. Майкопа³, на пункте, открытом краеведом П. К. Перепелицыным и обследованном в 1937 г. С. Н. Замятниным. Найденные ими предметы находились в условиях вторичного залегания в русле р. Фортепьянки, левого притока р. Белой, впадающего в нее в 4 км к западу от Майкопа. Наши разведки показали, что аналогичные обработанные человеком кремни встречаются не только на этой речке. Белая принимает слева (с юга), в районе Майкопа, второй приток, впадающий в 3 км выше Фортепьянки, — Курджипс с левыми притоками близ устья — Дед и Лучка. Курджипс — река с широкой, хорошо

¹ См. S. N. Zamiatnin. Station moustérienne à Ilskaja. Revue anthropologique, № 7—9, 1929. С. Н. Замятнин. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения. 1934. В. А. Городцов. Ильская палеолитическая стоянка по раскопкам 1937 г. Бюллетень КИЧП, № 6—7, 1940. Он же. Результаты исследований Ильской палеолитической стоянки. МИА, № 2, 1945.

² Сборник МАЭ, т. XII, Л., 1949.

³ В этом обследовании принял участие А. А. Иессен.

проработанной долиной, достаточно многоводная даже в сухое время года. Фортетьянка, Лучка и Дед — речки, длиной 10—12 км, летом пересыхающие. Долины у них узкие, недавно пропиленные в высоком берегу Белой. Находки обработанных кремней встречены на Фортетьянке, на протяжении 2—7 км от устья, на Лучке от устья вверх на расстоянии 5 км и на Курджипсе на протяжении 1 км от устья. В последнем случае они, однако, скорее происходят из выноса гальки той же р. Лучки, ибо выше ее устья по Курджипсу находок не обнаружено, а найденные кремни отличались сильной окатанностью. В целом создается следующая картина: долина Курджипса древнее долин Фортетьянки и Лучки, находки связаны с мысом между Белой и Курджипсом и обнаружены там, где мыс прорезан молодыми речками Лучкой и Фортетьянкой. Встает вопрос: можно ли рассматривать находки на Лучке и Фортетьянке как части одного местонахождения, так как расстояние между ними не менее 2 км? Однако для раннего палеолита характерны местонахождения большой протяженности. В Яштухе находки палеолитических кремней встречались на протяжении 2 км¹. Кроме того, в районе Майкопа мы имеем дело, как увидим далее, со следами размыва и разноса материала. Итак, можно сделать вывод, что древнее поселение находилось на мысу между Курджипсом и Белой.

В районе находок хорошо выражены две террасы р. Белой: 15-метровая — вюрмская и 75-метровая — миндельская² (рисская терраса на левом берегу Белой сохранилась лишь выше, у ст. Тульской). Археологические находки на Фортетьянке и Лучке обнаружены среди галечниковых перекатов на дне русел в тех местах, где речки прорезают вюрмскую террасу. Осмотр разрезов террасы по Лучке и Фортетьянке позволил установить, из каких горизонтов вымываются кремни. Приведем разрез по правому берегу Фортетьянки, в 7 км от ее устья:

	Видимая мощность в метрах
1. Почва	0,20
2. Плотный желтоватый суглинок с отдельными просло- ями гальки	1,10
3. Галечник, сцементированный коричневатым песком .	0,90
4. Серая слоистая глина с раковинами <i>Cardium</i> , <i>Trochus</i>	2,00

Обработанные кремни и на Фортетьянке и на Лучке были найдены в слое галечника. Время, к которому относятся галечники описанного типа, принято определять как вюрмское.

Таким образом, палеолитический возраст находок бесспорен, но раннепалеолитические отщепы не могут датироваться вюрмским временем. К тому же даже вынутые из слоя, а не взятые в русле, отщепы сильно окатаны. Это говорит о вторичном положении археологических материалов в слое галечника. Возможно, что они попали на вюрмскую террасу Белой после разрушения рисской. Первичное же положение их, вероятно, на миндельской террасе (осмотр поверхности которой был безрезультатен, ибо она густо заросла лесом), так как именно с террасой этого времени связаны находки древнепалеолитических кремней в Абхазии³. Очевидно, ис-

¹ С. Н. З а м я т н и н. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937, стр. 19.

² ИРГО, т. LXV, вып. 4, 1933, стр. 27.

³ В. И. Г р о м о в. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Труды ИГН, вып. 64, 1948, стр. 208.

тория местонахождения следующая: люди жили на миндельской террасе левого берега Белой, на мысу при впадении Курджипса. В дальнейшем орудия стоянки были смыты и попали в горизонт галечника вюрмской террасы. В недавнее время эта терраса была прорезана реками Лучкой и Фортепьянкой, кремни вымыты из слоя гальки и попали в галечник русел этих рек, а по р. Лучке — в Курджипс.

Коллекция кремней, собранная в районе Майкопа, очень выразительна. Материалом для изделий служил кремнь табачно-желтого цвета, реже слабо просвечивающий темный с светлыми пятнами. Большая часть предметов сохранила не затронутые обработкой участки корки, говорящие о том, что кремнь добывался человеком в виде галек.

Наиболее значительной серией являются отщепы клектонского типа (110 экз.). Это массивные, толщиной от 0,5 до 2,5 см, широкие (отношение длины к ширине 3:2, 4:3) отщепы, отделенные от дисковидных нуклеусов. Ударные площадки расположены под тупым углом (до 120°) к нижней плоскости отщепов. Они отличаются от площадок мустьерских отщепов значительными размерами и большей частью не имеют следов подправки. По типу площадок их можно разбить на две группы: первые — с очень широкими подтреугольными площадками (рис. 5—2, 5, 6; рис. 6—3); вторые — с более узкими, но имеющими значительную длину (рис. 6—5; рис. 5—4).

Отщепы с широкими и удлиненными площадками несомненно одновременны, так как они представлены и в других домустьерских памятниках — в Яштухе, Сатани-дар, Луке Врублевцевкой. При этом в Яштухе преобладают широкие подтреугольные площадки, а в остальных памятниках количество обоих типов примерно равно. Преобладание первого типа в Яштухе обусловлено, повидимому, материалом — плохо колющимся датским окремненным песчаником. В нашей коллекции отщепов с широкими площадками 61, а с удлиненными 49. Площадки большей частью гладкие и только у 13 отщепов площадки со следами подправки на нуклеусе, у 29 отщепов ударными площадками служили ровные участки галечной корки; 68 отщепов имеют совершенно гладкие площадки, говорящие о том, что подготовка нуклеусов совершалась путем простого откола от кремневой гальки одного из ее концов без дальнейшей подправки плоскости откола.

Отбивные бугорки, нередко с сосцевидными выступами в точке удара, отличаются выпуклостью и занимают значительную часть брюшка отщепов. Часто отбивной бугорок имеет характерный крупный изъём и радиально расходящиеся по брюшку от точки удара трещинки. Ряд отщепов имеет перегиб от отбивного бугорка к плоскости брюшка, особенно характерный для клектонской техники¹ (рис. 5—2). Спинка часто целиком закрыта галечной коркой, что говорит об однократном скалывании с нуклеусов как о приеме, который широко практиковался, в отличие от более позднего времени, когда нуклеусы использовались полнее. Вторичные отщепы характеризуются неправильной фастировкой спинки, показывающей, что предыдущие сколы делались не в одном направлении и не имели правильных очертаний.

Размеры отщепов колеблются в пределах от 9 до 3 см в длину, и от 6 до 2,5 см в ширину, большая же часть из них имеет размеры 4 × 5 см. Очертания отщепов в основном подтреугольные, а иногда приближающиеся к прямоугольнику. Отщепы последней формы относительно коротки и широки. Остальные могут быть названы пластинчатыми. Они удлинен-

¹ H. Breuil. Les Industries à Eclats du Paleolitique Ancien, Le Clactonien «Prehistoire», t. I, 1932.

ные с ударной площадкой на одном конце, также отделены от дисковидных нуклеусов, так как ось отщепов никогда не бывает перпендикулярна к ударной площадке, как на настоящих пластинах. По форме отщепы в количественном отношении распределяются следующим образом: подтреугольных 53, подпрямоугольных 28, пластинчатых 29. Неправильные края отщепов только в немногих случаях имеют следы обработки, которая не придает им какой-либо формы, а следует контурам края, притом, как правило, лишь на небольшую длину. Большую часть полученных таким путем орудий можно назвать скребками.

Кроме ретушировки приемом вторичной обработки является грубое стесывание, применявшееся для приострения края на особенно массивных отщепах.

Характеризуя отщепы в целом, можно сказать, что они имеют все признаки, отмеченные С. Н. Замятниным для отщепов, найденных на раннепалеолитических стоянках Абхазии¹. Здесь налицо и скалывание с неподправленных площадок дисковидных нуклеусов, и массивность отщепов, и выпуклость отбивных бугорков на них, и наличие обработки, не формирующей рабочий край, а лишь следующей контурам края, и применение стесывания при вторичной обработке, и подтреугольность и прямоугольность очертаний.

Нуклеусы нашей коллекции также характерны для раннего палеолита (рис. 6—6). Исходным материалом для них служили гальки размером 9×7 см, 6×6 см и т. д. Используя ровную часть галечной корки или подготовив путем откола вершины ударную площадку, человек отделял от края площадки ряд отщепов.

Все нуклеусы сработаны слабо и сохраняют значительные участки неснятой корки. Мустьерские нуклеусы готовились тщательнее и использовались полнее. Площадки нуклеусов расположены под тупым углом к негативам сколов, которые соответствуют всем выделенным выше типам отщепов. Аналогичные нуклеусы известны и из Яштуха, и из Сатани-дар, и из Луки Врублевецкой.

Из орудий найдены грубое рубящее орудие на гальке размером $7,5 \times 4,5 \times 4$ см, заостренное по краю довольно мелкими сколами (рис. 6—2), два диска и массивный остроконечник. Диски диаметром 5—6 см на плоских гальках имеют с одной стороны корку, а с другой обработаны радиально направленными сколами (рис. 6—1, 4). Остроконечник длиной 6,5 см, шириной 3 см и толщиной 2 см по краям обработан крупной ретушью (рис. 6—7). Грубые рубящие орудия хорошо известны как в Яштухе², так и в других раннепалеолитических материалах³. Диски находят наиболее близкие аналогии в ашеле Сатани-дар⁴.

В целом все находки в районе Майкопа — и отщепы, и нуклеусы, и орудия — указывают на домустьерский возраст памятников. Малая распространенность подправки площадок на нуклеусах позволяет понижать дату местонахождения до раннего ашеля.

Близкий материал был собран к югу от Краснодара в русле р. Псекупса ниже ст. Бакинской. Здесь у переезда из Бакинской на хут. Прицепиловку Н. В. Анфимов нашел два отщепа вместе с костями первобытного быка. Издавший их С. Н. Замятнин указал, что они могут датироваться как мустье, так и ашелем, и пытался увязать их с место-

¹ С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937, стр. 20, 21 и 23.

² Там же.

³ См., например, Movius H. L. Early man and pleistocene stratigraphy in southern and Eastern Asia. Cambridge (Massachusetts), 1944, fig. 6—7.

⁴ М. Э. Паничкина. Палеолит Армении. Л., 1950, рис. 15.

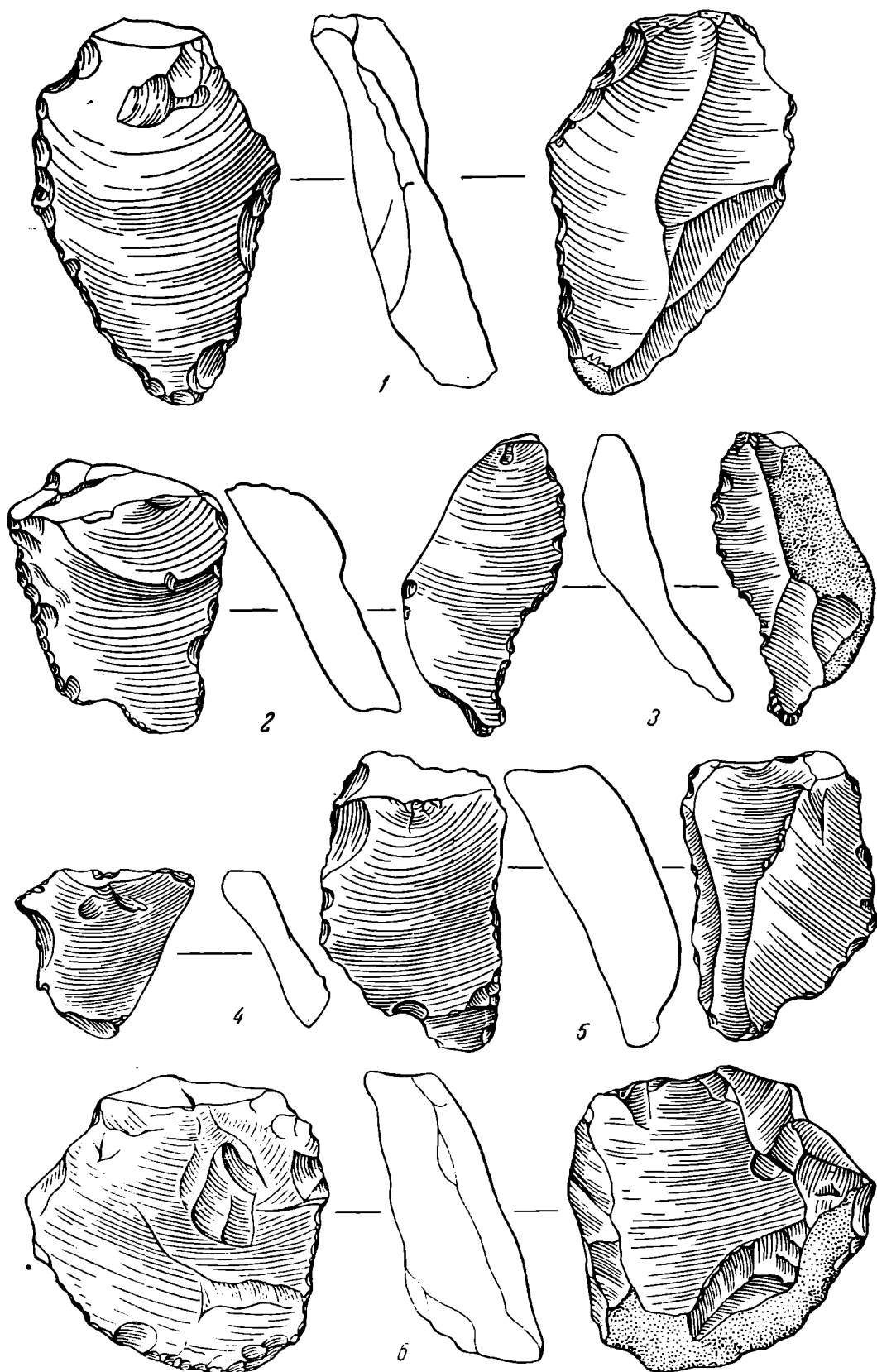

Рис. 5. Отщепы местонахождения на р. Фортепьянке ($\frac{2}{3}$ натур. вел.).

нахождением фауны в поселке, расположенном в 1 км выше места находки Н. В. Анфимова¹.

Находки отщепов сделаны на переезде в Прицепиловку и в двух пунктах: в 3 км выше у переезда из ст. Бакинской на Молькин хутор и в 1 км выше переезда на Молькин хутор, во всех случаях в русле реки. Находки выше переезда на Прицепиловку позволяют утверждать, что обработанные кремни не связаны с местонахождением фауны Байков куток, а откуда-то снесены. Состав фауны Байкова кутка в основном третичный, частью относящийся к рубежу третичного и четвертичного периодов², также говорит против связи отщепов с местонахождением фауны. Кости быка, найденные на переезде в Прицепиловку Н. В. Анфимовым, и обломок бивня слона, обнаруженный там же нами, вероятно, снесены из Байкова кутка (кости вряд ли могли бы сохраниться при сносе по каменистому руслу на расстояние даже 4 км) и с археологическими находками не связаны.

При обследовании не было обнаружено коренного местонахождения кремней. Представляется, однако, что оно не далеко от пунктов находок, так как даже на нижнем пункте — у Прицепиловки — найден почти не окатанный отщеп. В районе находок размыву подвержена главным образом вторая надпойменная терраса правого берега Псекупса. Первая и вторая террасы левого берега в этом районе³, как и оба берега выше, размываются мало. Вероятно, при подъемах воды обработанные кремни вымываются из коренного местонахождения, сносятся на некоторое расстояние вниз, а далее, в период спада воды, они только окатываются среди речной гальки.

Мы располагаем десятью отщепами с р. Псекупса. Материалом для них служил кремень коричневатого-желтого или коричневатого-черного цвета, встречающийся в виде гальки в русле Псекупса. Отщепы отделены от дисковидных нуклеусов, о чем говорит тупой угол, образуемый площадкой и брюшком. Площадки у девяти отщепов из десяти не подправлены, причем из этих девяти у двух площадками служили ровные участки галечной корки. Площадки достигают ширины 1,5 см. Подтреугольных площадок четыре, удлинённых — шесть. Отбивные бугорки отщепов массивны и нередко занимают две трети поверхности брюшка. В точке удара — сосцевидный выступ, а на самом брюшке крупный изъём. На спинке отщепов сохраняются участки неснятой корки и имеются неправильные фасетки предыдущих сколов. По форме отщепы разделяются следующим образом: подтреугольных — шесть, подчетырёхугольных — три, удлинённых — один. Размеры отщепов: длина 4—6 см, ширина 3—5 см, толщина 0,7—2 см. В целом отщепы очень близки к описанным выше, от которых они отличаются отсутствием краевой ретуши, что свидетельствует о большей примитивности, но при малом количестве материала делать какие-либо выводы опасно. Так или иначе, можно утверждать, что серия отщепов с р. Псекупса относится к домустье́рскому времени. Преобладание отщепов с неподправленными площадками указывает скорее на раннеашельскую дату местонахождения.

Разведки под Майкопом и ст. Бакинской впервые дали большой ашельский материал с Северного Кавказа. Теперь можно утверждать, что уже в раннем ашеле этот район был заселен человеком. Находка Г. И. Горецким и А. Д. Столяром близ хут. Хрящи на Северном Донце ряда клектонских отщепов⁴ позволяет отодвинуть границу расселения ашельского

¹ С. Н. Замятнин. Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани.

² В. И. Громов. Указ. соч., стр. 56.

³ См. в работе В. И. Громова.

⁴ Г. И. Горецкий. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье. СА

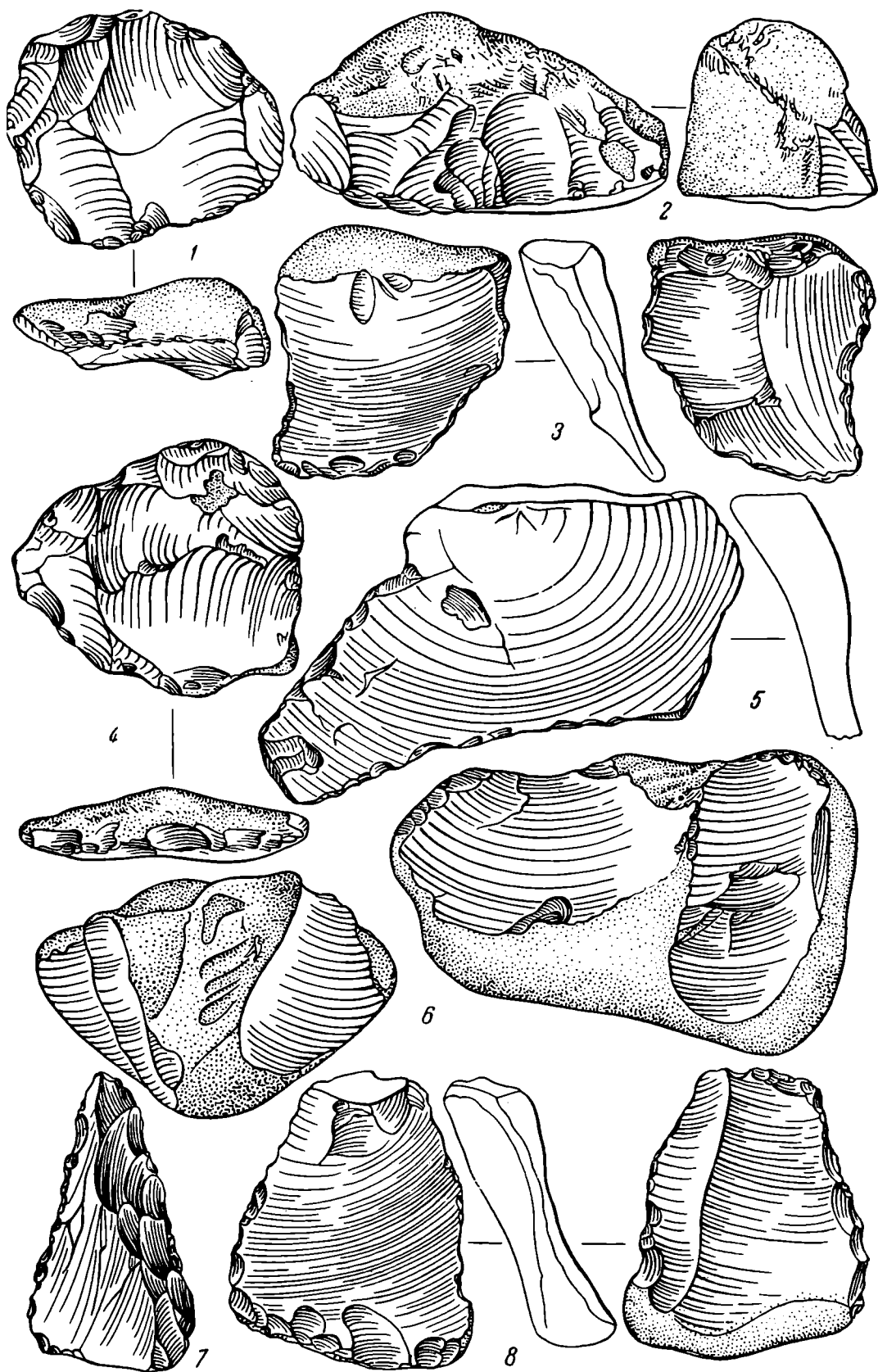

Рис. 6. Отщепы, нуклеусы и орудия местонахождения на р. Фортепьянке
($\frac{2}{3}$ натур. вел.).

человека еще дальше к северу. Следует вести поиски домустьерских памятников непосредственно на Русской равнине, чтобы выяснить пределы расселения ашельского человека в дорисскую эпоху в Восточной Европе.

Особенно важными были бы находки ашельских кремней вместе с фауной. В этой связи стоит продолжить разведки у ст. Бакинской, где фауна хорошо сохраняется.

Новый материал получен также из ст. Смоленской, где в 1937 г. Ф. В. Навозовой были сделаны находки мустьерских орудий¹. Ст. Смоленская находится в 35 км к ЮЮЗ от Краснодара и в 20 км к В от ст. Ильской. В Смоленской, расположенной на р. Афипсе, так же как и в Ильской, хорошо выражены три надпойменные террасы. Высота террас в Ильской: третьей водораздельной 50—60 м, второй, на которой расположена стоянка, 12—15 м, первой галечниковой 4—5 м. В Смоленской первая терраса 6—7 м, вторая 15—20 м и третья 60—70 м. Станица Смоленская тянется по левому берегу Афипса, занимая вторую надпойменную террасу. Третья, являющаяся водораздельной с протекающей к северо-западу рекой Убинкой, заросла дубняком. Находки сделаны на поверхности II надпойменной террасы в зоне ее контакта с третьей, близ кладбища, в 50 м к северо-востоку. Находки приурочены к конусам выносов потоков, сбегających после дождей с III надпойменной террасы, осмотр склона которой, возможный лишь в местах, где проходят дороги и овечьи тропы или промоины дождевых потоков, также дал ряд находок. Наконец, осмотр поверхности III террасы позволил сделать ряд находок мустьерских орудий и на ней. Таким образом, находки связаны с III надпойменной террасой и смываются оттуда дождевыми потоками по склонам на поверхность II террасы, где залегают не *in situ* и приурочены только к конусам выносов дождевых потоков, зачистки же не дали результатов.

На III надпойменной террасе находки приурочены к мысу между краем ее и выходящей с северо-запада в долину Афипса балкой — Бортовой щелью. Эта балка в отличие от других окрестных балок, узких, прорезанных дождевыми потоками, представляет собой широкую проработанную долину, по которой бежит ручей. Возможно, что эта древняя долина существовала и во времена стоянки, приуроченной именно к мысу между Афипсом и Бортовой щелью. Геолог С. Чарноцкий дает следующее описание места стоянки: «Вблизи станицы Смоленской в левом берегу Афипса поднимается довольно круто невысокий хребет, ограниченный с юга широкой долиной — Бортовой щелью. По всему хребту встречаем галечники, являющиеся, повидимому, продуктом элювиального разрушения кварцевых конгломератов, слагающих хребет». Эту толщу С. Чарноцкий относит к понтическим отложениям. Очевидно, что поверх третичных слоев лежали четвертичные отложения, разрушенные очень давно, и культурный слой стоянки. Разрушение культурного слоя стоянки могло произойти позднее. Большую роль в этом сыграл размыв поверхности дождевыми потоками, причем часть кремней из слоя была снесена вниз, а часть просто спроектирована на поверхность III террасы. Таким образом, палеолитические находки в станице Смоленской связаны с III надпойменной террасой Афипса, а не со второй, как в Ильской.

Находки из ст. Смоленской близки ильским. Здесь также материал для орудий брался из местных галечников, в которых преобладают мелкие

¹ См. указанную работу С. Н. Замятнина, стр. 495—497 и рис. 5. Здесь, однако, ошибочно указаны условия находки: «в выкиде земли при каких-то работах, связанных с эксплуатацией находящихся здесь небольших нефтяных промыслов». Нефтяных промыслов в станице Смоленской нет, а находки, по словам Ф. В. Навозовой, происходят с поверхности.

гальки лидита над крупными желваками кремня и кварцита. Этим объясняется преобладание в материалах обеих стоянок изделий из лидита. Обработка мелких галек велась иначе, чем обработка кремня. Кремневые нуклеусы из Смоленской (рис. 7—14) из довольно массивных желваков позволяли тщательно подправлять площадки и последовательно отделять ряд отщепов. Гальки лидита можно было только дробить без какой-либо подготовки площадок. Соответственно этому кремневые отщепы (рис. 7—9) имеют подправленные площадки и негативы предыдущих сколов на спинке, а отщепы лидита (рис. 7—10, 13) и на площадке и на спинке — галечную корку. Размеры отщепов из Смоленской невелики: $1,5 \times 2$ см, $2,5 \times 3$ см, 3×4 см, причем мелкие и кремневые отщепы, что не зависело от материала, а обусловлено определенной традицией в изготовлении орудий. Отщепы подтреугольные, отделенные от дисковидных нуклеусов со скошенной по отношению к площадке осью, вполне типичны для мустье.

Среди орудий два диска диаметром 6 см, один — с двусторонней обработкой (рис. 7—1), другой — уплощенный с галечной коркой на одной стороне (рис. 7—2), обломок рубильца с асимметричным профилем, с одной стороны обработанный рядом мелких сколов, а с другой — широкими грубыми сколами (рис. 7—5), ряд скребел (рис. 7—4) и т. д. Двусторонне обработанный остроконечник из кварцита, длиной 6 см, шириной 4 см из ст. Смоленской особенно сходен с находками в ст. Ильской, где двусторонние формы многочисленны. Очень интересно кремневое орудие с двусторонней обработкой, подтреугольных очертаний с округлыми концами и с легкой вогнутостью всех трех сторон; длина его 5,5 см, ширина 3 см, толщина 1,2 см (рис. 7—6). Орудия, аналогичные по форме и обработке поверхности ретушью с заломы, известны из Волчьего грота¹. Сходные формы есть и в Киик-коба² и Чокурче³.

В целом материал из Смоленской вполне характерен для мустьерского времени и аналогичен находкам в мустьерских пещерах Крыма и Ильской стоянки. Сопоставление местонахождений Смоленской с Ильской по многим элементам очень интересно. Как известно, Г. А. Бонч-Осмоловский относил Ильскую к ашельскому времени, указывая на часто применявшееся на стоянке скалывание с неподправленных площадок, получение отщепов техникой дробления гальки, массивность сколов и т. д.⁴. Выше указывалось, что эти архаичные черты техники обработки камня были обусловлены исключительно материалом. Теперь, когда по находкам близ Майкопа и ст. Бакинской установлен подлинный ашель Кубани, мы не можем понижать датировку Ильской стоянки. Не разделяя также предложенную В. А. Городцовым датировку Ильской верхним палеолитом, потому что все орудия стоянки изготовлены не на пластинах, отделенных с призматического нуклеуса, а на отщепах — с дисковидного, мы должны видеть в Ильской позднемустьерский памятник. Залегание мустье в Смоленской на более высокой террасе не случайно. Работы Г. Ф. Мирчинка и В. И. Громова показали, что, как правило, стоянки эпохи палеолита отвечают по времени тем террасам, на которых они расположены⁵. Палеолитический человек селился на первой надпойменной террасе своего времени. Если же предполагать, что в Смоленской человек не поселился на более

¹ Коллекция Музея антропологии МГУ.

² Г. А. Бонч-Осмоловский. Палеолит Крыма, вып. 1. Грот Киик-коба, 1941, табл. XVI, 4.

³ Н. Л. Эрнст. Четвертичная стоянка в пещере у д. Чокурча. Труды II Междунар. конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934.

⁴ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., стр. 162.

⁵ В. И. Громов. Указ. соч.

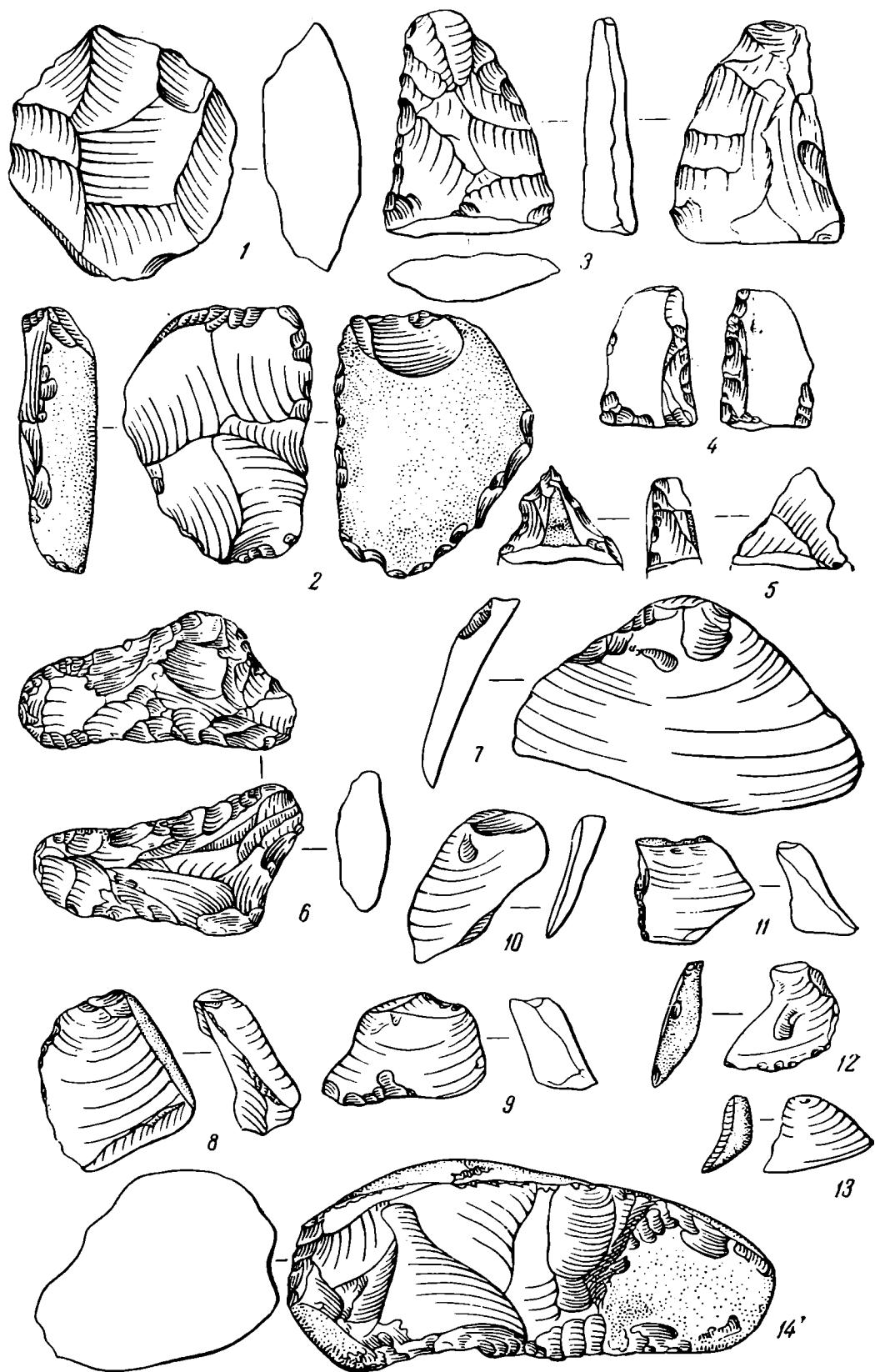

Рис. 7. Находки близ станицы Смоленской ($\frac{2}{3}$ натур. вел.).

низкой террасе потому, что она еще заливалась, то непонятно, почему он выбрал на III террасе самый высокий участок, дальше всего от воды, нужной и ему и привлекавшей животных, на которых он охотился. Все это говорит о том, что Ильская стоянка, связанная с погребенной почвой II надпойменной террасы, позже Смоленской. О позднем возрасте Ильской стоянки говорит и ее фауна, в которой место слона-трогонтерия уже занял мамонт.

Таким образом, разведки на нижнепалеолитических местонахождениях Прикубанья дали интересные материалы и привели к ряду существенных выводов. Еще больше должно дать изучение верхнепалеолитических стоянок с сохранившимися культурными слоями в этом районе. Проверка нами сведений о палеолитической стоянке у ст. Бжедуховской привела к отрицательным результатам¹. В дальнейшем поиски палеолита должны вестись в пещерах Прикубанья. Разведки Г. И. Горещкого на Маныче и Северном Донце² позволяют предполагать, что Северное Предкавказье, как и Крым и Закавказье, входит в Каспийскую культурную зону верхнего палеолита (характерно обилие нуклевидных орудий, острий и т. д.).

Вывод этот должен быть проверен на кубанском материале.

¹ Л. В. Олейников. Палеоэтнологические разыскания в окрестностях ст. Бжедуховской. Бюлл. Северо-Кавказского бюро краеведения, № 5—7, Ростов н/Дону, 1926.

² Г. И. Горещкий. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье.

Е. И. КРУПНОВ

ПЕРВЫЕ НАХОДКИ НЕОЛИТА В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Северная Осетия до последнего времени славилась как территория, богатая прекрасными находками древней бронзы.

Только отдельные памятники и случайные находки, как например, каменный полированный топор и кремневые вкладыши, обнаруженные в выносах Терека под г. Дзауджикау, хранящиеся в Северо-Осетинском музее краеведения, характеризуют более ранний исторический период — энеолитический¹.

Сейчас можно зафиксировать еще более древние следы деятельности человека на территории Северной Осетии. Основанием для этого служит находка двух каменных заготовок для топоров, поступивших в Музей краеведения Северо-Осетинской АССР осенью 1950 г. от инженера-геолога Ю. К. Голдина².

Найдены они были в окрестностях станицы Вознесенской Малгобекского района Северо-Осетинской АССР. Эта станица, расположенная в котловине на вершине Терского хребта, лежит на старой шоссейной дороге, соединяющей города Тбилиси и Моздок, в 25 км к югу от последнего.

Оба склона Терского хребта испещрены многими, иногда глубокими, долинами — «балками». В одной из них, по южному склону хребта в сторону Алханчуртской долины, в «Кочковатой балке», находящейся в 4—4,5 км юго-восточнее ст. Вознесенской, в 2 км к северо-западу от селения Аки-Юрт и сделаны интересные находки. Геологически «Кочковатая балка» не выразительна: «На юго-западном склоне, где были обнаружены находки, местами выходят пласты глинистых сланцев и аргиллитов. Твердые, крутопадающие пласты чередуются с мягкими прослойками. Они прикрыты плачевидно лёссовидными породами. Дернового выдержанного слоя на южном склоне местами нет. Склон обтопан овцами»³. Топоры лежали между двумя протоптанными овцами дорожками, посредине юго-западного склона балки. Один — найден на склоне между дорожками, а в 0,3—0,4 м от него в грунте откоса дорожки *in situ* — другой. Никаких других находок поблизости не обнаружено, но километрах в трех-четыре восточнее, на горе

¹ Первая попытка выделения среди памятников Северной Осетии более ранних, чем памятники Кобанской культуры, осуществлена мною в работе «Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода», МИА, № 23, 1951.

² Своим ознакомлением с указанными находками я обязан дирекции музея и проф. Л. П. Семенову и Ю. К. Голдину, которым выражаю искреннюю благодарность.

³ Письмо Ю. К. Голдина к автору статьи от 20.III.1951 г., стр. 2.

Балаш, тем же Ю. К. Голдиным найдены «кремни и угли», к сожалению, оставшиеся неопределенными.

Обе заготовки топоров сделаны из того же плотного глинистого сланца, выходы пластов которого отмечены в «Кочковатой балке». Цвет сланца — серый с темнокоричневым оттенком. По определению геолога, доцента Л. Н. Пламеневского, «найденные предметы изготовлены из камня местной породы; сделаны из обломков уплотненного глинистого сланца в виде брекчии, сравнительно нетвердой породы, относящейся к третичному периоду»¹.

Обе заготовки — «болванки» для изготовления топоров — только после длительного полирования и шлифовки должны были принять соответствующие формы. Поверхность их сохраняет множество выщербин — фасеток неправильной формы, обусловленных структурой материала. Ячейки — неровные; крупные чередуются с мелкими; края их бесформенные, иногда занозистые. Вместе с тем обоим предметам приданы уже достаточно четко выраженные формы, позволяющие судить о двух типах топоров, которые собирались сделать из этих заготовок.

Первый топор приближается к самому распространенному типу неолитических топоров и даже энеолитических клиновидных и тесловидных топоров (рис. 8—1). Верхняя часть его значительно сужена. Нижняя, наоборот, по ширине почти не отличается от основной части корпуса. Топор из этой заготовки должен получиться долотовидным или тесловидным; в поперечном сечении он имеет форму уплощенного овала, с наименьшим диаметром в 2,5 см; максимальные размеры орудия: высота 11 см, ширина 6,5 см.

Вторая заготовка совершенно иного типа. Она имеет вид высокой, вытянутой и суженной трапеции, с чуть выгнутым основанием (рис. 8—2); размеры ее следующие: ширина верхней части 5 см, основания 13 см, высота 14 см, толщина в поперечном разрезе не превышает 3 см в верхней части и 2,5 см — в нижней. Из заготовки такой формы выйдет более массивный, плоский топор с широким основанием.

На территории Северо-Осетинской республики подобные орудия обнаружены впервые. Как уже отмечалось, они являются только заготовками, но имеют уже настолько выработанные формы, что они позволяют уверенно сближать описанные образцы с определенными типами каменных топоров неолитической и энеолитической эпох нашего юга.

Первая из заготовок после доработки должна получить форму топора, изображенного на рис. 9—1, вторая — на рис. 9—2.

В памятниках, ближайших к Вознесенской территории, аналогии первому, клиновидному, топору мы можем указать среди небольшой серии уплощенных каменных долот из Агубековского поселения близ г. Нальчика в Кабардинской АССР². Известные с этого же поселения каменные топоры близки описываемому типу, но они овально-цилиндричны, в то время как наш топор сильно уплощен.

Агубековское поселение относится к позднему неолиту и датируется первой половиной III тысячелетия до н. э.³

Еще больше сходства с клиновидным топором из «Кочковатой балки» обнаруживают некоторые каменные топоры и тесла с неолитического селища Кистрик, открытого и частично исследованного А. Л. Лукиным и Л. Н. Соловьевым под г. Гудауты в Абхазии⁴.

¹ Из письма к автору А. Г. Кастуева от 4.IV.1951 г.

² Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Неолитическое поселение близ г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 59, рис. 7, табл. II, №№ 5 и 6.

³ Там же, стр. 16, 61, 127.

⁴ А. Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ Гудауты. СА, XII. 1950, стр. 264, табл. VI, рис. 4—6; табл. VII, рис. 2, 3; табл. VIII.

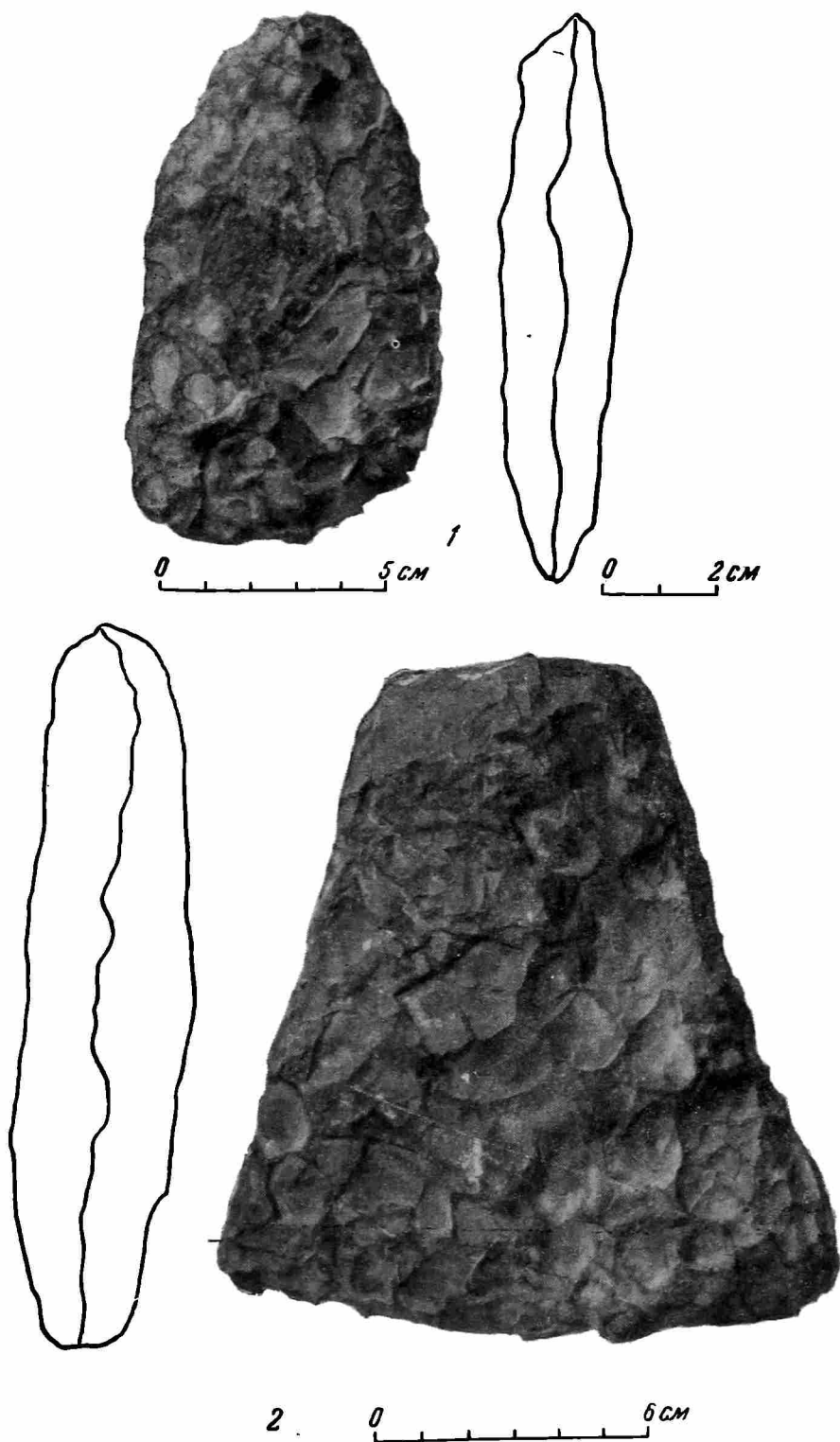

Рис. 8. Каменные орудия (полуфабрикаты) из „Кочковатой балки“ близ станицы Вознесенской Северо-Осетинской АССР.

Любопытно, что в большинстве случаев интересующие нас типы каменных топоров в неолитических памятниках Кавказа сопровождаются микролитами тарденуазского типа. Такая картина наблюдается не только на селище Кистрик, но и на поздненеолитических поселениях Закавказья: у с. Одиши близ г. Зугдиди (раскопки А. Н. Каландадзе 1936 г.)¹, у сел Тетрамица и Сатаплия близ г. Кутаиси (раскопки и сборы П. И. Чабукиани)². На этих древнейших поселениях Закавказья находили характерные каменные клиновидные орудия — топоры, тесла, долота и подобия мотыжек, обработанные путем полной или частичной шлифовки.

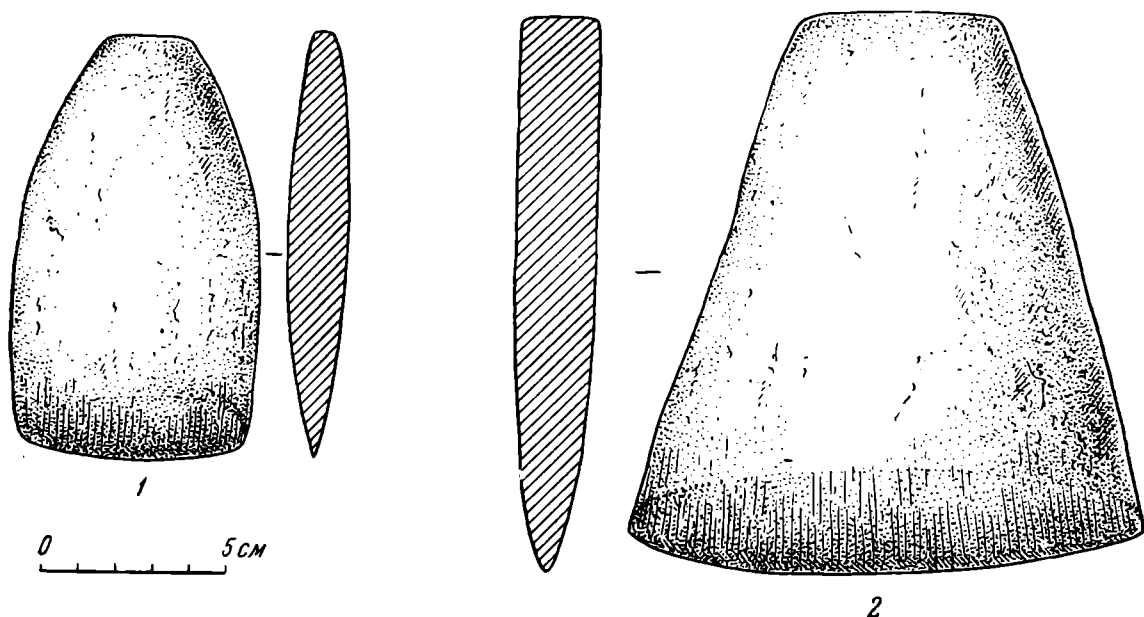

Рис. 9. Предполагаемые формы каменных орудий из „Кочковатой балки“ близ ст. Вознесенской, полученные после полирования заготовок.

Почти аналогичная картина наблюдается и на вновь открываемых стоянках Западного Казахстана, где наряду с микролитическими формами орудий изредка встречаются и прекрасные полированные клиновидные топоры. Датируются эти стоянки поздним неолитом и переходом к эпохе бронзы³.

В Прибайкалье же, например, близкие формы каменных топоров, сделанных из нефрита, бытовали с еще более раннего времени, начиная с так называемого «исаковского» этапа и кончая «китайским». По А. П. Окладникову, эти топоры появились одновременно с примитивной керамикой в IV тысячелетии до н. э.⁴

Из круга памятников более северных широт можно указать на сходные формы каменных топоров, также переходной эпохи от неолита к бронзе. Таковы кремневые топоры из бассейна р. Десны, например со стоянки «Мыс Очкинский»⁵.

¹ А. Н. Каландадзе. Остатки мезолитической и неолитической культур в Грузии. Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры, IV, 3. Тбилиси, 1939, стр. 363 (на грузинском языке).

² Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 26—28.

³ А. А. Формозов. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, вып. XXXI, стр. 142, рис. 49—13, 14, стр. 147.

⁴ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1951, стр. 95, рис. 9, стр. 139.

⁵ М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 23, рис. 6, № 1. И. Г. Розенфельд. Стоянка «Мыс Очкинский». КСИИМК, вып. XXXI, стр. 132, рис. 44, № 1.

Гораздо большее количество аналогий клиновидному топору из «Кочковатой балки» можно указать в памятниках позднего неолита севера европейской части Советского Союза.

В своем подавляющем большинстве это — топоры, тесла и долота, сделанные из сланцевых пород разной твердости и тщательно отполированные. Все они обычно сопровождаются керамикой и датируются не только неолитом, но эпохами бронзы и даже раннего железа. В качестве примеров можно указать на некоторые типы каменных орудий (топоров и тесел) с древних стоянок Карелии¹, со стоянки на озере Лача, у устья р. Кинемы², сланцевых топоров с Кольского полуострова³. Найдены они и на стоянках бассейна реки Мсты⁴.

Таким образом, первый тип топора является широко распространенным типом каменных топоров неолитического облика, появившихся еще на грани мезолита и раннего неолита⁵ и в ряде районов Севера, доживших до эпохи поздней бронзы. На юге такая картина не наблюдается. Здесь ранние формы медных и бронзовых топоров уже в энеолите стали вытеснять каменные орудия. И самые северные неолитические формы клиновидных полированных топоров на юге характеризуют более древний этап местной истории, датируемый никак не позднее чем III тысячелетием до н. э. Именно к этому времени относится кремневый клиновидный топор из сел. Малка⁶, такой же топор из основного погребения (№ 11) в кургане у сел. Верхний Акбаш (Кабарда)⁷ и другие орудия, обнаруженные на Северном Кавказе, встречающиеся уже с медными вещами. Их можно рассматривать как дальнейшую форму развития клиновидных топоров подлинно неолитического типа.

Другой тип топора, форму которого можно предполагать по второй заготовке, найденной в окрестностях Вознесенской («Кочковатая балка»), менее распространен и во времени и в пространстве. В северных областях подобный тип не обнаружен и встречается лишь в южных широтах. Каменные топоры вытянутой формы с очень широким основанием весьма характерны для Трипольской культуры и сопровождаются крашеной керамикой. Чаще всего они сделаны из сланца и довольно обычны для памятников раннего и среднего этапов Триполья, по периодизации Т. С. Пассек⁸. Они встречаются на территории Молдавии и Украины (в Попов-городе, Кадиевцах, Веремье, Триполье, Коломийщине II) и других поселениях, расположенных в СССР⁹, а также в Румынии: в Извоаре I¹⁰, Извоаре II, Эрözде, Кукутени А., Руджиноазе¹¹.

Наиболее ранние памятники трипольской культуры, содержащие инте-

¹ А. Я. Брюсов. История древней Карелии, Труды ГИМ, вып. IX, М., 1940, стр. 208, рис. 3, стр. 232, табл. IX.

² М. Е. Фосс. Стоянка на оз. Лача у устья р. Кинемы. КСИИМК, вып. XIV, 1947, рис. 11.

³ Н. Н. Гурина. О заселении южного побережья Кольского полуострова. СА, XII, 1950, стр. 114, рис. 6, 7.

⁴ Н. Н. Гурина. Археологическое обследование р. Мсты. СА, XII, 1950, стр. 295, табл. 1, № 15, табл. VIII, № 9.

⁵ С. А. Семенов. Топор в верхнем палеолите. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 173, рис. 63, 1.

⁶ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабарды. МИА, № 3, 1941, стр. 18, рис. 2.

⁷ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. Ученые записки Кабард. н.-исслед. ин-та, т. V, 1950. Нальчик, стр. 213, рис. 16а.

⁸ Т. С. Пассек. Периодизация Трипольских поселений. МИА, № 10, 1949.

⁹ Там же, стр. 32, 43 и 79.

¹⁰ Radu Vulpe. «Civilisation précucutenienne récemment découverte, á Isvoare, en Moldavie». ESA, т. XI, Helsinki, 1937, стр. 135.

¹¹ Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 32, 43.

ресующие нас сланцевые орудия вместе с первыми орудиями из меди, относятся к 1-й половине и середине III тыс. до н. э.¹ На поздних этапах развития Триполья (ближе ко II тыс. до н. э.) получают распространение и медные топоры, своей формой подражающие вышеописанным.

Очевидно, трипольским каменным топорам близки и «характерные клиновидные орудия, наподобие мотыжек частичной или полной шлифовки», в большом количестве обнаруженные С. Н. Замятниным при раскопках верхнего слоя Ахштырской пещеры на р. Мзымте близ г. Сочи².

Некоторыми исследователями такие орудия рассматриваются как первобытные каменные мотыги³. Но если даже аналогичные трипольские каменные орудия не являются мотыгами, то очень мало оснований считать ими сочинские находки, хотя исключать возможность их использования для копки земли при рытье землянок или при добыче глины для изготовления посуды — не следует. В древности многие орудия имели несколько функций, и возможность применения массивного каменного клиновидного топора для рытья земли вполне вероятна. Мы допускаем, что топор второго типа мог применяться и для этих целей. Приписывание подобным орудиям функций строго земледельческих⁴, при явном господстве в то время охоты и собирательства, лишено серьезных оснований, в особенности в условиях предгорного Кавказа.

Итак, после обзора приведенного сравнительного материала, обе сланцевые заготовки топоров из окрестностей ст. Вознесенской можно отнести к эпохе позднего неолита, может быть предшествующей времени существования Агубековского поселения, когда бытовали уже полированные и сверленные орудия и керамические изделия.

Окончательному уточнению вопросов, связанных с исторической интерпретацией этих орудий, поможет специальное и тщательное обследование ближайших окрестностей их местонахождения в целях обнаружения соответствующего поселения или мастерской.

Но и сейчас можно сказать, что этими находками открывается новая, наиболее древняя страница в истории центральной части Северного Кавказа вообще и Северной Осетии — в частности.

¹ Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 31.

² Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 28.

³ См. в статье Е. И. Крупнова. Древнейший период истории Кабарды. Сборник по истории Кабарды. Нальчик, 1951, стр. 32.

⁴ По сообщению М. Е. Фосс, в 1945 г. сотрудник Сочинского музея т. Краснов демонстрировал в Государственном историческом музее подобные каменные топоры, рассматривая их как неолитические мотыжки.

А. А. ИЕССЕН

К ВОПРОСУ О ДРЕВНИХ СВЯЗЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
С ЗАПАДОМ

Неоднократные попытки археологов проследить культурные связи древнего населения Северного Кавказа со странами Дунайского бассейна до сих пор в большинстве случаев не приводили к бесспорным результатам. Это следует сказать о статье Н. И. Веселовского, в которой он пытался установить близость найденных им в 1909 г. в кургане около Ульского аула (ныне сел. Уляп, Адыгейской автономной области) глиняных статуэток женщин с такими же статуэтками из района Любляны¹; то же самое относится к работам А. М. Тальгрена и Ф. Ханчара, утверждающих связи с Подунавьем главным образом на основе находок на Северном Кавказе глиняных курильниц на крестовидной ножке, украшенных шнуровой ornamentацией². В еще большей степени это относится к работе Г. Вильке, связывающего происхождение кобанских бронзовых изделий с дунайскими странами, основываясь на ряде сходных форм³. Постепенное накопление материала привело к признанию недостаточной обоснованности заключений, опиравшихся на наличие сходных явлений в материальной культуре медно-бронзового века обоих районов, вполне объяснимых как результат параллельного развития местных культур при общей близости природных условий, социальной и исторической обстановки.

Вместе с тем возможность в древности прямых, хотя бы и не непосредственных, связей Северного Кавказа с западными странами была и остается вполне вероятной. Об этом свидетельствует целый ряд вещественных находок. Достаточно напомнить о кавказском по происхождению медном топорике из клада, найденного в Стубло на Вольши⁴, или о находках «кобанских» бронзовых предметов вплоть до устья Днестра⁵, или, наконец, о неоднократно отмечавшихся восточных аналогиях таких комплексов, как известный Михалковский клад.

Тем не менее вполне бесспорных доказательств сношений Предкавказья с Подунавьем мы не имели. Вполне целесообразно для освещения этого

¹ Н. И. Веселовский. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах Южной России и на Кавказе. ИАК, 35, СПб., 1910, стр. 1—11.

² А. М. Tallgren. Etudes sur le Caucase du Nord. ESA, IV, Хельсинки, 1929, стр. 22—40; F. Hancar, Urgeschichte Kaukasiens. Вена, 1937, стр. 339—350.

³ G. Wilke. Vorgeschichtliche Beziehungen zwischen Kaukasus und dem unteren Donaugebiete. MAGW. XXXVIII, 1908, стр. 136 и след.

⁴ Wl. Antoniewicz, Der in Stublo in Wolhynien aufgefundene Bronzeschatz. ESA, IV, Хельсинки, 1929, стр. 136, рис. 1.

⁵ А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 30—31.

вопроса привлечь неизданную находку, впервые, как кажется, вполне очевидным образом подтверждающую наличие таких сношений еще в очень раннее время.

Это случайная находка, сделанная в 1928 г. в Караногайской степи в барханных песках близ Терекли-Мектеба (теперь в Грозненской обл.). Находка была вскоре же приобретена бывшим Этнографическим отделом Русского музея (ныне Гос. Музей этнографии в Ленинграде). Состояла она из небольшого каменного изваяния головы животного (инв. № 4931-1) и найденного «невдалеке от изваяния» на поверхности барханных песков бронзового наконечника стрелы раннескифского типа, двуперого, с боковым шипом (инв. № 4931-2). Как видно из сказанного, никаких данных в пользу совместного залегания и одновременности предметов у нас нет. Поэтому мы будем рассматривать только интересующую нас скульптурную голову животного, которая, как покажет дальнейшее, относится не к раннескифскому, а к совершенно другому, более древнему историческому периоду.

Скульптура (рис. 10—1) выполнена из куска темносерого, почти черного камня с крупными белыми вкраплениями, придающими всему изображению резкую пятнистость. Передняя часть моделирована в виде профильного изображения головы животного с выступающими ушами, выпуклыми глазами, намеченными ноздрями и показанными рельефной полосой губами, раздвоенными врезанной чертой. Другая рельефная полоса расположена по верхней стороне изображения, от верхнего края губ до глаз. Между ушами находится углубление. С нижней стороны скульптуры сделаны два вреза, обозначающие межчелюстное пространство. Передняя часть скульптуры, включая уши, прекрасно отполирована. Граница полировки от задней стороны ушей проходит почти по прямой до нижней поверхности изображения. Задняя часть скульптуры несколько тоньше и имеет шероховатую неполированную поверхность; голова заканчивается большим выступом в виде шишки, в верхней своей части также полированной. На нижней плоскости неотполированного конца скульптуры видны следы красной краски. Размеры изваяния: длина 13,8 см, высота 6 см, толщина 3 см.

Изображение, бесспорно, служило каким-то навершием, причем в неполированной части, между ушами и задним выступом, располагалась обвязка, закреплявшая голову на рукояти или древке.

Инвентаризовавший этот предмет в музее Г. А. Бонч-Осмоловский принял его за изображение лошади, а выпуклые губы и полосу на носу — за части узды. Можно думать, что на такое определение его натолкнул обнаруженный якобы совместно с изваянием наконечник стрелы, что заставило предположительно отнести находку к скифскому времени.

Между тем сейчас нет никаких сомнений в принадлежности этого изваяния к значительно более раннему времени. В этом нас убеждают две разительно близкие скульптуры, найденные далеко от Северного Кавказа, в Румынии, впервые позволяющие подойти к определению возраста изваяния из Терекли-Мектеба.

Первая из них обнаружена в 1920 г. в Малой Валахии близ селения Селькуца (Sîlcuța), к юго-западу от Крайовы, в поселении гумельницкой культуры, во время раскопок, производившихся И. Андриешеску, и поступила в Национальный музей в Бухаресте.

Скульптура эта (рис. 10—2) впервые издана И. Андриешеску¹, а затем переиздана И. Нестором². Она представляет собою пластинку очень

¹ J. Andrieșescu. Des survivances paléolithiques dans le milieu néolithique de la Dacie. Académie Roumaine. Bull. de la section historique, XV, Бухарест, 1929, стр. 2—4 и табл. III.

² I. Nestor. Der Stand des Vorgeschichtsforschung in Rumänien. 22-er Bericht d. Röm.-germ. Kommission, 1932, стр. 45 и табл. 2, 1.

дой породы (по И. Нестору — гранит с многочисленными белыми включениями) длиной 13 см, высотой до 7,5 см и толщиной до 2 см по верхнему краю и до 1 см по нижнему. По общему контуру скульптура чрезвычайно близка к северокавказской, отличаясь от нее лишь несколько укороченными пропорциями и большей резкостью очертаний. Морда животного более широкая, чем у кавказского экземпляра, в верхней части заканчивается двумя разделенными выступами, видимо изображающими клыки. Рот обозначен врезанной чертой. Между ртом и местом глаз поперек морды проведена полоса из трех врезанных волнистых линий. Глаза не обозначены. Высокий крутой лоб завершается двумя крупными выступами — ушами. Позади ушей — потертая обвязкой пониженная часть, за которой следует выступ несколько меньших размеров, чем на экземпляре из Терекли-Мектеба. Скульптура отлично сохранилась; полировки, судя по изданным фотографиям и описаниям, нет.

Другая находка того же типа сделана в Молдавии, у селения Феделе-шени, западнее Ясс, примерно в 30 км к северо-востоку от города Роман. Здесь в 1927 г. И. Андриешеску производил раскопки на однослойном поселении типа Кукутени А. В остатках дома была найдена каменная голова животного, близкая по типу к находке из Селькуцы, поступившая в Бухарестский музей и изданная в приведенных выше двух работах (рис.10—3)¹.

Предмет обнаружен сломанным и был склеен из двух частей. Сохранность его хуже, чем двух предыдущих. Моделировка более суммарна и менее отчетлива, но общий облик и основные детали рассмотренных экземпляров полностью совпадают. Морда животного спереди приподнята; рот обозначен слегка выступающим валиком, шириной около 3 мм, по середине которого сделан продольный врез. Уши и выступ позади выемки для обвязки менее выражены, чем у предыдущих экземпляров. Полировка, видимо, отсутствует или не сохранилась.

Скульптура изготовлена из той же твердой породы, что и находка из Селькуцы. Размеры: длина 12,5 см, максимальная толщина (лоб) — 2,7 см.

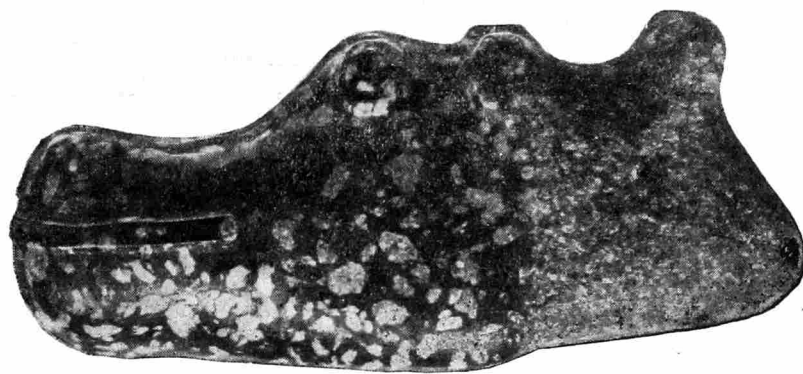
Таким образом, мы сейчас знаем три чрезвычайно сходных изображения, близких аналогий которым из других районов у нас еще не имеется. Упомянутые И. Нестором две находки из Трансильвании имеют совсем иной облик. Можно только отметить, что, по словам автора, одна из этих скульптур (из Кезберга)² сделана из того же гранита, что и две описанные нами находки.

В отношении датировки рассматриваемых изображений следует иметь в виду, что одно из них (из Селькуцы) найдено на поселении гумельницкой культуры энеолитического времени, хронологически соответствующей позднетрипольской культуре (Триполье В, Кукутени В); на этом поселении, однако, была встречена также и керамика более поздняя, эпохи бронзы. Находка сделана на глубине 40 см от поверхности, на 10 см ниже верхней границы культурного слоя. Таким образом, можно думать, что она относится ко времени гумельницкой культуры или, может быть, к эпохе бронзы. В абсолютных датах пределы бытования культуры Гумельницы можно определить, в согласии с Е. Ю. Кричевским, как 2300—1400 гг. до н. э.³ Таким образом, мы не можем еще подойти к точному определению возраста интересующей нас находки.

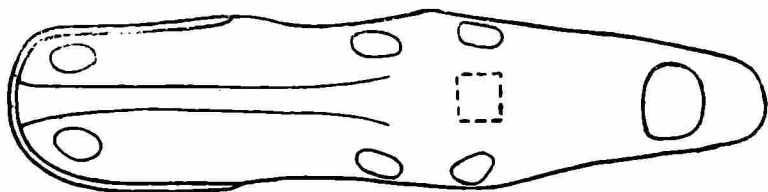
¹ Andrieşescu. Указ. соч., стр. 4—6 и табл. IV; Nestor. Указ. соч., стр. 45 и табл. 2, 2.

² См. Deutsch. MAGW, XXXV, 1905, стр. 36, рис 7.

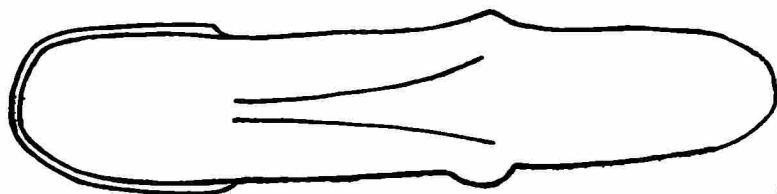
³ Е. Ю. Кричевский. Из истории Дунайского понизовья в неолитическую эпоху. КСИИМК, VIII, 1940, стр. 59—62.

1

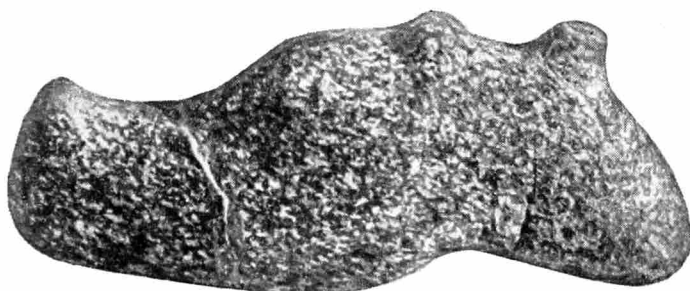
a

б

2

3

Рис. 10. Головы животных из камня:

1 — из Терекли-Мектеба; а — прорисовка верхней плоскости; б — прорисовка нижней плоскости; 2 — из Селькуцы; 3 — из Феделешени.

Более ясна датировка находки из Феделешени, которую можно уверенно связать с поселением времени Кукутени А, т. е. с периодом около середины III тысячелетия до н. э.¹

Следовательно, наиболее вероятной датой создания обеих скульптур нужно признать вторую половину III тысячелетия до н. э.

Чрезвычайная близость обоих этих изображений между собой и с кавказским экземпляром заставляет видеть в них изделия, в которых, по меньшей мере, отразилась одна культурная традиция, если это не продукция одной производственной ячейки или «мастерской».

На основе этой близости, выраженной как в исходном материале, так и во внешнем оформлении изделий, в их стиле, а также и в функциональном назначении, можно уверенно говорить о датировке скульптуры из Терекли-Мектеба тем же временем, к которому относятся и два других образца. Таким образом, и кавказский экземпляр должен относиться ко второй половине II тысячелетия до н. э.

Остается пока еще неясным место изготовления рассмотренных трех изваяний. Количественное соотношение их в двух различных районах — два и одно — не может решить вопроса. Больше могло бы дать петрографическое изучение материала всех предметов, но совместное рассмотрение их в настоящее время не представляется возможным, и этот путь исследования не может еще привести к окончательным выводам. Сходный каменный материал может быть встречен как на Кавказе, так, очевидно, и в горных областях Румынии.

Следовательно, пока возможными остаются оба решения. Однако для поставленного нами вопроса оба ответа равноценны, так как наличие и в Румынии и в восточном Предкавказье настолько близких, почти идентичных, изделий, притом весьма специализированной формы, с несомненностью свидетельствует о культурных связях обоих районов, осуществлявшихся, вероятно, путем многоступенного межплеменного обмена. Впервые эти связи совершенно бесспорно документированы для такого раннего времени, как вторая половина III тысячелетия до н. э.

Дальнейшее накопление фактических данных по ранним культурам Северного Кавказа позволит проследить и определить точнее на большем материале время возникновения и основное направление этих связей, имевших в большинстве случаев в условиях древних культур двусторонний характер.

Остается рассмотреть вопрос о назначении скульптур. Совершенно несомненно, что все они крепились на рукояти или древке посредством обвязки и служили навершиями, аналогичными подобным же каменным навершиям, имевшим сверлину для насадки². Отсутствие на наших экземплярах такой сверлины объясняется твердостью материала и тем, что во второй половине III тысячелетия до н. э. техника сверления камня еще не получила широкого распространения ни на Северном Кавказе, ни в области распространения трипольской культуры.

К пониманию смыслового значения наверший, подобных описанным, можно было бы подойти ближе, если бы удалось определить, какое именно животное они изображают.

В отношении обеих скульптур, найденных в Румынии, издатели от определения вида изображенного животного воздержались.

В отношении же навершия из Терекли-Мектеба следует отвести предложение видеть в нем изображение головы лошади. При всей трудности обработки твердого материала ряд особенностей свидетельствует не о

¹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 53—54.

² А. А. Иессен. Каменная скульптура медведя из Туркмении. ТОИПК, I, 1941, стр. 9—16, табл. I—II.

неумении или невозможности придать изделию характерные формы конской головы, а о преднамеренном единообразном оформлении всех трех изображений совсем в ином направлении. Прежде всего обращает на себя внимание своеобразная трактовка морды животного с приподнятой носовой частью, близкое расположение глаз и ушей, наконец, характерное обозначение рта и нижней челюсти (ее нижней поверхности).

Если два последние признака и вытянутые пропорции головы и могли бы истолковываться как характеризующие голову лошади, то первый из указанных признаков вряд ли допускает такое толкование. Наиболее вероятно предположение, что во всех трех случаях изображены кабан или свинья; важно отметить, что на скульптуре из Селькуцы, повидимому, показан характерный признак дикого кабана — клыки. Мы знаем, что мясо и клыки дикой и домашней свиньи широко использовались трипольцами¹. Поэтому вполне вероятно, что изображения ее могли играть определенную роль в обрядах и иметь ритуальное или символическое значение.

Для подтверждения достаточно сослаться на изображения свиньи в мелкой глиняной трипольской скульптуре², на особую роль, какую играли кабаньи клыки в погребальном комплексе Мариупольского могильника³, на наличие костей кабана в погребениях Нальчикского могильника⁴.

Сходство указанных скульптур с древнеегипетскими изображениями гиппопотамов, наиболее отчетливо заметное у экземпляра из Терекли-Мектеба, вряд ли имеет под собой реальное основание. Д. Розетти, переиздавший уменьшенные снимки скульптур, найденных в Румынии и Молдавии, вряд ли прав, полагая, что «сношения с Малой Азией и Египтом, вероятно, должны быть признаны ответственными за влияния, сделавшими возможным... появление каменных скульптур (в том числе так называемых «гиппопотамов»)»⁵. Думается, что для появления подобной каменной скульптуры не требовалось воздействия со стороны Египта, а были достаточные причины, связанные с местным общественным развитием в пределах зоны находок. Вместе с тем ни стилистическая трактовка образа животного, ни техника выполнения не позволяют видеть в них отражения каких-либо пережитков палеолитического искусства, как это полагал И. Андриешеску⁶.

Несмотря на то, что место изготовления скульптур еще окончательно не выяснено, все же бесспорно, что мы имеем в них характерные образцы неолитического или энеолитического искусства, вполне соответствующего тому уровню общественного и экономического развития, которого в III тысячелетии до н. э. достигло население Румынии, Молдавии и Северного Кавказа. Есть все основания считать, что приведенные нами скульптурные головки свидетельствуют о прямых культурных связях этих стран между собой, а не о проникновении изделий извне, с юга, из стран древнего Востока, где подобных изображений мы не знаем.

¹ В. И. Громова. Материалы к познанию фауны трипольской культуры. Ежегодник Зоологического музея АН СССР, XXVIII, 1927, стр. 86—89 и 98—101.

² Б. А. Богаевский. Орудия производства и домашние животные Триполья, Л., 1937, табл. VII.

³ М. Макаренко. Мариупольський могильник. Киев, 1933.

⁴ МИА, вып. 3, 1941.

⁵ D. Rosetti, Steinkupferzeitliche Plastik aus einem Wohnhügel bei Bukarest. Ipek, XII, 1938, стр. 47 и 49 и табл. 30, 4, 5.

⁶ Andrieşescu. Цит. соч.

Т. Н. ЧУБИНИШВИЛИ

ДРЕВНЕЙШИЕ ГРУНТОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ САМТАВРСКОГО
МОГИЛЬНИКА

Известный в археологической литературе древний многоярусный могильник у монастыря Самтавро находится на территории Мцхеты — древней столицы Грузии.

Высказывалось мнение, что нижний ярус Самтаврского могильника с древнейшими погребениями относится к переходной эпохе от бронзы к железу (XIII—IX вв. до н. э.)¹.

В 1938 г. Мцхетская археологическая экспедиция, возглавляемая акад. И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа, начала раскопки Самтаврского могильника.

В 1940 г. на южном участке могильника было раскопано курганное погребение (№ 243), относящееся к среднему периоду бронзы² (середина II тысячелетия до н. э.), а на северном участке открыты грунтовые погребения позднего бронзового века³.

Сопоставляя комплекс находок в этих погребениях с более поздними и учитывая, что в древнейших погребениях могильника отсутствуют бронзовые мечи и стрелы скифского типа, А. Н. Каландадзе предполагал, что инвентарь древнейших грунтовых погребений Самтавро относится к концу бронзового века и должен быть датирован XII—X вв. до н. э.⁴.

Дальнейшие раскопки Самтаврского могильника, во время которых вскрыто около 600 грунтовых погребений, подтвердили предположение А. Н. Каландадзе.

Исследования Г. А. Ломтатидзе и А. Н. Каландадзе выявили особенности бронзового оружия, устройства грунтовых могил и погребального обряда Самтаврского могильника.

В Самтаврском могильнике за десять лет (1938—1948 гг.) было раскопано 61 древнейшее погребение: 7 на южном участке, остальные — на

¹ Д. Н. Анучин. Доисторическая археология Кавказа. ЖМНП, ч. ССXXXI. СПб. 1884, стр. 205—209. Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, № 34, Петроград, 1914, стр. 44. Г. К. Ниорадзе. Земоавчальская могила (на грузинском языке, резюме на немецком). «Вестник Гос. музея Грузии», т. VI, Тифлис, 1931, стр. 202 и др.

² Вещи хранятся в Государственном музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 99.

³ А. Н. Каландадзе. Краткий предварительный отчет о работе северной группы Мцхетской археологической экспедиции за 1938—1939 гг. (отчет на грузинском языке, резюме на русском). Тбилиси, 1940, стр. 106 (резюме, стр. 32).

⁴ А. Н. Каландадзе. Указ. соч. (резюме, стр. 33).

северном. Как правило, эти погребения находятся на довольно большой глубине от поверхности земли (1,7—3,6 м).

Очень часто в одной вертикальной плоскости находятся не только разнотипные погребения — в каменных ящиках (I—VIII вв. н. э.), черепичные (I—II вв. н. э.), «кувшинные» (II—I вв. до н. э.), но и разновременные грунтовые (XIII—V вв. до н. э.). Довольно часто друг друга перекрывают два, три, четыре грунтовых погребения. Древнейшие из них целиком или частично перекрывались более поздними (12 случаев). В верхних грунтовых погребениях необходимо отметить своеобразный инвентарь: бронзовые колхидский топор (погребение № 260) и кинжал кахетинского типа (погребение № 88), широкие пояса, богато орнаментированные (погребения № 212, 262), а также ряд предметов из железа (мечи, наконечники копий, ножей и пр.), украшения из янтаря, сердолика и других цветных камней, датирующие эти погребения началом I тысячелетия до н. э.

В большинстве ранние погребения нарушены более поздними, поэтому редко (всего в 7 случаях) удастся обнаружить четкие контуры древнейших погребальных ям. Судя по этим погребениям, могильные ямы имели прямоугольную форму (иногда с округленными углами). Глубина не превышала 0,5—0,75 м. Древнейшие погребения, повидимому, покрывались деревом, а сверху — землей и камнями. Булыжники довольно часто встречаются в самих погребениях — древних и более поздних. Вокруг некоторых древнейших погребений выкладывался из камней круг, а иногда квадрат. Каменные круги зафиксированы в трех случаях. Как правило, грунтовые могилы предназначались для одного покойника. Исключение представляет одно парное погребение (№ 155).

На северном участке Самтаврского могильника встречаются каменные круги с примитивными каменными ящиками в центре. Они почти без вещей. По предположению А. Н. Каландадзе ящики были разграблены¹. Рядом обнаружены древнейшие грунтовые погребения, в одном случае — ребенка, а в другом — женщины, находившиеся на одном уровне с вышеупомянутыми каменными ящиками. Эти грунтовые погребения и каменные ящики, бывшие в центре выложенных из камней кругов, в обоих случаях могли быть одновременны.

Установлено, что в Самтаврском могильнике в грунтовых погребениях скорченные костяки находятся либо на правом, либо на левом боку. По данным раскопок, в древнейших грунтовых погребениях 31 костяк лежал на правом боку и 29 — на левом.

А. Н. Каландадзе² и другие авторы отмечают, что в Самтаврском могильнике на правом боку погребались мужчины, а на левом — женщины. Это предположение было подтверждено М. Г. Абдушлишвили, проводившим антропологическое изучение 15 черепов из древнейших грунтовых погребений³. Кроме того, об этом же свидетельствует могильный инвентарь — костяки, лежащие на правом боку, сопровождаются оружием.

В большинстве случаев в древнейших грунтовых погребениях костяки скорчены слабо, кисти рук приподняты к черепу, а ноги согнуты в коленях под прямым углом; исключением является погребение № 5, в котором костяк сильно скорчен.

По ориентировке костяков погребения разделяются в основном на две большие группы: в одной ориентировка головой на запад и на северо-запад, в другой — на восток, с незначительными отклонениями на юг и север.

¹ Полевые дневники А. Н. Каландадзе за 1940 и 1947 гг.

² Полевые дневники А. Н. Каландадзе.

³ По данным М. Г. Абдушлишвили, изученная им серия черепов принадлежит средиземноморской ветви европеидов.

Погребения с ориентировкой на запад, повидимому, несколько древнее ориентированных на восток. На северном участке, где вскрыто наибольшее количество грунтовых погребений позднего периода, западная ориентировка среди погребений эпохи перехода от бронзы к железу, а также собственно железного века — редчайшее исключение. Кроме того прослежено, что поздние погребения находятся над древнейшими с ориентировкой на запад.

Из общего количества древнейших грунтовых погребений около 60% содержат костные остатки животных, определение которых производилось археологами в полевых условиях. В могилу в большинстве случаев клались голова и ноги животного, либо в сосудах, либо на дно могилы, а иногда сверху человеческого костяка. Кости домашних животных (коза, овца, бык, корова, свинья) клались в погребения без различия возраста и пола погребенных.

Жертвоприношения животных в эпоху поздней бронзы хорошо прослеживаются в Самтаврском могильнике по комплексу так называемого «погребения маленького пастушка»¹, состоящему из основного погребения (№ 27), могильной ямы (№ 26) и головы быка, лежавшей на покрывающем каменном настиле; выше этого комплекса (на глубине 1,75 м от поверхности земли) был выложен из булыжных камней овал неправильной формы.

По определению палеонтолога Н. И. Бурчак-Абрамовича, череп, найденный в этом комплексе, принадлежит весьма древнему виду домашнего быка (*Bos taurus Brachycesus*).

Примечательно также и то, что в Самтаврском могильнике в эпоху освоения железа, а также позднее, крупный рогатый скот приносился в жертву, повидимому, только при захоронении мужчин (на правом боку и, как правило, вместе с бронзовым или железным оружием).

Ряд погребений (в число которых входит и древнейшее курганный погребение № 243, эпохи средней бронзы) указывает на взаимосвязь и сосуществование двух типов погребального ритуала, характерных для Самтаврского могильника: 1) обкладка камней вокруг могилы или вокруг самого покойника и 2) приношения в жертву крупного рогатого скота. Как указывал М. М. Иващенко на основании изучения колхонидского археологического материала, поклонение мужскому началу обычно связывается с культом солнца и культом быка². Нам кажется, что самтавские материалы из древнейших грунтовых погребений позволяют увязать древнеземледельческий культ быка именно с поклонением мужскому началу; подтверждением этого служит бронзовая подвеска культового характера с изображением быка, встречающаяся в мужском погребении.

Детские погребения интересующего нас периода характеризуются некоторыми особенностями инвентаря. Они сопровождаются: 1) керамикой, 2) предметами вооружения, 3) миниатюрными вещами (игрушечными), имитирующими в некоторых случаях крупные предметы, и, наконец, 4) предметами украшения и культового назначения.

Керамика и оружие одинаково часто встречаются в погребениях детей и взрослых. Так, например, из восьми детских погребений с костяками, лежавшими на правом боку, пять содержали бронзовые кинжалы, наконечники копий, дротиков и стрел, бронзовые и костяные булавки и др.

Что же касается трех детских погребений, в которых костяки лежали на левом боку, то в них прослеживаются те же характерные черты, что и в женских.

¹ И. А. Джавахишвили. Работа Мцхето-Самтаврской археологической экспедиции (на грузинском языке, газета «Коммунисти», 1938, № 292).

² М. М. Иващенко. Материалы к изучению колхов. Материалы к истории Грузии и Кавказа, вып. II. Тбилиси, 1941, стр. 45.

Погребальный инвентарь почти всех женских погребений, помимо керамики, состоит из: 1) бронзовых бытовых предметов (иглы, булавки), 2) бронзовых украшений (височные кольца с разомкнутыми концами, серьги из проволоки, согнутой в виде колечка, кольца, крупные бусы полусферической формы и спирали), 3) каменных бус (сердоликовые круглые и цилиндрические «рубленные»), 4) изделий из сурьмы (дисковидные подвески, четырехугольные «разъединители», бусы различной формы, пронизки), 5) пастовых бус (белые цилиндрические мелкие, черные и голубые стекловидные — круглой, дисковидной формы) и 6) костяных изделий (просверленные кабаньи клыки и бусы цилиндрической формы).

Небольшие бронзовые предметы в большинстве случаев изготовлены из высококачественного металла. Химический анализ показал, что эти изделия содержат от 6 до 12% олова. Другая группа аналогичных бронзовых предметов имеет незначительные примеси олова (1,05—3,86%), свинца (0,29—1,65%), цинка (0,45%) и железа (0,42—1,82%)¹.

Среди металлических изделий в большом количестве встречаются булавки с закрученной головкой (58 экз. в 18 погребениях); в женском погребении их бывает от двух до шести, в мужских от одной до трех штук. Эти булавки по сечению стержня делятся на два варианта: с четырехгранным стержнем (64 шт.) и с круглым (17 шт.).

В самтаврских погребениях более позднего времени булавки с закрученной головкой отсутствуют.

Второй тип булавок, встреченный в женских грунтовых погребениях только в единственном экземпляре, обычен для мужских погребений. Это литые булавки с уплощенной головкой, а иногда конусообразной формой головки. Стержень в большинстве случаев под головкой имеет овальную дырочку.

Эти булавки (найдено всего 6 штук) не встречаются в поздних грунтовых погребениях и, повидимому, являются самыми древними среди булавок Самтаврского могильника. Аналогичные булавки из Картли и Западной Грузии в большинстве случаев относятся к более раннему времени, т. е. к концу среднего этапа бронзового века². Булавки же с круглой головкой чаще встречаются в более поздних погребениях, их количество быстро возрастает с появлением железных предметов.

Что касается бронзовых украшений (серьги в виде маленького колечка, спирали, кольца из тонкой проволоки и пр.), то следует отметить, что и эти предметы в некоторых случаях обнаружены в более поздних погребениях вместе с другими украшениями.

Самтавские бронзовые иглы, обнаруженные в 13 древнейших грунтовых погребениях (по одной), подразделяются на два варианта: первый, более многочисленный, характеризуется ушком, сделанным путем уплощения и загиба одного конца круглой проволоки; во втором варианте (всего несколько экземпляров) ушко представляет собой овальную дырочку на уплощенном конце.

Вторую группу металлических предметов составляют сурьмяные изделия, находимые только в древнейших погребениях Самтаврского могильника. Это — чечевицеvidные бусы с продольным отверстием, встреченные в трех женских погребениях (№ 45, 264, 288) в количестве от 9 до 40 шт. Кроме того имеются сурьмяные подвески двух видов: 1) дисковидные с ушками, найденные в погребениях № 15 и 179 (в одном шесть экз., в другом — четыре); все они украшены геометрическим орнаментом и параллель-

¹ Химический анализ производился химиком-аналитиком Х. С. Чиковани.

² Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 43—44.

ными крестообразно перекрещивающимися рельефными линиями; 2) четырехугольные пластинчатые, украшенные геометрическим орнаментом.

Заканчивая обзор инвентаря женских погребений, следует отметить сердоликовые и пастовые бусы, которые в большом количестве (до 400 шт.) встречаются в женских погребениях, в меньшем количестве — в погребениях детей и, наконец, в незначительном количестве, да и притом довольно редко, — в мужских погребениях. Формы каменных бус разнообразны: невысокие цилиндрические, шарообразные из полупрозрачного «розового» сердолика и др. Кроме каменных, обнаружены в большом количестве пастовые цилиндрические бусы с широким отверстием и бисер белого, черного и синего цветов.

В инвентаре мужских погребений (всего 29) главное место занимают оружие и керамика, а украшения, как правило, отсутствуют. Включив в эту группу пять детских погребений, содержащих оружие, можно указать, что бронзовые предметы вооружения представлены листовидными кинжальчиками (34 погребения), наконечниками копий и дротиков (8 погребений), плоскими стрелами треугольной формы с дырочкой посередине (10 погребений) и булавой грушевидной формы с пятью выпуклинами (1 погребение). Костяные предметы вооружения представлены в одном погребении костяными стрелами с длинным черенком; в остальных погребениях найдены основания оленьего рога, имеющие круглое отверстие и косо срезанные ветви (14 погребений).

Г. А. Ломтатидзе подразделяет самтаврские кинжальчики на три подтипа: плоские, с узким ребром посередине лезвия, с широким и плоским ребром.

Ф. Н. Тавадзе и Т. Н. Сакварелидзе провели большую работу по металлографическому изучению самтаврских бронзовых изделий, в результате чего, в частности, было установлено, что самтаврские клинки изготавливались не при помощи литейной формы, как это думали некоторые исследователи, а путем проковки литых заготовок. Изготовление кинжальчиков горячей проковки было обусловлено тем, что металл, употребляемый для оружия, содержит небольшое количество примесей: олова (0,22—5,34%), свинца (0,85—0,41%), сурьмы (0,88—3,08%), мышьяка (1,10—15%) и железа.

Наконечники копий и дротиков подразделяются на два типа, из которых первый в свою очередь дает два варианта: один характеризуется наличием открытой втулки, изготовленной из листовой бронзы; другой, более поздний, вариант объединяет наконечники с открытой втулкой, но изготовленные в литейной форме.

Путем металлографического изучения двух наконечников первого варианта установлено, что они изготовлены из листовой бронзы, содержащей незначительное количество примесей олова (0,28—0,39%), свинца (0,24—3,09%), мышьяка (0,25—0,27%) и железа.

Наконечники дротиков и копий второго типа, изготовленные в литейных формах, имеют литую трубчатую втулку, которая, постепенно суживаясь к острию наконечника, до конца остается полый.

Керамика древнейших грунтовых погребений Самтаврского могильника представлена кухонной и столовой посудой. Найдено 300 сосудов самых разнообразных форм. Обычно в одной могиле, независимо от пола и возраста погребенных, бывает от трех до шести сосудов, за исключением нескольких погребений, где встречается 7—12 сосудов (погребения № 228 и 232).

Самтаврская керамика в основном изготовлена на гончарном круге. Формы сосудов в зависимости от их назначения очень разнообразны: маслостойки, сосуды, называемые по-грузински «кила», горшки, большие кружки с ручкой, блюда «бадья», миски, кувшины с невысоким цилиндри-

ческим горлышком, вазы конической формы, вазы на ножках и с выгнутой ручкой, стаканчики, сосуды в виде пивных кружек и др. Немногочисленную группу составляет посуда, изготовленная без гончарного круга. Главным образом это кружки с ручкой, лепленные из неотмученной глины, с примесью большого количества кварцевых кристаллов; эти кружки довольно тяжелые и, возможно, обжигались на костре.

Древнейшая керамика преимущественно сероглиняная; среди более поздней преобладают сосуды из черного глиняного теста.

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Отсутствие железных изделий в древнейших погребениях Самтавро, архаичный облик могильного инвентаря (бронзовые листовидные кинжалы и наконечники копий с открытой втулкой, изготовленные проковкой, булавки с закрученной головкой, сурьмяные пронизки, костяные стрелы архаичной формы и т. д.) и, что особенно важно, стратиграфическое положение некоторых древнейших могил под погребениями переходной эпохи от бронзы к железу позволяют установить наличие древнейших грунтовых погребений, а также выделить наиболее характерные комплексы ранней ступени поздне-бронзовой культуры.

Древнейшие грунтовые погребения Самтаврского могильника относятся к эпохе, предшествующей образованию на территории Грузии двух больших культурных областей (западной и восточной). На территории Картли обнаружены аналогичные комплексы, хронологически очень близкие к древнейшим погребениям Самтаврского могильника; из них выделяются более поздние, синхронные Бешташенским. Они содержат вместе с древним инвентарем самтаврского типа предметы, появление которых прослеживается в переходную эпоху от бронзы к железу. В эту группу попадают комплексы из Сурами (Государственный музей Грузии, коллекция № 3—35), Метехи (коллекция № 5—37), Сасирети¹, Гомна², Чурисхеви, Кавтисхеви, Гостибе³, Тбилиси⁴ и Бешташени⁵.

Упомянутый материал из Картли является свидетельством того, что в Триалети, западных и северо-западных районах исторической «Шида Картли» в течение более долгого времени, чем в восточных районах, производили предметы, характерные для ранней ступени эпохи поздней бронзы. Не касаясь археологических материалов из Западного Закавказья и Северного Кавказа, следует отметить, что выявленные в Картли ранние памятники позднебронзовой культуры типологически сходны с синхронными и более поздними памятниками указанных территорий.

Теснейшая связь Картли с Западной Грузией и Северным Кавказом могла быть обусловлена и тем, что ведущую роль в это время играла металлургия Западного Закавказья, откуда шла главная масса металла⁶. Вышесказанное, конечно, ни в какой мере не исключает наличия местных руд, на базе которых, безусловно, существовал местный, восточно-грузинский металлопроизводящий очаг (горная часть Картли). Это положение подтверждается важнейшими археологическими фактами, а также письмен-

¹ G. Nioradze. Der Verwahrfund von Kvemo-Sasirethi, ESA, VII, Helsinki, 1922, стр. 82—96.

² Г. К. Ниорадзе. Археологические разведки в долине реки Куры (на грузинском языке). «Вестник Гос. музея Грузии», т. XIII В. Тбилиси, 1944, стр. 199—211.

³ Т. Н. Чубинишвили. Археологические памятники из ущелья Гостибе (на грузинском языке). «Вестник Гос. музея Грузии», т. XIV В. Тбилиси, 1950, стр. 9—34, рис. 1, 2.

⁴ «Вестник Гос. музея Грузии». Хроника (на грузинском языке), т. XVI В. Тбилиси, 1950, стр. 275.

⁵ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 65—75.

⁶ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Известия ГАИМК, вып. 120, М.—Л., 1935, стр. 138.

ными источниками. Примечательно, что именно в западной части Картли встречается наибольшее число кладов, содержащих предметы западно-грузинского происхождения.

На территории Грузии имеется ряд памятников, синхронных древнейшим погребениям Самтаврского могильника. Они в основном распространены на территории Картли; известны в селении Гостибе (Каспский район)¹, Атени (сел. Зедаксоврис, Горийский район)², Квемо Риети (Горийский район)³ и др.

Полностью идентичны самтаврским погребениям интересующего нас периода могилы, раскопанные в 1945 г. в Армазисхеви, расположенном на правом берегу р. Куры в 2 км к западу от ст. Мцхета.

Наконец, следует отметить погребения, раскопанные Тriaлетской археологической экспедицией у дороги в Бешташени — Сафар-Хараба, на правом берегу р. Байбурт или Геряк-Чай. Эти комплексы в целом не выделяются среди хорошо известного закавказского археологического материала с типичными для него бронзовыми изделиями⁴. Обнаруженные экспедицией древнейшие погребения в основном моложе самтаврских.

При сопоставлении древнейших грунтовых погребений Самтаврского могильника с грунтовыми погребениями, относящимися к переходной эпохе от бронзы к железу, выясняется, что в указанное время появляется ряд новых отличительных черт. В первую очередь следует отметить появление резкого различия между «бедными» и «богатыми» погребениями. Наряду с одиночными грунтовыми захоронениями все чаще появляются парные, в большинстве случаев женщины и ребенка, а в более редких женщины и мужчины. В это же время в могильном инвентаре появляются бронзовые предметы вооружения: литые кинжалы кахетинского типа (погребения № 96, 39, 275, 87, 88), секира восточно-грузинского типа (погребения № 240, 195), мечи трех типов (погребения № 51, 211, 152, 77, 966, 208 и др.), колхидский топор (погребения № 260, 121) литые наконечники копий, костяные стрелы (погребения № 152, 202 и др.), бронзовые стрелы с длинным стержнем (погребения № 121, 202) и ряд других разновидностей. Первые железные изделия в Самтаврском могильнике представлены оружием, главным образом длинными мечами без рукояток, наконечниками копий или листовидными кинжалами (погребения № 121, 88, 56, 195, 208).

Органическая связь древнейших погребений с однотипными погребениями более позднего периода на Самтаврском могильнике указывает на единство Самтаврской культуры во II—I тысячелетиях до н. э. Это же подтверждается и антропологическим материалом.

При выявлении особенностей погребального обряда — наличия каменных кругов над погребениями, отсутствия парных захоронений, ориентировки костяков головой на запад, устойчивости и однородности обряда в погребениях взрослых и детей — с предельной ясностью рисуется картина постепенного изменения погребального обряда, а не замена одного обряда другим, как это можно было бы ожидать в случае разрыва в развитии Самтаврской культуры в переходную эпоху от бронзы к железу.

Примечательно и то, что найденная в древнейших погребениях глиняная посуда, характеризующаяся типичными для эпохи поздней бронзы формами, в основном уже изготавливается на гончарном круге. Резко отличаясь от керамики более раннего периода, самтаврская черно- и серолощенная керамика эпохи поздней бронзы представлена сосудами, форма которых

¹ Т. Н. Чубинишвили. Указ. соч., стр. 16, рис. 3.

² Археологический отдел Государственного музея Грузии; инв. 77—13/1—2.

³ Комплекс хранится в Горийском историко-этнографическом государственном музее; инв. 1—47/1—10.

⁴ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 65.

является исходной для самтавской керамики последующего времени; по этому и не удивительно, что среди керамического материала раннего этапа эпохи поздней бронзы нам не удалось выявить сосуды, встречаемые только в древнейших грунтовых погребениях.

Уже сейчас можно утверждать, что, несмотря на отсутствие в древнейших грунтовых погребениях бронзовых предметов, они должны быть обнаружены именно на территории распространения Самтавской культуры. На это указывают случайные находки бронзовых топоров на территории Картли¹.

Становится ясным, что самтавские древнейшие грунтовые погребения, раскопанные Мцхетской археологической экспедицией, относятся к ранней ступени позднебронзовой эпохи, когда железо еще не употреблялось.

Эти погребения являются промежуточными между памятниками эпохи средней и поздней бронзы, и поэтому изучение инвентаря погребений надо считать делом первостепенной важности.

До последнего времени в археологической литературе указывалось на некоторый разрыв при переходе от средней бронзы к позднебронзовой поро, непосредственно предшествующей времени образования Урартского государства близ озера Ван, когда железо начало входить в употребление². Теперь, когда на территории Грузии выявлены памятники последних веков II тысячелетия до н. э., восполняющие этот хронологический разрыв, с еще большей ясностью выступает картина развития самобытной культуры древнейших грузинских племен, живших в Закавказье.

Б. Б. Пиотровский совершенно справедливо указывает на исключительное научное значение Самтавского могильника, с раскопок которого в 1871 г. началось изучение археологии древнейшего Закавказья³.

Можно надеяться, что при дальнейшей планомерной работе Мцхетской археологической экспедиции будут изучены новые интересные археологические памятники, что позволит еще глубже проследить историческое развитие общества, создавшего в центральной части Закавказья многовековую культуру.

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 17, рис. 20. Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 47.

² Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, VIII, 1940, стр. 17; его же — Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 5.

³ Б. Б. Пиотровский. Указ. соч., стр. 11.

А. О. МНАЦАКАНЯН

О РАСКОПКАХ МОГИЛЬНИКОВ У СЕЛА ГОЛОВИНО (АРМЕНИЯ)

В 1950 г. житель села Головино¹ Тигран Кацахян во время строительных работ на приусадебном участке случайно открыл погребение, содержащее более десяти глиняных сосудов, бронзовые и медные вещи, черепа и кости двух человеческих скелетов. Это по счету третье погребение, открытое здесь колхозниками.

Исследованиями было выяснено, что северная окраина с. Головино покрыта многочисленными погребениями. Обнаруженное могильное поле делится на две части небольшим ручьем, берущим начало в местности Хртаноц и протекающим через ущелье Айоц-дзор. По обе стороны ручья почти правильными рядами располагаются погребения, относящиеся ко времени с конца II — до конца I тысячелетия до н. э. По предварительным и неполным подсчетам, на могильном поле около 120 погребений. Из них нами раскопано пять, а три были открыты раньше местными жителями.

При осмотре окрестностей могильника установлено, что на расстоянии 600—700 м к ЮВ от него, на вершине безымянного холма, имеются следы развалин древнего поселения, вероятно окруженного стеной, остатки которой местами виднеются у окраин плоской вершины холма.

Древнее поселение у села Головино, как и расположенный недалеко от него могильник, принадлежали какому-то племени, жившему здесь до VII в. до н. э. Очевидно, возникновение могильника — результат длительной оседлой жизни.

В археологической литературе Головино и могильник в Хртаноце известны как памятники культуры VII—VI вв. до н. э. На основании материалов, добытых раскопками 1950 г., установлено, что в Головино имеются слои, относящиеся к гораздо более ранней эпохе.

Изучение предметов, найденных в первом погребении, открытом Давидом Еганяном, привело к убеждению, что в нем были захоронены двое — мужчина и женщина, повидимому супружеская пара. При погребенных было большое количество глиняной посуды. Инвентарь, в том числе бронзовый кинжал (рис. 16—1) и два глиняных сосуда (рис. 13—1), аналогичные сосудам из раскопок Ерванда Лалаяна и Ивановского, а также найденные бусы и несколько мелких бронзовых колец, дает нам основание отнести погребение к IX—VIII вв. до н. э.

¹ Село Головино расположено на расстоянии 4 км к юго-востоку от курорта Дилижана, на шоссейной дороге Ереван — Дилижан.

Во втором погребении, открытом тем же Давидом Еганяном, глиняных сосудов не было; обнаружены две стеклянные разбитые «слезницы». В земле около раскопанного погребения нами собрано более ста мелких бус и обломков стеклянных «слезниц». Подобные бусы и «слезницы» встречены в могильном инвентаре Эчмиадзина, верхнего Адиамана и Гарни, т. е. датируются от II в. до н. э. и до II в. н. э.

Образцы керамики, бронзовых изделий и других вещей, найденных в раскопанных нами погребениях, а также ориентация и форма погребений позволяют заключить, что они относятся к X—VIII вв. до н. э.

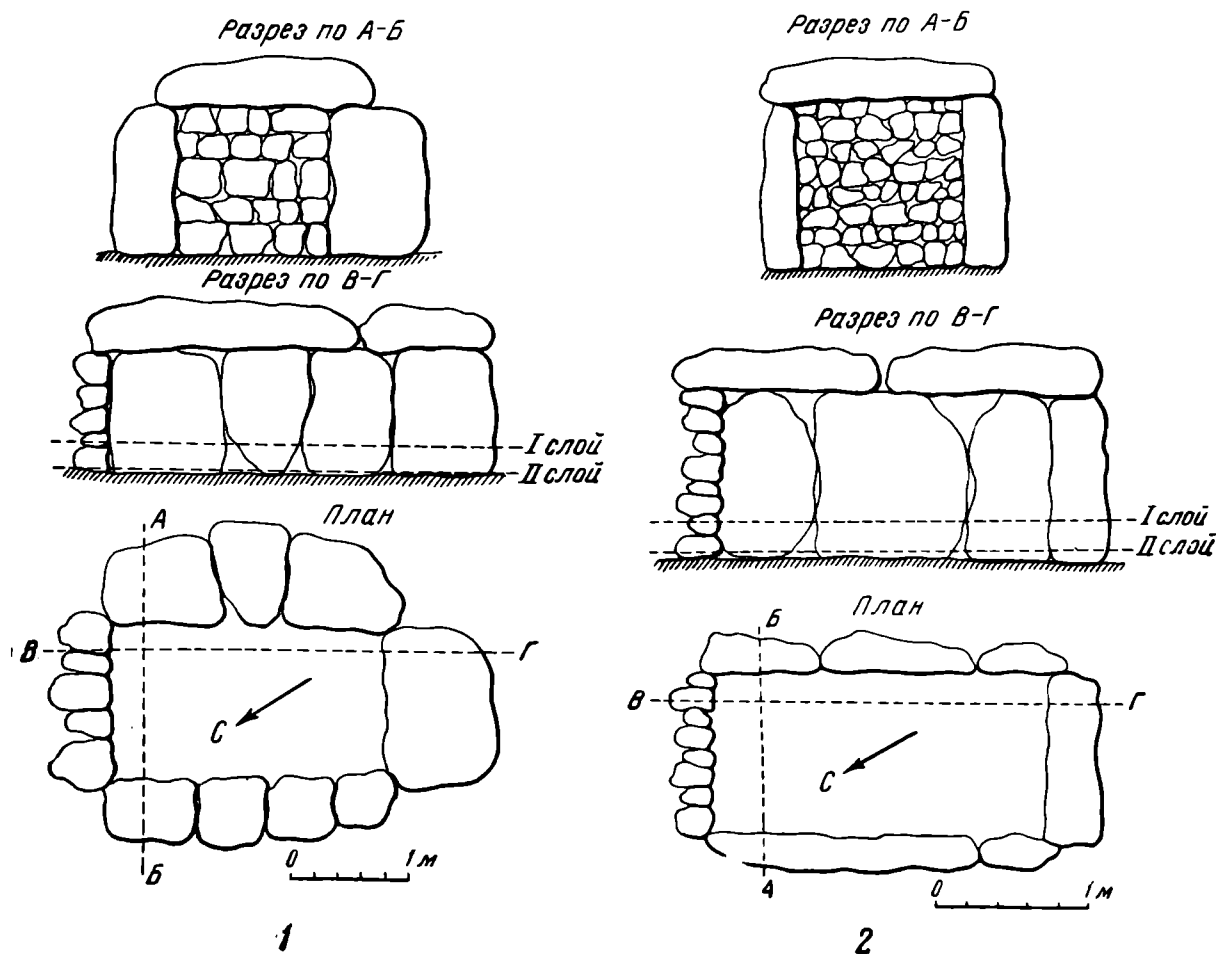

Рис. 11. Погребальные сооружения могильника у с. Головино (Армения):

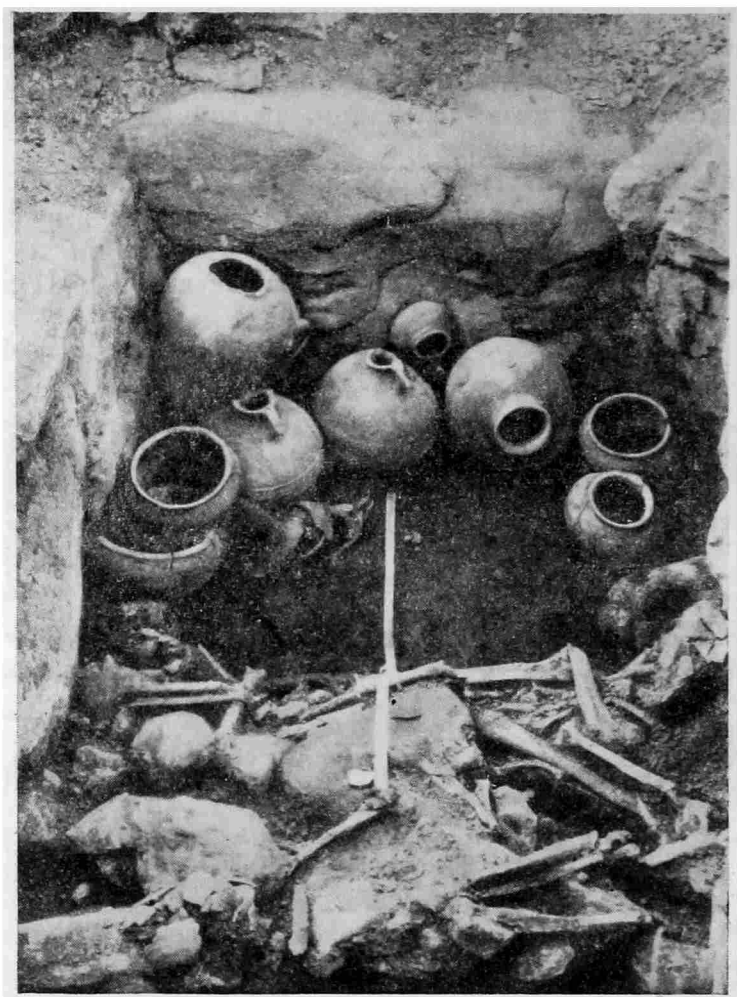
1 — план и разрезы погребения № 2; 2 — план и разрезы погребения № 6.

Более подробно мы остановимся на погребениях № 2 и № 6, относящихся к типу каменных ящиков. Ящики, ориентированные СВ — ЮЗ, были покрыты двумя большими необработанными камнями (рис. 11—1, 2).

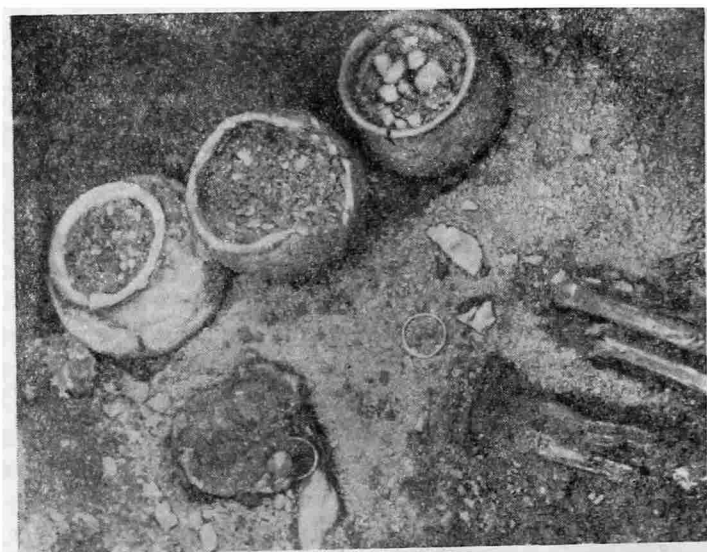
Глубина погребения № 2 составляет 1,24 м, ширина — 1,32 м, длина — 2,16 м. Оно интересно разнообразием содержащихся в нем предметов и многочисленностью человеческих скелетов, а также двухрусным расположением костяков.

В первом (сверху) ярусе найдено большое количество глиняных сосудов разных размеров и назначения (рис. 12—1). Все они находились в нижней части могилы, у ног погребенных. Часть сосудов содержала кости.

Особенно интересны два сосуда: маслобойка и один из кувшинов. Маслобойка (высота 34 см, наибольший диаметр 31 см) имела в широкой выпуклой части крепкую ручку, а около нее выступ высотой 2 см с отверстием в нем. По широкой части сосуда проходит однолинейный волно-

1

2

Рис. 12. Общий вид погребений у с. Головино:
1 — погребение № 2; 2 — погребение № 3.

образный орнамент. Обжиг произведен при неравномерной температуре, в результате чего цвет поверхности не повсюду одинаков. Маслобойка изготовлена на гончарном круге, глиняное тесто делалось с примесью песка (рис. 13—2). Такие маслобойки нашли также Е. Лалаян в районе Севанского бассейна и Б. А. Куфтин в Триалети — в погребении № 17¹.

Наличие маслобойки дает основание полагать, что местные жители не только занимались животноводством, но и довольно усовершенствованными способами умели перерабатывать молоко. Маслобойки описанной формы до сих пор применяются во многих селах высокогорных районов Армении и Грузии.

Второй сосуд — кувшин — изготовлен на гончарном круге, из глины без примесей. Он имеет узкое и короткое горлышко с расширенным верхом и снабжен ручкой с рогообразными выступами. На широкой части кувшина нанесены три параллельные линии, образующие нечто вроде пояса. Выше в четырех местах проведены полукруги, соприкасающиеся концами с верхней линией пояса. В центрах полукругов — похожие на пуговицы выступы, от которых идут лучи (21 луч в каждом полукруге) к дугам полуокружностей (рис. 13—3, 5). Можно предполагать, что описанные полукруги являются изображением небесного свода, линии пояса — горизонтом, а выступы с лучами олицетворяют солнце и что этот кувшин был не бытовым сосудом, а, по всей вероятности, посвящен какому-то культу по нашему мнению, культу солнца.

Среди предметов, найденных в этом же погребении, следует отметить железные кинжалы, похожие на обнаруженные при раскопках Кармир Блура, и железный серп длиной 23 см и шириной 4 см (рис. 14—1, 2, 3, 4). Последняя находка дает основание полагать, что жители поселения, к которому относится могильник, вели оседлый образ жизни и занимались земледелием.

Интересно, что найденные в погребении 18 черепов и остатки скелетов были разделены на две части, причем в первой обнаружены остатки трех скелетов (с черепами), расположенных вдоль стены могилы с с.-в. стороны. Вторая часть (15 черепов и костяки) находилась посредине могилы. Обе группы костей разделены свободным пространством, шириной в 70—75 см, причем вторая была сложена безо всякого порядка: только кости скелетов были перемешаны друг с другом, а черепа лежали сверху. Некоторые из них под воздействием проникших в могильник талых вод оказались перемещенными со своих мест; это показывает, что первоначально в каменном ящике не было земли и что она заполнила его позднее.

Найденные в могиле девять обсидиановых наконечников стрел (рис. 14—6), два небольших куска галечника, большое количество посуды и разный другой инвентарь дают основание считать, что похороненный был предводителем (вождем) племени.

Можно предположить, что вместе с вождем погребены два насильственно умерщвленных приближенных к нему лица (возможно жены), костяки которых лежали по обе стороны от центрального скелета, а также 15 человек из числа рабов или военнопленных; тела их были положены отдельно, в середине могилы.

Кости скелетов нижнего яруса могилы № 2 не сохранились. Здесь обнаружены восемь глиняных сосудов, пять обсидиановых наконечников стрел и бронзовое кольцо.

По обилию новых материалов и их значению наиболее интересно погребение № 6. Его перекрытие завершено двумя громадными бесформен-

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 47, табл. XXIX.

1

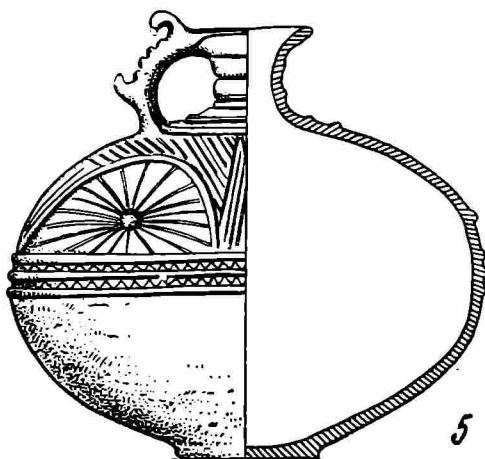
2

3

4

5

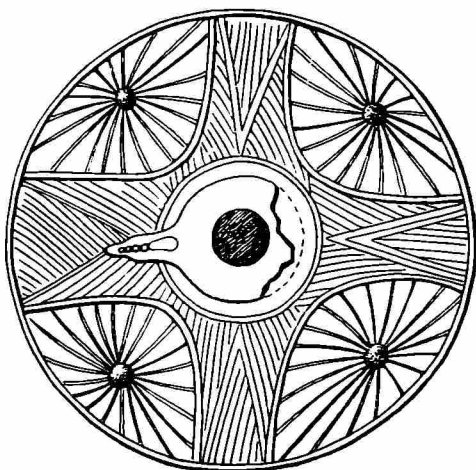

Рис. 13. Сосуды из погребения № 2 у с. Головино:

1 — горшок; 2 — маслбояка; 3 — кувшин, посвященный культу солнца; 4 — кувшин; 5 — профиль и орнамент (вид сверху) кувшина, посвященного культу солнца (1—из I погребения, открытого Д. Еганием; 2—5—из погребения № 2).

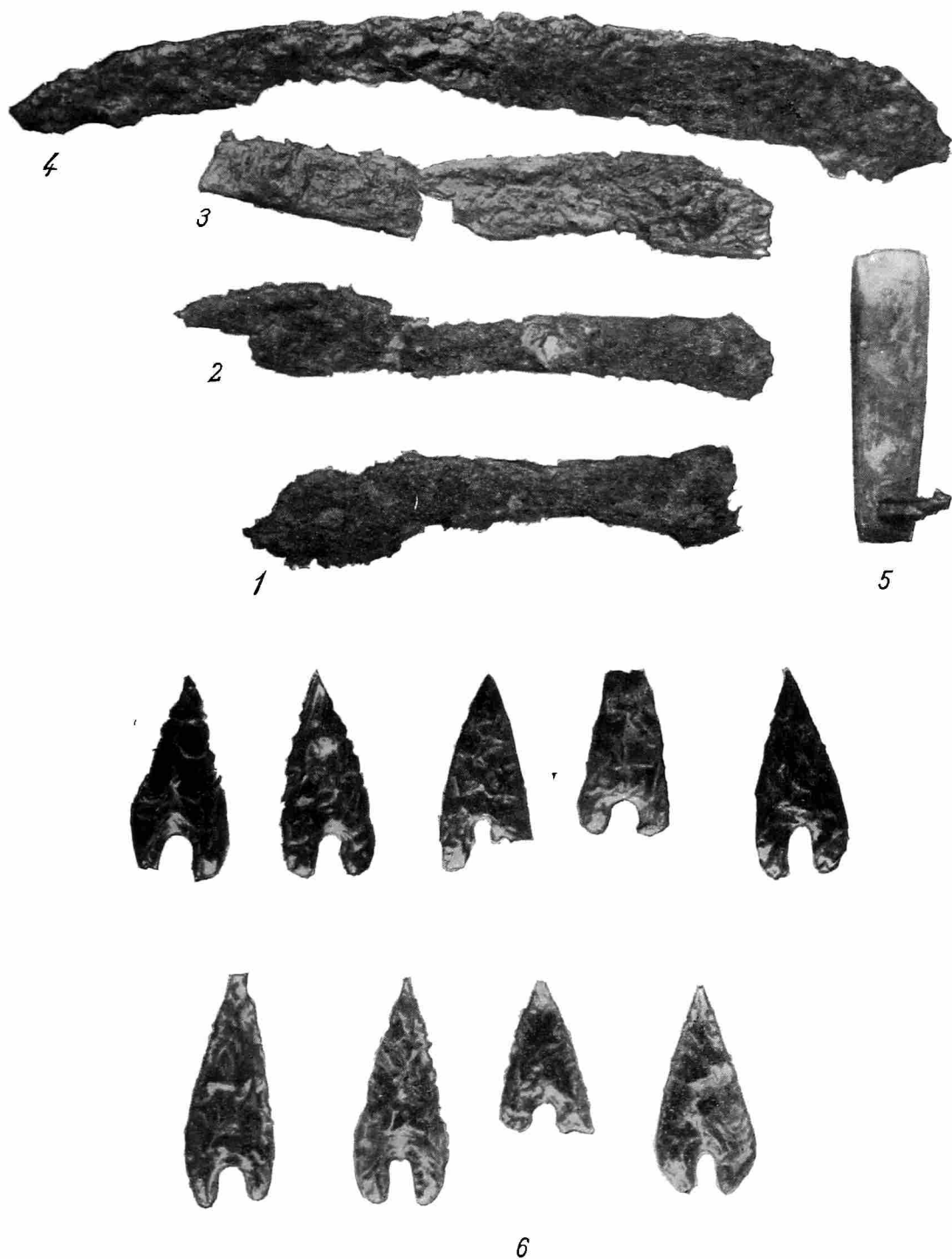

Рис. 14. Вещи из погребений у с. Головино:
 1, 2, 3 — железные кинжалы; 4 — железный серп; 5 — каменное точило;
 6 — обсидиановые наконечники стрел.

ными камнями (размером $2,8 \times 2,95 \times 0,83$ м). Глубина могилы 1,16 м, длина — 2,22 м, ширина — 1,85 м с ориентацией на СВ — ЮЗ (рис. 11—2). У ног покойника стояло 23 больших и малых глиняных сосуда (рис. 15), расположенных четырьмя правильными рядами. В ю.-з. стороне могилы найдено несколько ребер какого-то крупного животного.

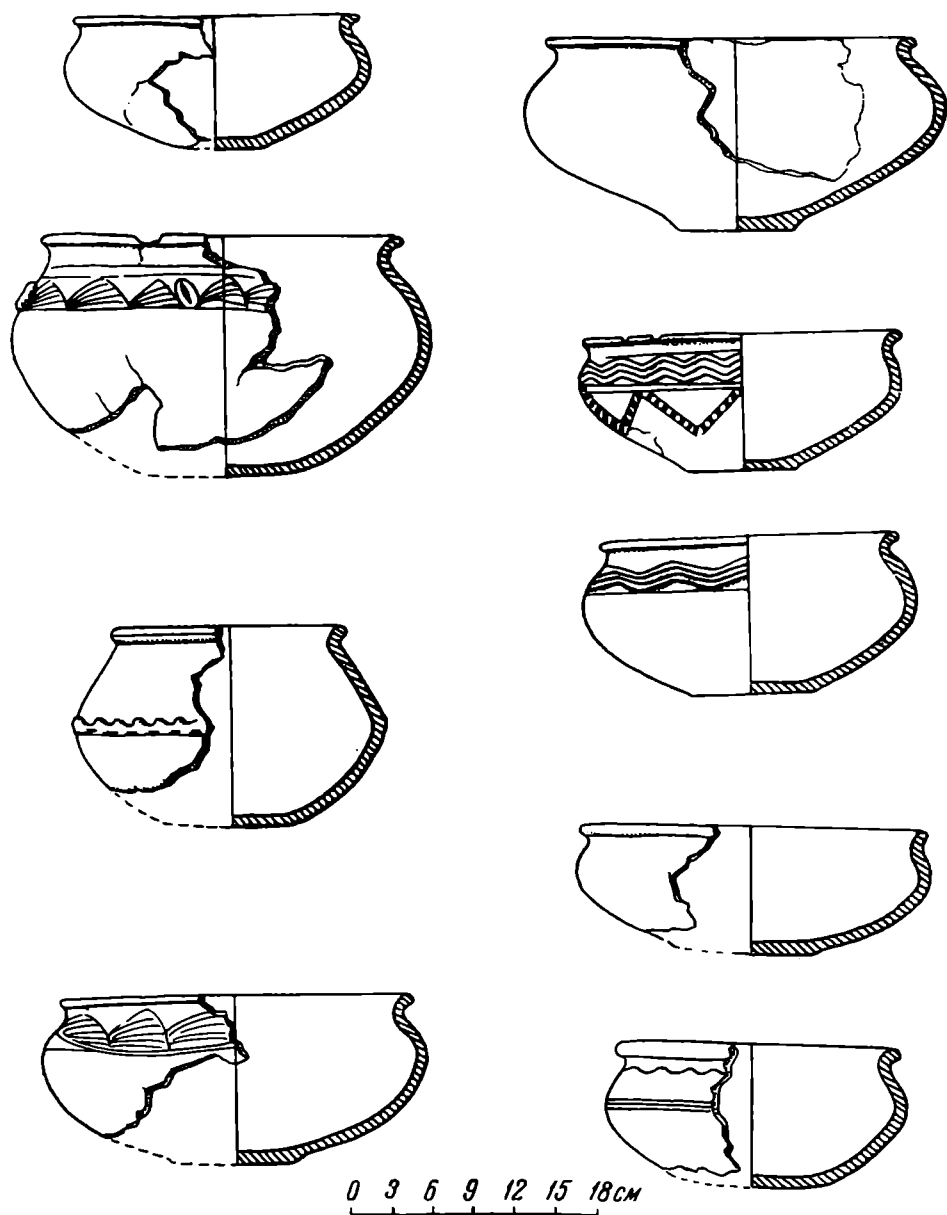

Рис. 15. Керамика из погребения № 6 у с. Головино.

Особый интерес представляет хорошо сохранившийся бронзовый меч, шириной 8 см и длиной 72 см. Сохранились остатки его деревянной рукоятки с инкрустацией из мелких бронзовых гвоздей (без шляпок). По всей длине меча проходят четыре бороздки, а на наиболее широкой его части, чуть ниже рукоятки, с обеих сторон выгравировано по два изображения луны (рис. 16—2). Около меча найдены три обсидиановых сердцевидных наконечника стрел.

Наиболее интересен из инвентаря погребения № 6 — панцирь, сплетенный из кожаных ремней (рис. 18), покрытых бронзовыми «кружками» и бляшками. Бронзовые бляшки, четырех различных форм и величины, за-

креплялись на ремнях панцыря при помощи ниток или веревок, вдеваемых в петли на обратной стороне бляшек. Шесть круглых, ровных бронзовых пластин (рис. 17—1) имеют 8 см в диаметре.

Еще более интересна деталь панцыря в виде деревянной доски, обрамленной бронзовой рамкой диаметром в 14 см и украшенной бронзовыми бляшками, которые расположены ровными рядами (рис. 17—2). Надо полагать, что панцырь имел не только защитное значение, но служил также в качестве украшения, а возможно, и амулета.

При раскопках очень редко встречаются панцыри эпохи бронзы. Обломки медного панцыря, относящегося к эпохе ранней бронзы, найдены Б. А. Куфтиным при раскопках в Триалети, о чем он пишет следующее: «Погребение заключало в себе фрагменты медных лат, в виде шести выпуклин, покрытых шишечным узором, с отверстием в середине для пропускания укрепительных ремешков»¹.

Описание древнейшего панцыря дал древнеармянский историк Моисей Хоренский, который пишет, что у ассирийца Бела—противника армянского воина Хайка, на голове был железный шлем с кистями; медные доски защищали его грудь и плечи: «Луконосец Хайк приближается к царю и, крепко натянув широкообъемный свой лук, угодил трекрылою стрелою в грудную доску Бела: железо пробилось насквозь между плечами и упало на землю»².

Находка панцыря в погребении № 6 свидетельствует о том, что племенами, жившими на исследуемой территории в конце II и начале I тысячелетия до н. э., употреблялись панцыри как средство защиты. Панцырь, описанный выше, принадлежал, вероятно, военному предводителю, может быть, вождю племени.

Резюмируя наше предварительное сообщение, можно сделать следующие выводы.

1. Раскопки в Головино еще раз доказывают, что племена, жившие в течение бронзового века в Закавказье, находились в постоянном общении с другими более отдаленными племенами, в результате чего наблюдается взаимное влияние культур этого времени. Следы взаимного влияния мы наблюдаем при изучении памятников Кедабека, Калакента, Триалети, района Севанского бассейна, села Головино и др.

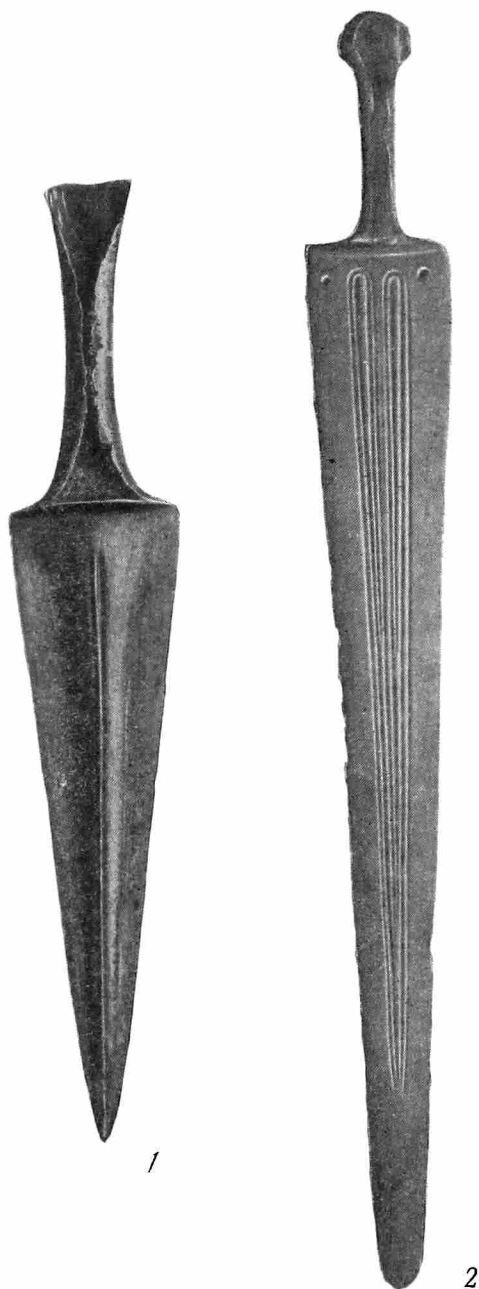

Рис. 16. Бронзовое оружие из погребения у с. Головино:

1 — кинжал из погребения № 2;
2 — меч из погребения № 6.

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. I. 1941, Тбилиси, стр. 101.

² М. Хоренский. История Армении, стр. 45.

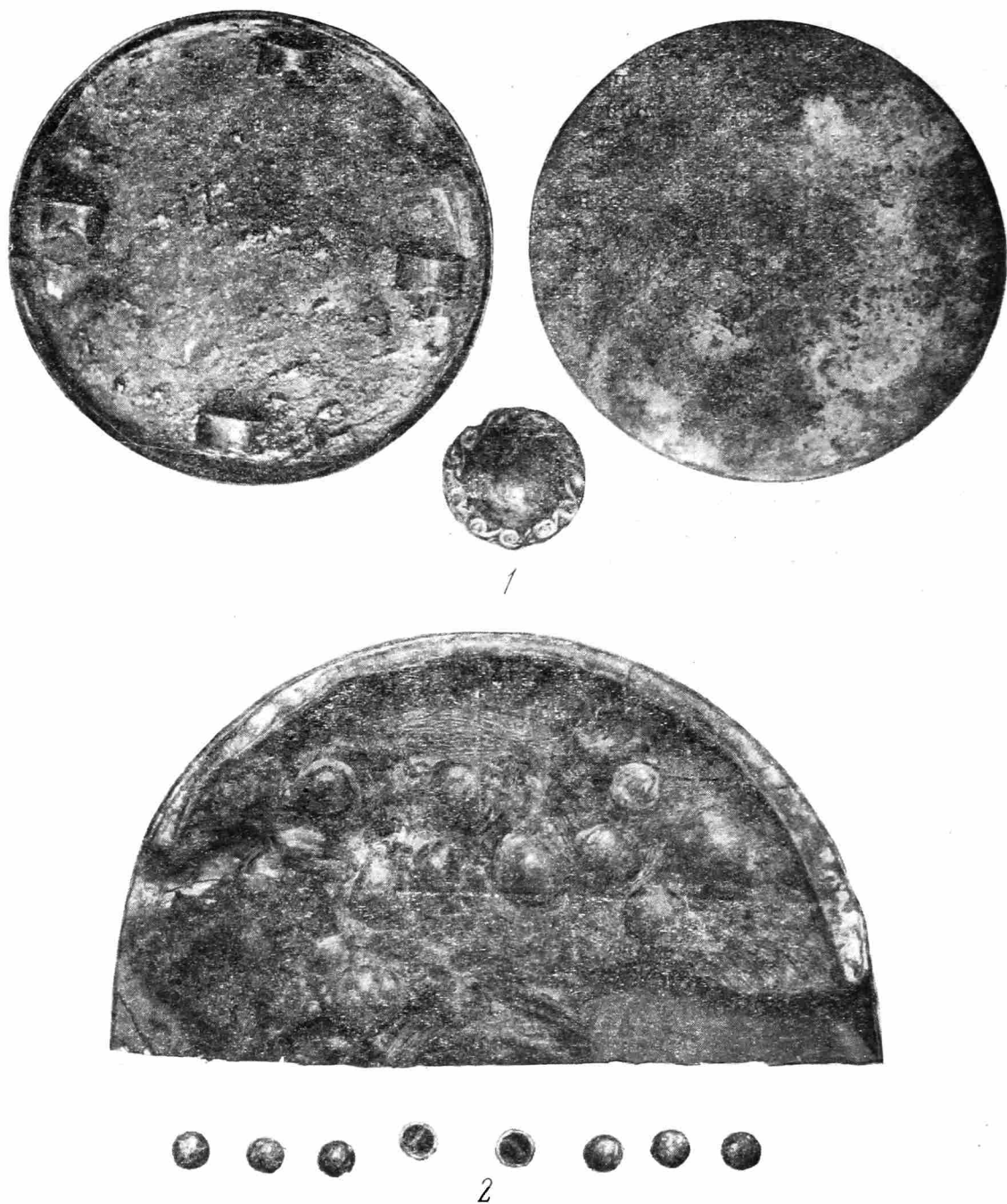

Рис. 17. Детали панцыря из погребения № 6 у с. Головино:

1 — медные диски и бляшки; 2 — часть деревянного диска с медными бляшками на нем.

2. В селе Головино, как и во многих других местах Закавказья, племена в описываемое время жили оседлой жизнью.

3. Эти племена занимались животноводством и земледелием.

4. В системе верований видное место занимал, повидимому, культ небесных светил.

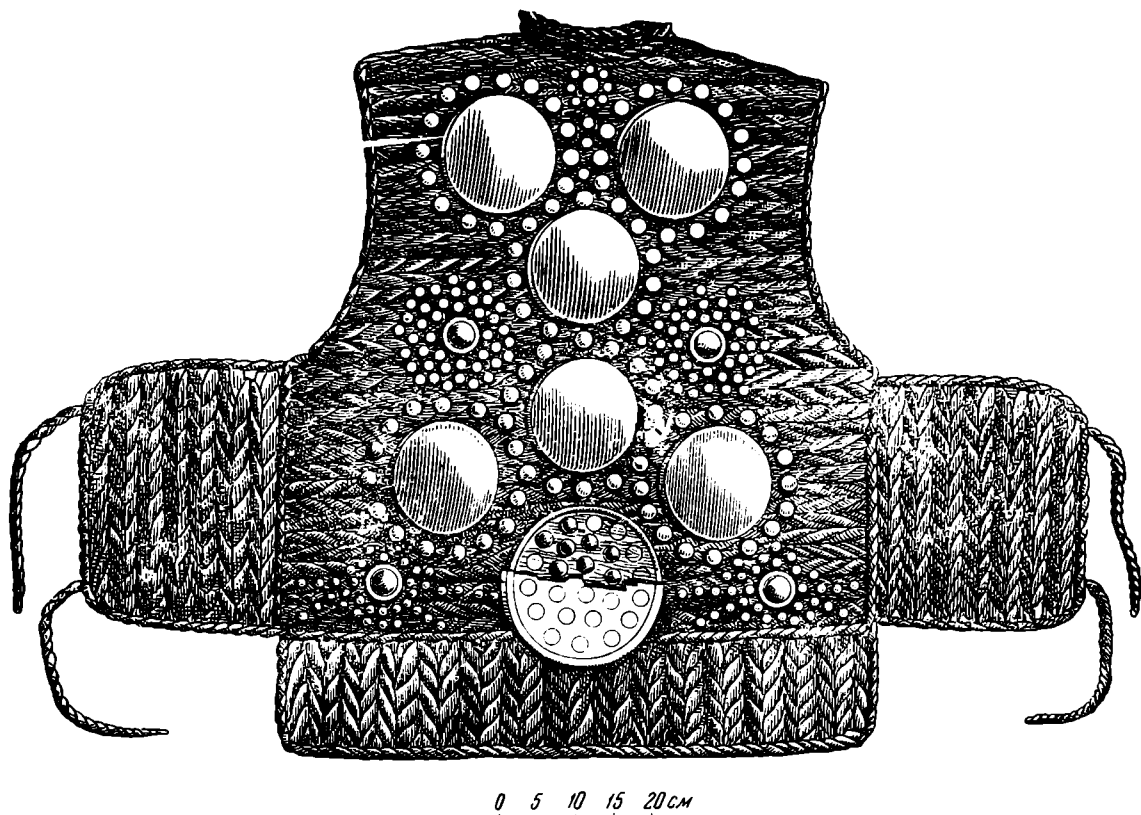

Рис. 18. Реконструкция пандыря из погребения № 6 у с. Головино.

5. На основании материалов раскопок и изучения случайных археологических находок можно полагать, что могильник к северу от села Головино служил местом погребения с конца II до конца I тысячелетия до н. э., т. е. в течение около тысячи лет. Исследование могильного инвентаря имеет большое значение для изучения древнейшей истории Закавказья. Раскопки и научное изучение могильников, сосредоточенных в одном месте и пока еще не затронутых археологическими исследованиями, могут во многом способствовать изучению развития материальной культуры в течение целого тысячелетия. Очень редко можно встретить такую, как в Головине, концентрацию в одном месте могильников разных эпох — этих ценных сокровищниц материальной культуры.

Н. В. АНФИМОВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО МЕОТО-САРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПРИКУБАНЫЯ

В 1949—1950 гг. Краснодарским государственным музеем краеведения продолжались работы по основной теме, стоящей в плане археологических работ музея — изучение оседлых земледельческих племен Прикубанья в скифо-сарматскую эпоху. В последние годы проведены большие работы по выявлению, фиксации и описанию городищ и грунтовых могильников, представляющих собою некрополи городищенского населения. Работы сосредоточивались в основном по среднему течению р. Кубани¹ и частично в Восточном Приазовье — в центральной части Приазовской низменности². К настоящему времени известно до 130 городищ. Но некоторые районы остаются еще недостаточно изученными. В первую очередь это относится к западной и северо-западной части Краснодарского края — территории Приазовской низменности, населенной в древности меотскими племенами, являвшимися коренным населением Восточного Приазовья и Среднего Прикубанья, а также и к территории Закубанья (особенно юго-восточной равнинной части).

Краснодарским музеем в 1949—1950 гг. был организован ряд выездов и экспедиций по обследованию вышеуказанных районов. В 1949 г. проведено обследование Казачьего ерика у хутора Зеленского, находящегося на правом берегу р. Кубани, на запад от г. Краснодара. Казачий ерик, один из протоков р. Кубани, отходит от правого берега по направлению к Азовскому морю (к северу) и, не доходя до моря, теряется в плавнях и лиманах Приазовской низменности. На территории хутора Зеленского, находящегося на левом берегу Казачьего ерика между станицами Ивановской и Славянской, расположен грунтовой могильник, занимающий довольно значительную площадь. Местные жители при земляных работах неоднократно находили здесь древние погребения, сопровождавшиеся сосудами, в том числе и амфорами.

По словам колхозников, в погребениях встречались различные предметы: глиняные сосуды, оружие, бусы; черепа костяков, как правило, всегда находились в мисках. При осмотре одного котлована на глубине 0,90 м нами обнаружено и доисследовано погребение воина. Костяк лежал вытянуто на спине, ориентирован головою на ВЮВ, череп лежал в миске. Инвентарь

¹ См. «Отчеты об археологических работах в Краснодарском крае» за 1945, 1946, 1947 гг.

² Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья. КСИИМК, в. XXXIV, стр. 85.

состоял из предметов вооружения — трех наконечников копий, 19 трехгранных втульчатых железных наконечников стрел (рис. 19—7), небольшого железного кинжала, а также глиняных сосудов. Оружие положено с левой стороны скелета, тогда как сосуды находились с правой стороны —

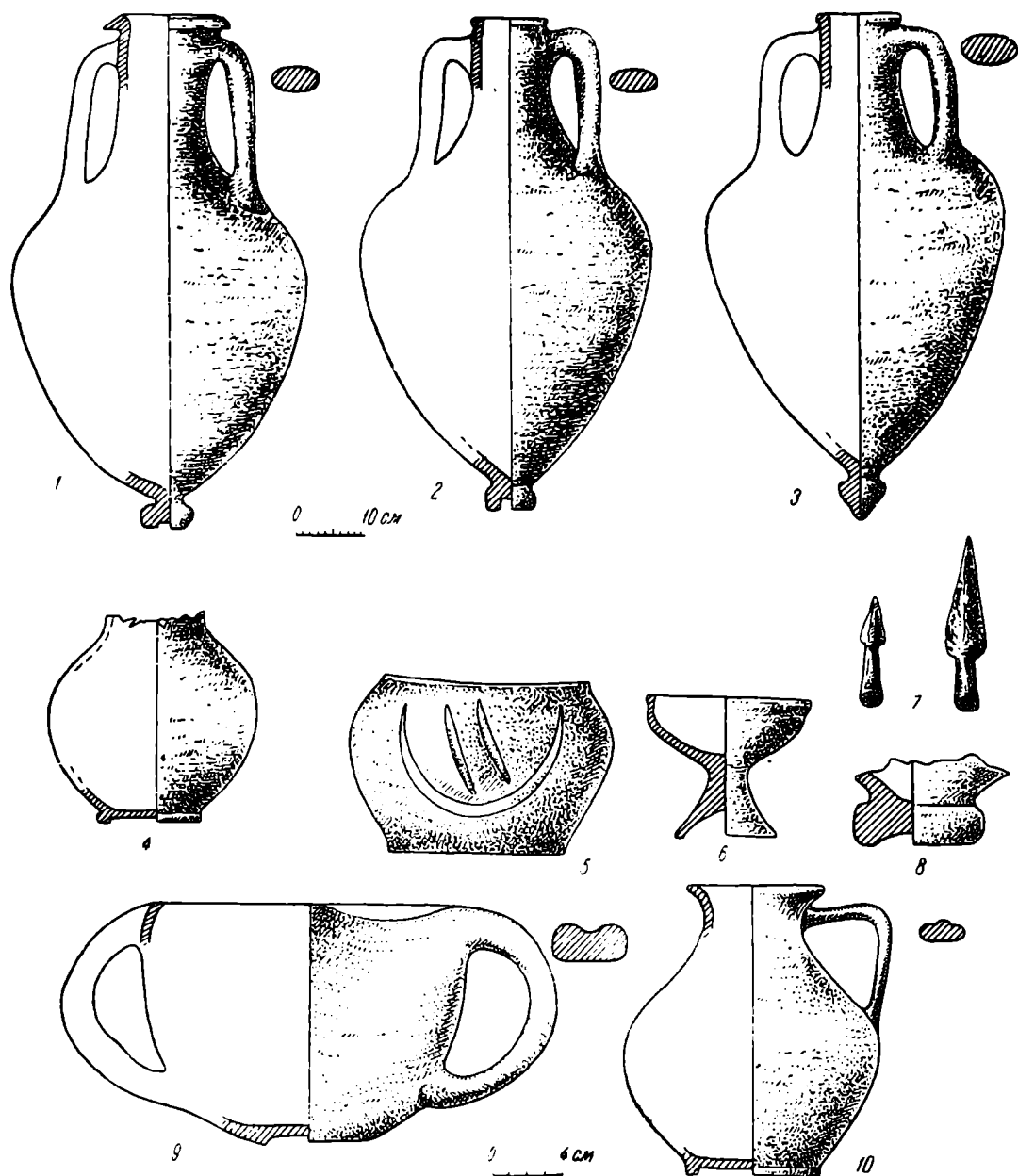

Рис. 19. Инвентарь из погребений Прикубанья:

1, 2, 3 — амфоры из могильника хут. Зеленского; 4 — сероглиняный кувшинчик; 5 — лепной горшок; 6 — сероглиняная вазочка; 7 — железные наконечники стрел; 8 — ножка амфоры из погребения № 1 у хут. Зеленского; 9 — двуручная чаша; 10 — красноглиняный кувшин боспорского производства из кургана станицы Воронежской.

у черепа и у ног. Всех сосудов найдено девять: амфора, сероглиняные миски, два одноручных кувшинчика, две вазочки на высоких поддонах и три лепных горшка, один из которых небольшой величины с рельефным орнаментом в виде налепов (рис. 19—4—6). Кроме того, найдена стеклянная глазчатая бусина, железный нож и обломок железных удил. В могилу были положены части туш коровы, овцы и свиньи.

Найденные в погребениях предметы находят аналогию в некоторых могильниках и курганах Прикубанья. Наиболее близкими в хронологическом отношении являются могильник № 3 ст. Пашковской и могильник ст. Елизаветинской. Так, небольшие сероглиняные одноручные кувшинчики с округлым туловом на низкой кольцеобразной ножке имеются в погребении № 2 (1936 г.) и № 7 (1937 г.) Пашковского могильника. В последнем обнаружена также сероглиняная вазочка на высокой подставке и сероглиняная миска с вертикальным бортиком. Погребения эти, на основании всего комплекса инвентаря (остроногие амфоры и др.), датируются концом IV — первой половиной III в. до н. э. Вазочка на подставке найдена также в Елизаветинском могильнике в погребении III в. до н. э. (№ 20, 1934 г.). Среди Пашковского материала находит аналогию и небольшой лепной горшочек с полукруглыми и вертикальными налестками (рис. 19—5). Подобный горшочек был в погребении № 2 (1936 г.) и несколько более крупных размеров в погребении № 4 (1948 г.)¹.

Предметы вооружения из погребений близ хутора Зеленского также аналогичны встреченным в Пашковском могильнике № 3. Здесь такие же наконечники копий с довольно узким ланцетовидным пером² и небольшие трехгранные втульчатые наконечники стрел³, известные на Кубани в довольно ранних комплексах — из кургана № 1 аула Ульского (конец VI в. до н. э.)⁴ и из курганов ст. Воронежской (IV в. до н. э.), исследованных Н. И. Веселовским в 1903 г.⁵ В последних были найдены также наконечники копий с узким ланцетовидным пером. Аналогичные наконечники имеются и в Елизаветинских курганах⁶.

Обломки амфоры, найденные в погребении, не дают возможности полностью восстановить ее тип. Судя по сохранившимся частям, она имела широкое полное тулово и низкую, довольно массивную ножку с незначительным углублением с нижней стороны (рис. 19—8). Глина — темно-красная, напоминающая боспорскую. Ножка по своей форме приближается к ножкам амфор из кургана Карагодеуаша и к одной из найденных в свалке IV—III вв. до н. э. на территории восточного некрополя Фанагории (раскопки 1939 г.).

Приведенные материалы позволяют датировать погребение на хуторе Зеленском концом IV — началом III в. до н. э. Кроме того, от местных жителей были получены 4 амфоры, обнаруженные при земляных работах (рис. 19—1—3). Две относятся к типу амфор из кургана Солоха⁷ и датируются IV в. до н. э. Две другие отличаются по форме от предыдущих. На одной из них на обеих ручках имеются квадратные клейма со знаком . По общему типу и пропорциям отдельных элементов (широкое полное тулово, довольно массивные ручки, низкая ножка) амфоры должны быть датированы концом IV — началом III в. до н. э.

Инвентарь могильника у хутора Зеленского как хронологически, так и территориально тесно увязывается с находками, сделанными в 1938 г. при строительстве на юго-западной окраине ст. Красноармейской на левом

¹ В 1947—1949 гг. раскопки на Пашковском могильнике № 3 производились экспедицией ГИМ под руководством К. Ф. Смирнова.

² К. Ф. Смирнов. Пашковский могильник № 3, КСИИМК, вып. XXVI, стр. 90, рис. 37—2, 3.

³ Е. Г. же. Новые данные о сарматской культуре Северного Кавказа, КСИИМК, вып. XXXII, стр. 123, рис. 37—8.

⁴ ОАК, 1898 г.

⁵ ОАК, 1903 г., стр. 71.

⁶ ОАК, 1913—1915 гг., стр. 148 и след.

⁷ См. А. П. Манцевич. Амфора кургана Солоха. Сообщения Гос. Эрмитажа, вып. IV, Ленинград, 1947, стр. 3—4.

берегу Казачьего ерика (в 12 км на север от хутора Зеленского). Здесь было обнаружено несколько погребений с остродонными амфорами, местной сероглиняной керамикой и другими предметами. Погребения датируются второй половиной IV—III вв. до н. э. Интересно отметить, что, по словам рабочих, черепа скелетов всегда лежали на мисках. Таким образом, по обряду погребения, по времени и культуре оба могильника совершенно тождественны. Населявшее эту местность одно из меотских племен, судя по находкам значительного количества амфор, встречающихся чуть ли не в каждом погребении, и чернолаковых сосудов ст. Красноармейская), имело тесные торговые связи с Боспорским царством. На это указывает и находка единственного известного на собственно меотской территории клада пантикапейских монет начала III в. до н. э., найденного в этом же районе между станицами Старо-Нижне-Стеблиевской и Красноармейской¹.

Обряд погребения в могильниках, обнаруженных по берегам Казачьего ерика, — положение под голову покойника миски — связывает их с могильником ст. Елизаветинской, где эта черта также является характерной. Это обстоятельство, как и однородность культуры, позволяет говорить, что данная территория правобережья р. Кубани в IV—II вв. до н. э. была населена одним племенем. Таким образом, мы получаем новые материалы для решения вопроса о расселении меотских племен.

Вторым значительным районом, где проводились разведочные работы, явилась юго-восточная часть Прикубанья и предгорья северного склона Кавказского хребта. Обследования здесь проводились в 1950 г. и охватили долину р. Куксы (правый приток р. Лабы), левую террасу р. Урупа в пределах Советского и Отраденского районов и частично долины р. Большой и Малой Лабы в пределах Псебайского района.

Обследование реки Урупа. Река Уруп, первый крупный левобережный приток р. Кубани, впадает в нее близ г. Армавира. Местность здесь равнинная с небольшими плато, на юге постепенно переходящими в предгорья. Оба берега реки представляют собой высокие террасы. Обследование проводилось по маршруту: станицы Советская — Бесскорбная — Попутная — Отрадная.

В ст. Советской, на левой террасе р. Урупа, было обнаружено четыре совершенно однотипных городища, получивших наименование Урупских. Состоят они из холмообразной небольшой имеющей овальную в плане форму укрепленной части и прилегающего основного поселения, в свою очередь окруженного внешним рвом.

Найденный на городище материал представлен обломками сосудов, существенные формы которых повторяются на каждом из городищ. Основными типами сероглиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге, являются одноручные кувшины и миски. Встречаются фрагменты горшков и небольших сосудов типа кружек или чаш. Кувшины — обычной для сарматской эпохи формы; некоторые орнаментированы перекрещивающимися линиями. Миски представлены несколькими разновидностями, отличающимися формой бортика (гладким вертикальным, желобчатым, с широким сильно скошенным наружу краем). Типы сероглиняной посуды характерны для I—II вв. н. э. и находят многочисленные аналогии в городищенском материале и в хорошо датированных погребальных комплексах (могильник № 2 ст. Усть-Лабинской и др.). Основная масса фрагментов лепных сосудов принадлежит довольно крупным горшкам с высокой шейкой.

¹ Н. В. Анфимов. Клад пантикапейских монет из станицы Старо-Нижне-Стеблиевской. КСИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 64.

Таким образом, найденный на городищах материал датируется первыми веками н. э., за исключением нескольких фрагментов, которые относятся к несколько более раннему времени.

Кроме Урупских городищ, осмотрено обнаруженное преподавателем К. Е. Горб Заурупское городище, расположенное на правой террасе р. Урупа, напротив ст. Советской. Городище в большей своей части уничтожено рекой. Толщина культурного слоя достигает 3,5 м. В обнажениях его на глубине 2,5 м замечена прослойка обуглившихся зерен пшеницы. Найденный материал аналогичен материалу с Урупских городищ: фрагменты таких же одноручных сероглиняных кувшинов, мисок с желобчатым бортиком, ручка от двуручных чаш типа канфаров, часть плоской чашечки на трех ножках, обломки больших горшков с высокой шейкой. Следует отметить находку верхней части глиняной «лампы» с массивной петлей для подвешивания. Подобные «лампы» были до войны найдены на Армавирском городище. Они значительных размеров, овальной формы, толстостенны, на боковой стороне прямоугольное отверстие, нижний край которого отогнут наружу и имеет желобок для фитиля. Обломки «ламп» встречены на городищах ст. Ладожской, ст. Тбилисской и с. Успенского. Кроме керамических находок, обнаружены обломки каменных зернотерок, а в осыпях городища — кости домашних животных: коровы, овцы, лошади.

Основной материал, найденный на городище, относится к сарматской эпохе; только отдельные фрагменты лепных лощеных сосудов должны быть отнесены к более раннему времени.

В ст. Бесскорбной обследовано городище, находящееся у северной окраины на левой террасе р. Урупа. Городище сильно попорчено русским укреплением XIX в. Собранный незначительный керамический материал характерен для меото-сарматской культуры Прикубанья первых веков н. э.¹

В ст. Попутной было доследовано впускное погребение в разрушающемся кургане на левой береговой террасе р. Урупа, у северной окраины станицы. Человеческий костяк совершенно истлел. В могиле обнаружен лепной горшок с высокой шейкой, покрытый линейным врезанным орнаментом и рядом с ним красная краска (сурик). Погребение относится к концу II тысячелетия до н. э.

В районе ст. Отрадной проведено обследование обеих береговых террас р. Урупа. Городищ сарматского времени в районе станицы обнаружить не удалось. По указанию преподавателя П. М. Галушко, исследовано местонахождение фрагментов керамики по склону Донской балки на запад от станицы, причем установлено, что здесь имеется селище раннескифского времени. Керамика прослеживалась на протяжении 220—230 м полосой до 50 м в ширину. На селище собран подъемный материал: обломки лепных сосудов серой глины с тщательно сглаженной поверхностью и в большинстве своем лощеных. Значительная часть их — от больших горшков со слегка отогнутым наружу венчиком с округлыми боками; встречаются также фрагменты мисок. По характеру керамики и отсутствию сосудов, изготовленных на гончарном круге, селище ориентировочно можно датировать VI—началом IV вв. до н. э.

Таким образом, обследование долины р. Урупа показало, что этот

¹ В начале 1951 г. по нашему заданию преподавателем школы № 5 ст. Советской К. Е. Горб совместно с учащимися было продолжено обследование долины р. Урупа в пределах Советского района. В результате проведенных работ обнаружено одно городище на север от ст. Советской, на левом берегу р. Урупа, одно — на правом берегу, несколько южнее ст. Советской, два — на территории ст. Бесскорбной и одно — на север от последней, на расстоянии 2 км.

район в сарматскую эпоху был заселен, так же как и остальная равнинная часть Закубанья, оседлыми земледельческими племенами. Найденный материал типичен для меото-сарматской культуры Прикубанья и в своей основной массе датируется первыми веками н. э., что в известной степени указывает на интенсивность жизни городищ в этот период. Находки более ранних обломков сосудов (двуручных чаш, днищ на кольцеобразной ножке и др.) дают право говорить о существовании городищ уже в III—II вв. до н. э. По остаткам материальной культуры (своеобразные глиняные «лампы», лепные горшки с высоким вертикальным венчиком) Урупские городища примыкают к Армавирско-Ладжской группе правобережных кубанских городищ. Наиболее густо они расположены, как указано, в районе ст. Советской. К югу городища встречаются реже и уже в районе предгорий (ст. Отрадная) не обнаружены. Здесь найдены поселения неукрепленного типа (селище Донской балки) более раннего периода, представляющие значительный интерес в связи с выяснением вопроса о раннем типе поселений и о заселенности Прикубанья в эту эпоху оседлыми племенами.

Обследование реки Куксы. Вторым районом в Закубанье, где в 1950 г. проводились разведки, была долина реки Куксы, правого притока Лабы. Еще в 1938 г. в ст. Владимировской на правом берегу р. Куксы, на мысу высокой береговой террасы было обнаружено небольшое городище сарматского времени, а с восточной стороны его у подножья террасы открыт грунтовый могильник с погребениями в земляных склепах и подбойных могилах¹.

В 1950 г. обследование проводилось на восток и юго-восток от городища № 1 вверх по течению р. Куксы, в пределах станицы и на юг от нее на протяжении 8 км. Здесь обнаружены два городища и три неукрепленных поселения, а также осмотрен ранее известный могильник, на котором зафиксировано несколько подбойных могил, разрушенных при добыче гравия.

Первое из обследованных городищ (№ 2), расположенное на юго-восточной окраине станицы, типично для Прикубанских городищ сарматского времени: оно имеет небольшую «центральную» часть, окруженную глубоким рвом и прилегающую к ней основную площадь поселения. Собранный на городище в небольшом количестве керамический материал датируется первыми веками н. э. Второе городище (№ 6) находится на расстоянии 8 км от ст. Владимировской на правом берегу р. Куксы близ хутора Привольного. Правая терраса р. Куксы здесь представляет высокую гряду, и городище расположено не на вершине ее, а на склоне, занимая отрог террасы и прилегающие участки. Найденный материал представлен обломками грубых лепных горшков и фрагментами сероглиняных сарматских сосудов, частью лощеных, изготовленных на гончарном круге: одноручных кувшинов, небольших сосудиков, мисок с гладким и желобчатым бортиками, крупных сосудов с рельефным орнаментом в виде валика с пальцеобразными вдавлениями. Находки типичны для меото-сарматской культуры Прикубанья и датируются с III—II вв. до н. э. по II в. н. э.

Большой интерес представляют селища раннескифского времени. Расположены они на правом берегу р. Куксы на склоне террасы или у начала балок (Авиловой и балки Солодских). Два селища находятся на юго-восточной окраине станицы, третье — на юго-восток от нее. Селища не имеют ясно выраженных границ и обнаруживаются по выходам на поверхность культурного слоя и находкам керамики. На селище у балки Солод-

¹ Н. В. А н ф и м о в. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, вып. XVI, стр. 149.

ских в отвесном обрыве обнажается культурный слой, достигающий мощности 2,50—2,80 м. Собранный на селищах материал представлен исключительно обломками лепных, в подавляющем большинстве лощеных сосудов: больших грушевидных типа скифских «корчаг» горшков с прямым или слегка отогнутым наружу краем, небольших горшочков или кувшинов и мисок. Необходимо отметить нижнюю часть лощеного сосуда с маленькими отверстиями у самого дна, употреблявшегося, возможно, для приготовления сыра, а также ручки сосудов, типичные для скифского времени. По характеру керамики селища могут быть датированы VI—началом IV вв. до н. э.

Проведенное обследование р. Куксы расширило наши представления о заселенности района в сарматскую эпоху и привело к обнаружению поселений неукрепленного типа скифского времени. Последние имеют большое значение для выяснения характера поселений в ранний период и помогают разрешить вопрос о времени возникновения оборонительных сооружений на городищах. Нами уже высказывалась мысль, на основании изучения топографии городища № 6 ст. Кавказской¹, что в раннескифское время в Прикубанье поселения, возможно, носили еще характер неукрепленных селищ. Селища в долине р. Куксы и у Донской балки (ст. Отрадная) подтверждают эту мысль. Кроме того, обнаруженные поселения указывают на заселенность оседлыми племенами в скифское время не только правобережья р. Кубани, но и Закубанья, о чем до сих пор не имелось достаточных данных.

Разведочные работы на правобережье реки Кубани. Разведочные работы на правобережье р. Кубани, в ее среднем течении, проводились между станицами Казанской и Елизаветинской и преследовали в большинстве случаев охранные цели, в связи с происходящим разрушением памятников. Наиболее интересные находки сделаны в ст. Воронежской, где при добыче глины частично был разрушен курган. В станицах Казанской, Ладожской, Усть-Лабинской, Пашковской и г. Краснодаре работы проводились на грунтовых могильниках.

В ст. Воронежской в кургане, находящемся на западной окраине близ городища № 1, при добыче глины обнаружено несколько погребений; часть обнаруженных вещей была собрана преподавателем И. В. Федоровым. Найденные в кургане материалы довольно многочисленны и не одновременны (рис. 20). Они охватывают промежуток не менее чем в два столетия — с конца II в. до н. э. по I в. н. э. Курган в течение довольно длительного времени являлся постоянным местом захоронения. Выделить среди найденного материала какие-либо комплексы невозможно, так как при работах никаких наблюдений не велось. Найденные предметы мы принуждены группировать по их функциональному назначению и характеру материала.

Наиболее многочисленную группу составляют глиняные сосуды (15 сосудов сохранилось в целом виде). В подавляющем большинстве они местного производства; среди них кувшины, миски, двуручные чашки, кружка, вазочка, лепные горшки (рис. 21—1—5). Все найденные кувшины сероглиняные, изготовленные на гончарном круге. По формам и размерам они различны. Наиболее ранним из них является одноручный кувшин с яйцевидным туловом и с дном на низкой кольцеобразной ножке. Подобная форма кувшинов типична для погребений III хронологической группы могильника № 2 ст. Усть-Лабинской и встречается, как правило, в погребениях II в. до н. э. Второй кувшин близок по форме первому, но без

¹ Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, XI, стр. 255.

ручки. Следующие два резко отличаются от вышеописанных. Они больших размеров, с округлым, сильно выпуклым в верхней части туловом,

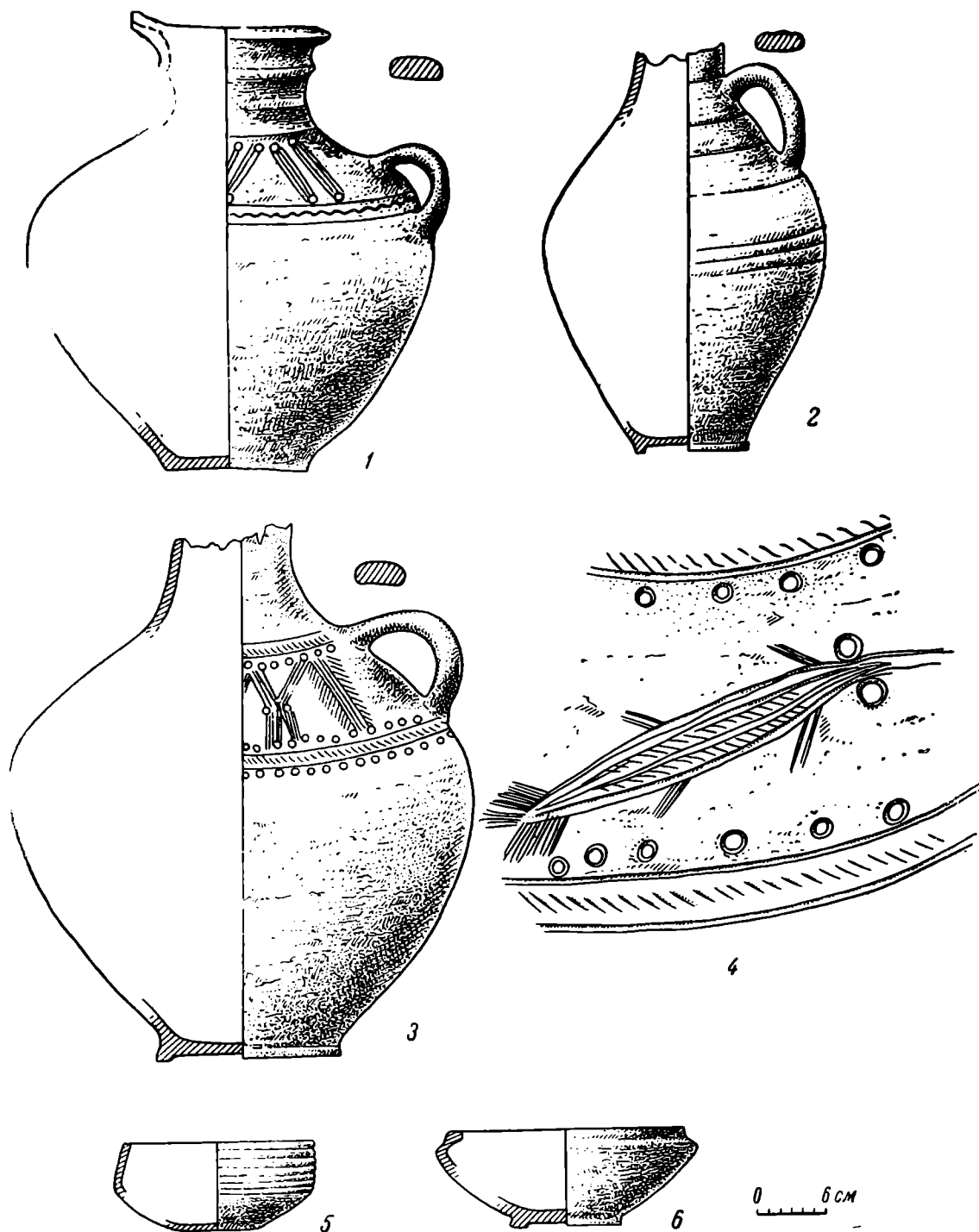

Рис. 20. Сероглиняные сосуды из кургана у станицы Воронежской:

1 — кувшин I в. н. э.; 2 — кувшин II — начала I в. до н. э.; 3 — кувшин I в. до н. э.; 4 — изображения рыбы на плечиках кувшина; 5 — миска I в. н. э.; 6 — миска II — начала I в. до н. э.

у одного из них невысокое горло со сливом и относительно небольшая кольцевидная ручка; на плечиках орнамент, состоящий из врезанных линий и вдавленных кружков. У одного из кувшинов в орнаменте изображение рыбы (рис. 20—4). Тело рыбы дано врезанными линиями, вытянуто в длину с двумя парами плавников по бокам, глаза в виде двух крупных вдавленных

кружков. Изображение схематизировано, но весьма выразительно. Образ рыбы на Кавказе с древнейших времен был священным. У синдов, по сооб-

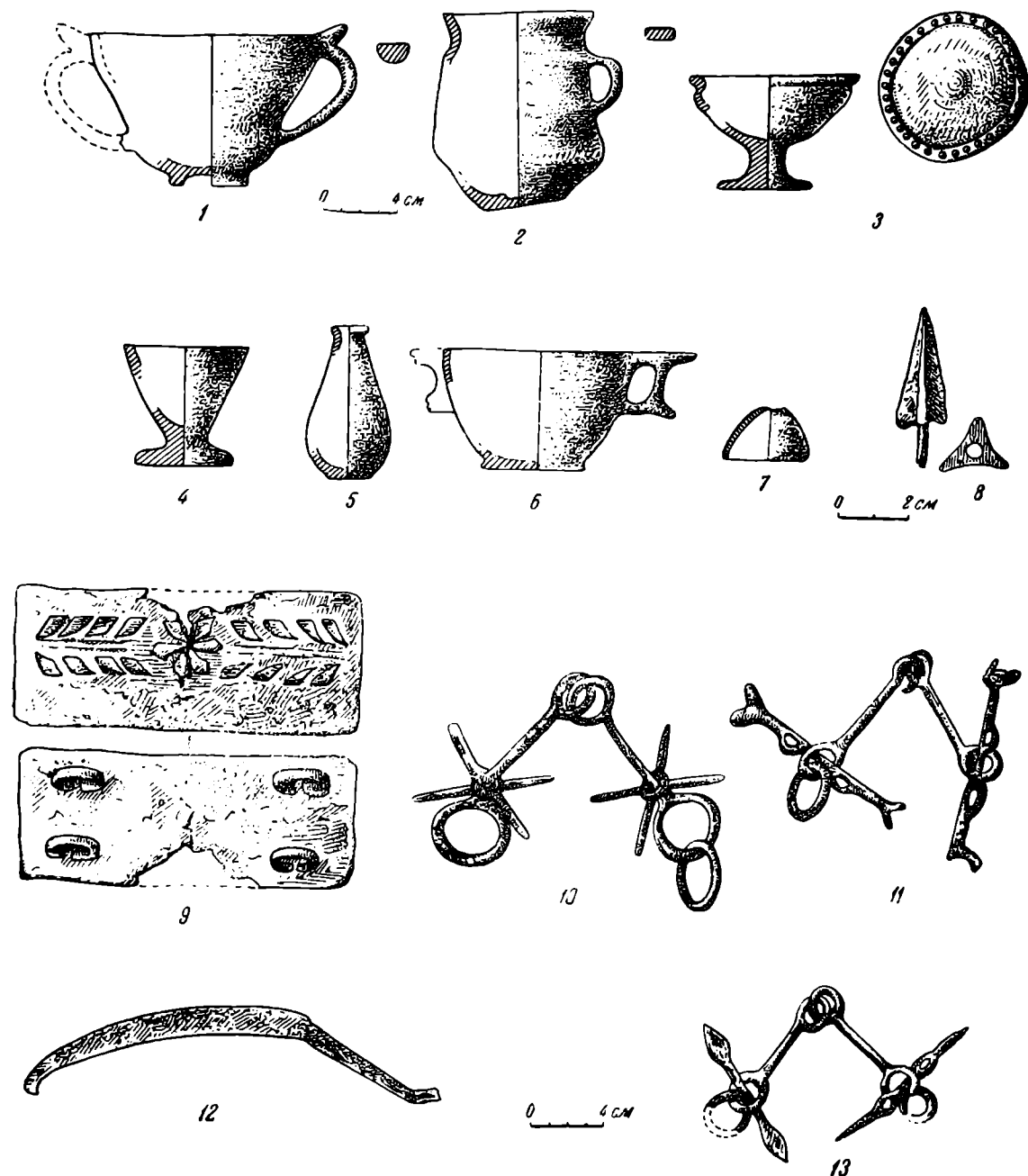

Рис. 21. Инвентарь погребений:

1, 2, 3 — сероглиняный сосуд; 4 — нижняя часть чернолакового светильника; 5 — глиняный флакончик; 6 — стеклянная чаша; 7 — серебряная поворotka; 8 — железный наконечник стрелы; 9 — бронзовая пряжка; 10 и 11 — железные удила с псалиями; 12 — железный серп; 13 — железные удила.
1 — 11 — из кургана ст. Воронешской, 12 и 13 — из погребения № 3 (1948 г.) могильника № 4 ст. Усть-Лабинской.

щению Николая Дамасского, существовал обычай «бросать на могилы столько рыб, сколько врагов убил погребаемый»¹. Можно указать изображение рыбы на бляхах от панцыря сарматского времени из Зубовского кургана;

¹ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I, стр. 456.

на них «вокруг центральной выпуклины сосредоточено четыре чеканных изображения рыбы, возможно даже с птичьими головами»¹. Образ рыбы на местных сосудах сарматского времени на Кубани, насколько мне известно, встречается впервые. Кувшин датируется I в. до н. э. Второй, близкий по форме кувшин со сливом и на плоском дне, относится к несколько более позднему времени — к I в. н. э.

Второй формой сосудов являются миски (рис. 20—5, 6). Более ранний тип, преобладающий в находках, — тип миски с вертикальным бортиком, переходящим под углом в тулово; по бортику идет широкий желобок; дно на низкой кольцеобразной ножке. Миски эти характерны для III хронологической группы Устьлабинского второго могильника и могут быть датированы II—началом I в. до н. э. Второй тип с горизонтальным бортиком, покрытым концентрическими желобками, на плоском дне характерен для I—II вв. н. э. Кроме кувшинов и мисок, найдены две двуручные чашки, вазочка и сосудик с ручкой. По времени они не выходят за рамки I в. до н. э.—I в. н. э.

Кроме местной керамики, в кургане обнаружено четыре привозных сосуда: остродонная амфора, красноглиняный кувшин, флакончик и нижняя часть чернолакового лекифа. Амфора небольших размеров (высота 0,56 м) с низким горлом, имеющим широкий и плоский венчик, с яйцевидным туловом и очень короткой небольшой ножкой. Ручки желобчатые. Глина красная, однородная, без видимых включений. Общая форма амфоры и отдельные элементы (ручки, ножка) позволяют датировать ее I в. до н. э.—началом I в. н. э. Красноглиняный одноручный кувшинчик типичен для боспорского производства и датируется раннеримским временем. К этому же периоду должен быть отнесен и небольшой глиняный флакончик с узким горлышком, грушевидным туловом на плоском дне. Нижняя часть чернолакового лекифа V в. до н. э. была в позднейшее время вторично использована в качестве курильницы, на что указывают два отверстия у верхнего края, который тщательно заглажен.

Кроме глиняной посуды, в кургане найдена металлическая и стеклянная. Из металлической посуды до нас дошли серебряный сосудик со слегка вогнутыми стенками и закругленным дном, верхняя часть бронзовой кастрюли с длинной ручкой и фрагменты желобчатой бронзовой вазы. Стеклянные сосуды представлены однотипными двуручными резными чашами на низком кольцеобразном донце из прозрачного стекла с зеленоватым оттенком (рис. 21—6). Найдены фрагменты четырех чаш. Подобные чаши встречались неоднократно в сарматских погребениях Кубани I в. до н. э.—I в. н. э. Они найдены в кургане ст. Воздвиженской², Зубовском кургане³, в кургане № 5 1902 г. ст. Тифлисской⁴. Габукаевском кургане⁵, в кургане ст. Северской.

Вторая группа вещей состоит из предметов вооружения. Они оказались сравнительно в незначительном количестве и в фрагментированном виде. Здесь обнаружены: обломки мечей, наконечники копий и стрел. Сюда же надо отнести и две крупные серебряные бляхи с рельефным изображением львов и массивную бронзовую выпуклую бляху с гладкой поверхностью. Наконечники копий средних размеров (длина около 0,3 м) с листовидным пером, расширяющимся в нижней части и с продольным ребром, мечи с прямой крестовиной и с кольцеобразным навершием на рукоятке.

¹ Л. А. Мацулевич. Бляхи-обереги сарматского панцыря. Сообщ. Гос. Эрмитажа, вып. IV, 1947, стр. 7.

² ОАК, 1899, стр. 45, рис. 73.

³ ИАК, I, стр. 101, рис. 24.

⁴ ОАК, 1902, стр. 66, рис. 135.

⁵ СМОМПК, XXII, табл. 3, рис. 1

Подобные мечи широко распространяются в сарматском мире с I в. до н. э. На Кубани мечи и кинжалы данного типа известны как из курганных находок (ст. Воздвиженская, ст. Казанская, аул Габукай, ст. Крымская), так и из грунтовых могильников (Устьлабинские № 1 и 2, Краснодарский на Почтовой улице, Тбилисский). Находки датируются временем не старше I в. до н. э., а погребения, в которых найдены мечи,— I в. н. э. Наконечники стрел представлены двумя экземплярами — трехлопастных черешковых, с относительно крупной головкой (длина 3,3 см), с лопастями, срезанными под прямым углом и коротким черешком. Такого же типа и величины наконечники были найдены в погребении № 88 (1938 г.) могильника № 2 ст. Усть-Лабинской, которое датируется I в. н. э. Трехлопастные черешковые стрелы типичны для сарматской культуры первых веков н. э. На Кубани они появляются одновременно с мечами с кольцевым навершием и прямой крестовиной в I в. до н. э.

Принадлежностями панцыря являются, повидимому, две серебряные бляхи (диаметром 15 см) с рельефным изображением свернувшегося зверя — льва (рис. 22). Лев дан в высоком рельефе, с удлинненным телом, тупорылой мордой, направленной вниз. Фигура схематична и несколько условна. Широкие края блях покрыты веревочным орнаментом, идущим в пять рядов. Бляхи парные: по краям каждой — шесть отверстий, расположенных парами. Вокруг отверстий следы ржавчины, а в некоторых сохранились железные штифтики, служившие для прикрепления блях к панцырю. Аналогию этому можно найти в парных бляхах Зубовского кургана¹, которые прикреплялись гвоздиками к чешуйчатому панцырю. По стилю изображений найденные нами бляхи наиболее близки бляхам из кургана у ст. Воздвиженской и должны быть датированы тем же временем. Третья бляха несколько иного типа. Она бронзовая, массивная, выпуклая, с совершенно гладкой поверхностью, с небольшим, слегка приподнятым краем. В центре — круглое отверстие, по краям — два меньших отверстия; диаметр бляхи 13 см.

Третью группу инвентаря составляют принадлежности конского убора: удила с псалиями, ворворки и массивные железные кольца, служившие, возможно, путами. Удила железные и представлены двумя типами: 1) удила с небольшими кольцами на конце и с прямыми (стержневидными) псалиями, с двумя петлями для продевания ремня посередине и оканчивающиеся наверху схематической головкой лошади и 2) удила с крестовидными псалиями и кольцами на концах (рис. 21—10, 11). Последнего типа удила встречены в погребениях Устьлабинского второго могильника — могилы № 28 (1937 г.) и № 86 (1938 г.), которые датируются II в. до н. э. Подобные же удила найдены в кургане ст. Северской².

Кроме вышеописанных предметов, в кургане ст. Воронежской найдено следующее: бронзовая прямоугольная бляха от конского убора с растительным орнаментом, нанесенным белым веществом, с четырьмя небольшими петлями на обратной стороне для продевания ремней (рис. 21—9); бронзовый фрагментированный диск (бляха) со следами позолоты и с приподнятым краем; обломки большого зеркала со слегка утолщенным краем и плоской ручкой; золотая бусина бочковидной формы, украшенная ромбами и треугольниками из зерни (аналогичная буса найдена в кургане у ст. Ярославской³); инкрустация от какого-то предмета, состоящая из бронзовых гнезд овальной формы и в виде петелек, заполненных белой смальтой, и тонких бронзовых стерженьков; железные ножи; обломки железных предметов неизвестного назначения.

¹ Л. А. Мацулевич. Указ. соч., стр. 5 и след.

² ИАК, вып. 29, стр. 26.

³ ОАК, 1896 г., стр. 58, рис. 285.

Найденные в кургане материалы должны быть датированы временем с конца II в. до н. э. по I в. н. э.

На нескольких грунтовых могильниках проводилось исследование обнажившихся погребений. На могильнике ст. Казанской, находящемся

Рис. 22. Серебряные бляхи от панцыря (1 и 2) и золотая бусина (3) из кургана станицы Воронежской; 4 — серебряная бляха из погребения № 3 (1949 г.) могильника № 4 станицы Усть-Лабинской.

в восточной части станицы близ городища № 4, раскопаны три могилы. Скелеты в них были ориентированы головою на ССВ и ВСВ, лежали на спине, вытянуто. Глубина могил различна. Наиболее глубокой (2,35 м) была могила с земляной камерой («катакомбой»), входное отверстие которой было закрыто закладной плитой, специально сделанной из глины и обожженной, снаружи приваленной галечным конгломератом. В камере,

потолок которой осел, находилось два скелета — женский и детский. При них найдено: маленькая лепная чашечка с двумя отделениями и рядом с ней кусок мела и смолы, миска, железный нож, бронзовая фибула с подвязным приемником. На детском скелете находилось богатое ожерелье, состоявшее из шести планкеток со львами из голубой и желтой египетской смальты и крупных бус из халцедона, горного хрусталя и розового кварца, бронзовое височное колечко и в области запястья — пастовый бисер. Вторая могила, судя по положению скелета, возможно была подбойной. При костяке найден небольшой сероглиняный горшочек, маленькая лепная чашечка и в ней кусочек мела, бронзовое проволоочное колечко, трехлопастный черешковый железный наконечник стрелы и близ руки пастовый бисер. В третьем погребении инвентаря не было.

Найденные в первых двух могилах предметы, а также обряд погребения типичны для сарматской культуры Прикубанья I в. н. э. Эта дата подтверждается сосудами и импортными предметами и украшениями — планкетками со львами, фибулой с подвязным приемником, бусами. Характерны для данного времени также обшивка одежды бисером и помещение в могилу кусков мела и иногда смолы. Среди находок интерес представляет чашечка с двумя отделениями культового назначения. Форму подбойной могилы и могилы с земляной камерой в грунтовых могильниках Прикубанья впервые удалось выявить при раскопках Устьлабинского могильника № 2 в 1937—1938 гг.¹ Исследованные в 1950 г. погребения в ст. Казанской наравне с ранее раскопанными в станицах Ладожской и Тбилисской² расширяют наше представление о распространении этого типа могил в сарматскую эпоху в Прикубанье.

В ст. Ладожской в 1950 г. местными жителями на могильнике на Колодезной улице раскопано две могилы. Одна из них содержала типичный для данного могильника инвентарь — большой кувшин с крышкой, одноручный сосудик, сероглиняный канфар, две миски и лепной горшок. Кроме сосудов, здесь найдено бронзовое большое зеркало (сохранились только фрагменты), глиняное пряслице, бусы (сердоликовые, из опала, горного хрусталя, стеклянные, пастовые) и кусочек реальгара. Весь комплекс инвентаря позволяет датировать погребение II в. до н. э. Во второй могиле найден глиняный одноручный кувшин с носиком и две миски. Сосуды типичны для I в. н. э. Последнее погребение представляет известный интерес, так как расширяет хронологические рамки могильника ст. Ладожской, все ранее исследованные погребения которого датировались III—II вв. до н. э.

На могильнике № 4 ст. Усть-Лабинской, находящемся между станицами Усть-Лабинской и Воронежской, было исследовано четыре могилы. Ориентировка погребений различная — головою на юг, восток и запад; положение у всех вытянутое, на спине; глубина могил колеблется от 1,50 м до 2,85 м. Три могилы оказались почти полностью разрушенными (обвалившимися) и инвентаря не содержали. Одна могила сохранилась почти полностью. Костяк находился на глубине 2,85 м и был ориентирован головою на запад. При нем находился следующий инвентарь: серебряная бляшка со следами позолоты, укрепленная на плотном бронзовом кружке, с обратной стороны которого имелась маленькая бронзовая фибула с пластинчатой дужкой и с рельефным изображением богини, с длинными ниспадающими на грудь волосами, держащей в правой руке большой лист; бронзовый цилиндр-амулет; связка бус (халцедоновые, сердоликовые, лигнитовые); бронзовые обоймочки и пластиночки от какого-то деревян-

¹ Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, вып. XVII, стр. 148 и след.

² Там же, стр. 152—156.

ного предмета; бронзовые круглые пряжки; железный нож и оселок; железные удила с прямыми псалиями, оканчивающимися ромбовидным расширением, и небольшой серп. Серебряная бляшка по стилю своему аналогична подобной же, но с изображением Афродиты и эротов, из гробницы римского времени, открытой в Херсонесе в 1896 г.¹ Цилиндрики-амулеты, но как правило золотые, встречаются как в погребениях сарматского времени в Прикубанье (курганы ст. Ярославской и на берегу р. Зеленчука), так и в могилах римского времени некрополей античных городов Северного Причерноморья (Керчь², Херсонес³). Круглые кольцевидные пряжки с язычком типичны для сарматских погребений Прикубанья и Поволжья первых веков н. э. К этому же времени относится и железный серп, по типу своему характерный для I—II вв. н. э. Все это позволяет датировать исследованное погребение I в. н. э.

В станице Пашковской работы проводились на втором могильнике, находящемся в 2 км от нее, на правой береговой террасе Кубани. Здесь исследовано две могилы сарматского времени и два погребения средневековых в урнах с кремацией. Первые содержали скелеты, ориентированные головой на СВ, и сопровождалась сероглиняными кувшином и миской, в одной могиле кроме того и чашечкой на поддоне, бронзовыми фибулами с подвязным приемником и с расплюсненной ножкой, оселком, железным ножичком, бронзовой круглой и железной поясной прямоугольной пряжками. Найденные в погребениях глиняные сосуды, фибулы с подвязным приемником и с плоской расширенной ножкой и прямоугольные поясные пряжки позволяют датировать исследованные погребения II—III вв. н. э.

На Краснодарском могильнике, находящемся на западной окраине города в конце Загородной улицы, доследовано пять погребений, частично разрушенных. Ориентировка скелетов преобладала на север, только одно погребение ориентировано головой на юг. Глубина могил колебалась от 1,65 м до 2,10 м. В двух могилах человеческие скелеты отсутствовали (были уничтожены при добыче глины) и сохранились только части конских костяков. Найденны глиняные сосуды (сероглиняные миски, лепные горшки), куски мела, бронзовая фибула с подвязным приемником, железная фибула, бронзовый пластинчатый перстень, железный ножичек, кремь. Раскопанные погребения датируются I в. н. э.

Кроме исследования меото-сарматских памятников, Краснодарским музеем проводились работы по изучению средневековых памятников. В 1949 г. на правом берегу р. Псекупса близ ст. Саратовской в урочище «Гнатенков Кут» обнаружен адыгейский средневековый могильник, на котором в течение двух лет было доследовано 7 погребений. Исследованные могилы датируются XIII—XIV вв. н. э. На Таманском полуострове обследовано место находки трех раннесредневековых амфор, наполненных нефтью. Амфоры были найдены на территории Сенной МТС на расстоянии 200 м на юг от городища, отождествляемого с древним городом Кепы, при рытье ямы на глубине 1 м. Горла амфор были закрыты глиняными пробками. Исследование нефти показало, что найденная в амфорах нефть наиболее близка нефти с Керченского полуострова.

¹ ОАК, 1896, стр. 76, рис. 323.

² ОАК, 1903, стр. 50, рис. 88.

³ ОАК, 1894, стр. 61, рис. 85.

Р. М. ВАЙДОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В МИНГЕЧАУРЕ В 1950 ГОДУ

С 1946 г. в течение пяти лет Музей истории Азербайджана АН Азербайджанской ССР проводит археологические работы в Мингечауре (Халданский район Азербайджанской ССР) под руководством С. М. Казиева.

В результате обследования и археологических раскопок выявлено четыре разновременных поселения и несколько могильников с богатейшими комплексами различных памятников, характеризующих производственную деятельность, быт и материальную культуру древнего населения Азербайджана на различных стадиях и ступенях его исторического развития приблизительно с конца эпохи энеолита до позднего средневековья (XV—XVII вв. н. э.)¹.

¹ Археологические исследования в Мингечауре освещены в следующих статьях: Н. И. Бурчак-Абрамович. К изучению крупного рогатого скота древнего Мингечаура. Доклады АН АзССР, т. V, 1949, № 10, стр. 419. Р. М. Вайдов. Фрагмент глиняного подсвечника с албанской надписью. Доклады АН АзССР, т. VII, 1951, № 2. Т. И. Голубкина. Еще одна албанская надпись из Мингечаура. Доклады АН АзССР, т. V, 1949, № 5, стр. 234. Ее же. Марки на мингечаурской керамике. Доклады АН АзССР, т. V, 1949, № 6, стр. 230. Ее же. Об одной случайной археологической находке. Доклады АН АзССР, 1947, № 10, стр. 471. Г. И. Ионе. Две могилы грунтового погребения со скорченным костяком. Доклады АН АзССР, т. II, 1946, № 6. Его же. Археологические раскопки в Мингечауре. Еще раз о датировке кувшинных погребений. Доклады АН АзССР, т. IV, 1948, № 10, стр. 451. Его же. Гончарные печи древнего Мингечаура. КСИИМК, в. XXIV, 1949. Его же. Археологические раскопки в Мингечауре. Некоторые данные к вопросу о датировке грунтовых погребений. Доклады АН АзССР, т. II, 1946, № 9, стр. 199. С. М. Казиев. Археологические памятники Мингечаура как исторический источник для изучения истории Азербайджана. Изв. АН АзССР, 1950, № 7, стр. 167. Его же. Археологические памятники в Мингечауре. Материальная культура Азербайджана. Баку, 1949, вып. 1. Его же. Археологические раскопки в Мингечауре. Доклады АН СССР, 1948, стр. 339—356. Его же. Археологические раскопки в Мингечауре. Материальная культура Азербайджана. Баку, 1947, в. 1. Его же. Новые археологические находки в Мингечауре. Доклады АН АзССР, 1948, № 9. Его же. Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 г. Изв. АН АзССР, 1949, № 9, стр. 90—104. Его же. Об археологических раскопках в Мингечауре. Доклады АН АзССР, т. II, № 10, стр. 446—449. С. М. Казиев и Т. И. Голубкина. Об одном кувшинном погребении. Изв. АН АзССР, 1949, № 3, стр. 74. Н. В. Минкевич-Мустафаева. О раскопках в Мингечауре в 1941 г. Материальная культура Азербайджана, в. 1. Баку, 1949. Г. Г. Лемлейн. Основные типы каменных бус Мингечаурского некрополя. Доклады АН АзССР, т. V, 1949, № 2, стр. 83. Е. А. Пахомов. Археологические экспедиции по районам АзССР. Экспедиция в Зурнабад и Гюлистан. Экспедиция в Мингечаур. Изв. АзФАН, 1938, № 3, стр. 31—37. Его же. Кувшинные погребения из Мингечаура. Изв. АзФАН, 1944, № 9, стр. 46—53.

Рис. 23. Бытовые предметы и оружие из Мингечаура:

1, 2, 3 — черноглазые сосуды кедабеко-ходжалинского типа; 4—9 — украшения; 10—13 — наконечники стрел; 14—16 — бронзовые кинжалы различных типов.

Рис. 24. Мингечаур. Общий вид раскопа на террито

При раскопках уже получено более 20 тыс. предметов различного типа и назначения, изучение которых позволяет восстановить картину жизни населения целого района. Эти предметы представляют большую научную ценность не только для истории Азербайджана, но и для решения целого ряда вопросов, связанных с прошлым всего Кавказа.

Ближайшие задачи экспедиции в 1950 г. заключались в дальнейшем обследовании территории Мингечаура с целью выявления новых памятников, детальном изучении культурных напластований, определении их стратиграфии, уточнении хронологических границ и взаимосвязи различных культурных периодов.

Раскопочные работы одновременно велись по обоим берегам р. Куры.

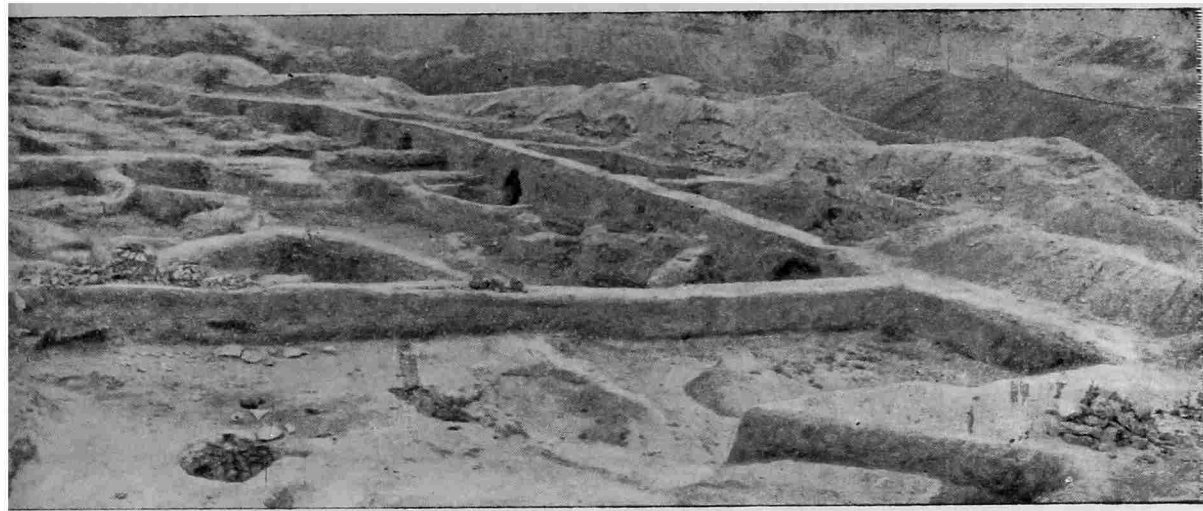
На правом берегу дополнительному изучению подверглись древнее могильное поле, поселение («городище» № 1)¹ и керамические обжитательные печи эпохи бронзы. На левом берегу, в местностях Судагылан и Калагет, продолжалось исследование средневековых поселений («городища» № 2 и № 3), могильного поля со срубными и катакомбными погребениями и керамических обжигательных печей еще двух типов, из которых один относится к началу н. э., а другой — к эпохе раннего средневековья (рис. 24).

На правобережном могильном поле вскрыто четыре участка общей площадью в 640 м². Раскопками обнаружены еще 14 кувшинных и 51 грунтовое погребение, в числе последних оказалось семь с вытянутыми и 44 со скорченными костяками.

В составе комплексов погребального инвентаря грунтовых погребений находились главным образом бронзовые предметы: литые перстни-печати, украшения, оружие, а также многочисленные бусы и керамические изделия (рис. 23—1—17). Погребальные комплексы отличаются один от другого количеством и составом инвентаря, что свидетельствует об имущественном неравенстве населения и о классовом расслоении, начавшемся в Мингечауре в период VIII—V вв. до н. э.

В 1950 г. впервые было гачато исследование «городища» № 1, относящегося к эпохе бронзы. Оно находится на узкой прибрежной полосе пра-

¹ На территории Мингечаура несколько древних поселений. Они условно названы «городищами» и получили порядковый номер. «Городище» № 1 находится на правом берегу р. Куры при выходе ее из ущелья Боз-дага, «городище» № 2 — на левом берегу также при выходе из ущелья, а № 3 — при входе реки в ущелье Боз-дага.

аща № 3 (Кала-Гет). Остатки жилых сооружений.

вого берега р. Куры, в 400—500 м к северу от могильного поля. Сохранившаяся часть поселения в настоящее время занимает узкую полосу (500×250 м) между береговым срезом и склонами горных массивов Боздага — Казанлы-дага.

Территория поселения густо насыщена фрагментами глиняных сосудов черного и серого цветов, осколками обсидиана и кремня. При разведках и раскопках получено более 300 кремневых и обсидиановых предметов — орудий труда и оружия, относящихся приблизительно к эпохе позднего энеолита. Основную часть их составляют вкладыши, ножи, наконечники стрел и т. п. (рис. 25—1—11).

Раскопками разведочного характера на двух холмах выявлено нечто подобное глинобитным площадкам, повидимому, полы каких-то пока не выясненных сооружений. На них обнаружены очаги с остатками золы и угля. Площадки местами нарушены ямками, в которых найдены целые и фрагментированные кувшины черного и серого цветов. Подобного типа керамика вместе с другими разновидностями ее — лощеной и инкрустированной — имеется и на территории, где расположены площадки.

На площадках и вблизи их обнаружены кухонные остатки, скопление костей животных и рыб, выбросы угля, золы, а также фрагменты предметов быта — зернотерок, рыболовных грузил, каменных форм для литья бронзовых изделий (рис. 26), светильников и т. д.

Весьма ценными являются остатки керамических обжигательных сооружений, которые по конструкции следует отнести к числу примитивных печей. Это одноярусные печи, представленные двумя разновидностями. Первый тип имеет только один продольный топочный канал, завершающийся топкой в виде неглубокой ямы.

Другой тип печи (повидимому, более поздний) имеет кроме продольного ряд поперечных жаропроводных каналов и такую же примитивную топку (рис. 27). Отсутствие обжигательных камер, обособленных от топочных помещений печей, позволяет отнести упоминаемые печи к числу обжигательных сооружений кострового типа. Датировка их основывается на изучении обломков предметов, обнаруженных внутри и около печей. Это исключительно глиняные изделия равномерного, но неполноценного обжига черного и серого цветов, иногда с белой инкрустацией. Даже при беглом сопоставлении различных гончарных изделий устанавливается сходство керамики с «городища» № 1, из описываемых печей и из грунтовых погребений.

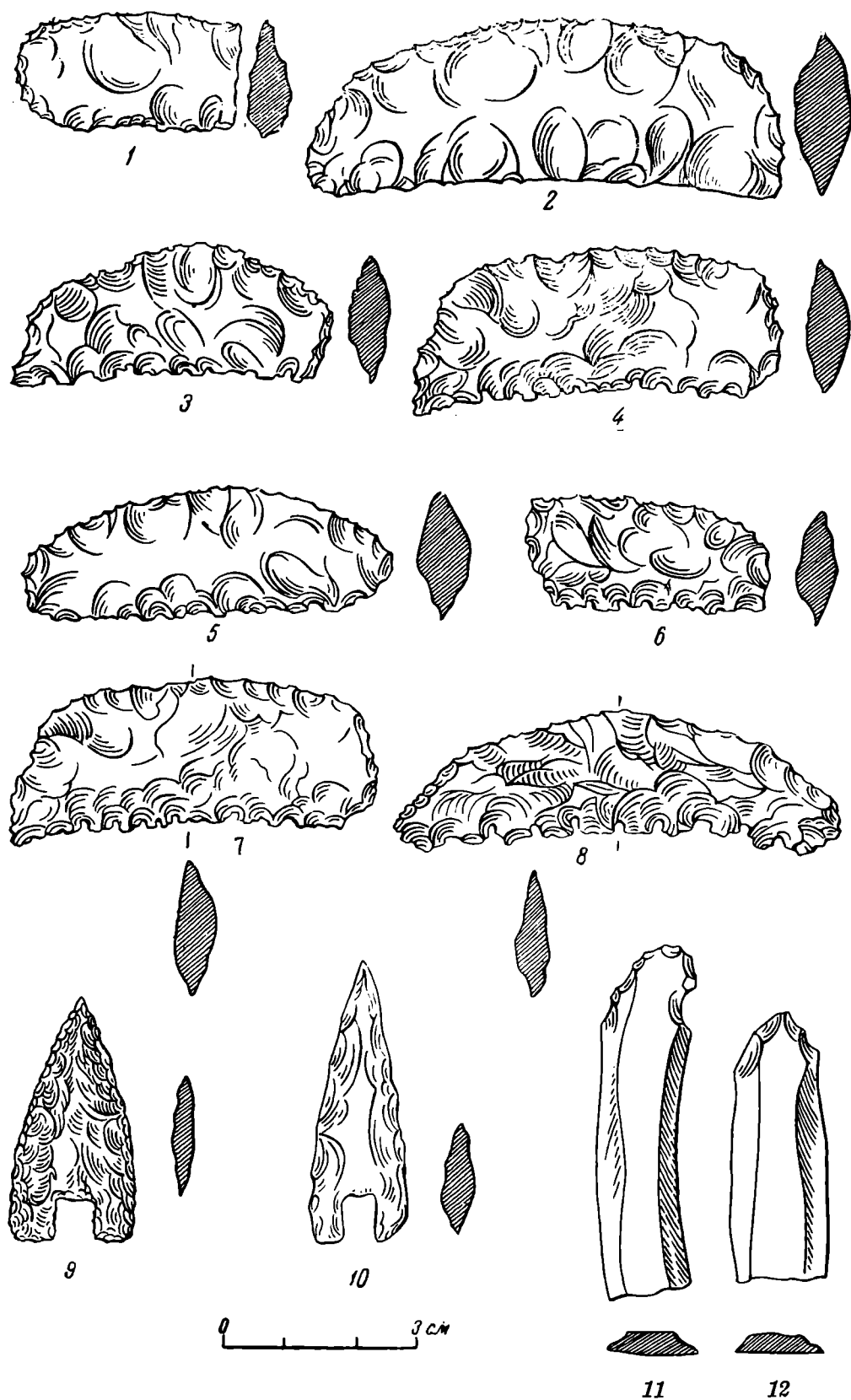

Рис. 25. Каменные орудия и оружие из Мингечаура:

1 — 8 — кремневые и обсидиановые вкладыши; 9 — обсидиановый и 10 — кремневый наконечники стрел; 11 — 12 — фрагменты кремневых ножей.

ний с сильно скорченными костяками. Это дает нам право предположительно датировать печи I тысячелетием до н. э.

Работы, производившиеся на территории «городища» № 2 (левый берег р. Куры), так называемого Судагылан¹, ограничились вскрытием четырех участков общей площадью около 700 м². Поселение Судагылан отличается от других поселений Мингечаура. Его следует отнести к периоду средневековья.

Обследованию подвергнута центральная часть «городища». Обнаруженные сооружения хозяйственно-бытового назначения, возведенные из сырцовых блоков различного замеса и размера, позволили установить, что на этой территории имеется несколько культурных напластований. Верхний культурный слой характеризуется керамикой глазурованной и со штампованным орнаментом, а также предметами бытового назначения. Второй культурный слой богат керамикой красного обжига, представленной сосудами разнообразных размеров и форм, в том числе баночных и яйцевидных, среди которых особенно многочисленны большие хозяйственные узкодонные кувшины — кюпы яйцевидной формы.

Вместе с керамическими изделиями встречаются железные ножи с узкими кинжаловидными лезвиями, бронзовые и железные дугообразные фибулы и другие предметы.

Верхние пласты обильно насыщены культурными остатками и костями животных. Здесь же, среди остатков строений с глинобитными полами, обнаруживаются очаги.

Судя по предварительному определению костного материала, можно сказать, что в хозяйстве этого времени большое значение имело скотоводство (крупный и мелкий рогатый скот, свиньи) и птицеводство.

Находки пряслиц и остатков шерстяных тканей (ниток) дают право предполагать, что в связи с развитым животноводством в быту местного населения широко применялись обработка шерсти и выделка из нее тканей.

Большое количество глиняных и каменных грузил сердцевидной формы, а также рыбные кости служат свидетельством того, что жители занимались и рыболовством.

Но преобладающим видом хозяйственной деятельности было земледелие, игравшее главную роль. Обнаруженные остатки зерновых культур — пшеницы, ячменя, проса и пр., наряду с которыми в большом числе найдены ручные жернова и зернотерки, являются веским доказательством развитости земледелия.

Из остатков производственных сооружений особенно хорошо пока обследованы печи для обжига гончарных изделий. На территории поселения их выявлено более десяти. По своей конструкции они относятся к числу редких. Печи двухъярусные, размерами 6×3×4 м; 8×4×5 м и др., прямоугольной и эллипсовидной формы, с высокой топкой. Предваритель-

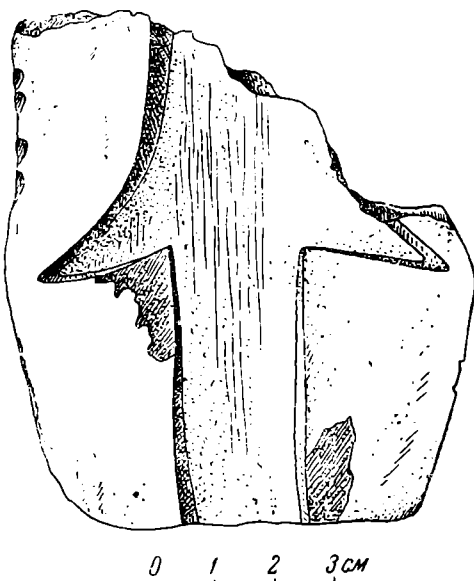

Рис. 26. Каменная форма для отливки наконечников копий.

¹ «Судагылан» в переводе означает «место разлива воды».

ным обследованием установлено, что действовали они на древесном топливе и имели очень высокий коэффициент полезного действия, благодаря чему в камерах обжига сохранялся постоянный тепловой режим с температурой до 900°.

Здесь же на поселении найден фрагмент глиняного, имевшего форму усеченной пирамиды, подсвечника с албанской надписью (рис. 28—1—4).

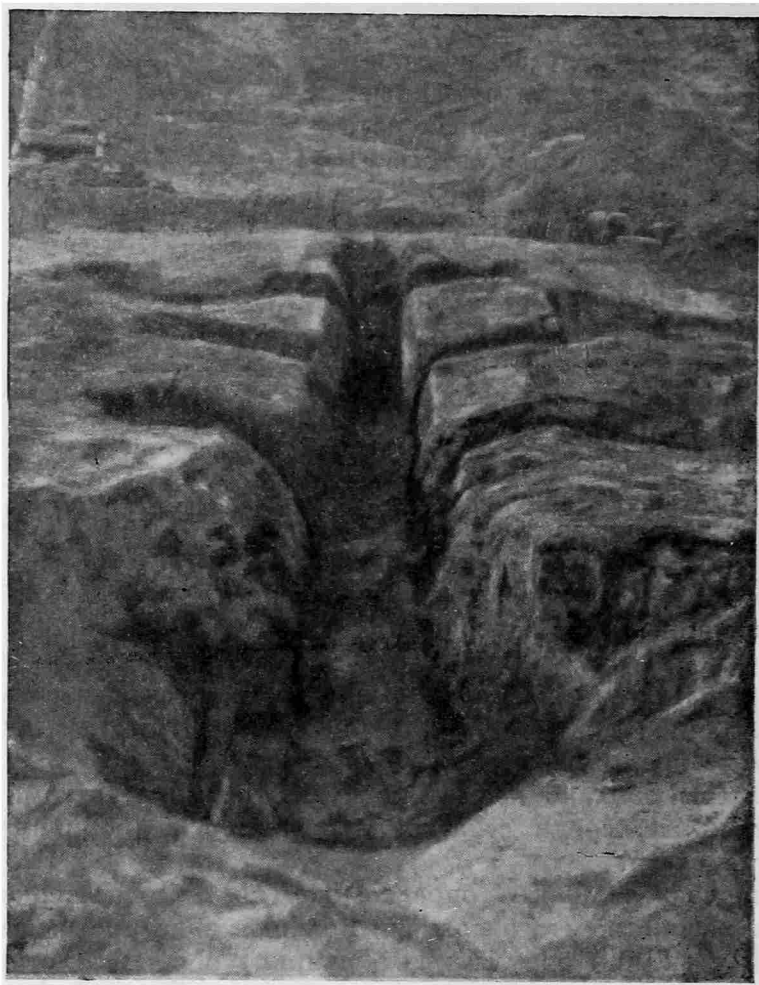

Рис. 27. Прimitивная одноярусная обжигательная печь эпохи бронзы.

Это уже четвертая находка предметов с надписью. Следует заметить, что подсвечники в форме усеченных конусов и пирамид (рис. 28—5 и 6) встречены и ранее на территории Мингечаура. Они найдены среди остатков правобережного древнего поселения и на месте более позднего поселения Кала-гет.

Обнаруженные предметы с албанскими надписями (территория «городища» № 2) позволяют предполагать, что культурный слой, в котором они найдены, относится к периоду расцвета албанской культуры, погибшей в IX в. н. э.

Нижележащие слои датируются монетами. В одном из них встречены монеты V—VII вв. н. э., т. е. сасанидского периода¹, а в другом — арабские VIII—IX вв. н. э. Благодаря монетным находкам определяются край-

¹ По определению проф. Е. А. Пахомова.

ние хронологические пределы культурных напластований Судагылана в рамках IV—V—XII—XIV вв. н. э.

Завершая краткую характеристику культурных отложений «городища» № 2, необходимо отметить, что в 1950 г. удалось вскрыть оставшуюся

Рис. 28. Мингечаур. Типы подсвечников:

1—4 — фрагмент подсвечника с албанской надписью с четырех его сторон; 5 и 6 — подсвечники в форме усеченных пирамид.

неисследованной часть стены крепостного типа длиной до 72 м и шириной около 3,5 м. Сложена она из сырцовых блоков (размером $50 \times 40 \times 12$ см) и является частью ограждения храмовой постройки. Выявленная часть стены и ранее обнаруженные здесь же остатки албанского храма, повидимому, составляли единый строительный комплекс, представляющий собой цитадель «городища» № 2.

О том, что «городище» № 2 являлось крепостью, свидетельствует и его расположение на возвышенности, господствующей над окружающей местностью и имеющей естественные укрепления с восточной стороны в виде крутых склонов горного массива, с северной — в виде глубокого оврага, а с западной — в виде берегового среза реки. На южной окраине «городища» (юго-западный участок) были размещены гончарные мастерские, а с юго-восточной стороны — могильник. Такова приблизительно общая характеристика и планировка «городища» № 2.

Одновременно с работами на «городище» № 2 производились раскопки «городища» № 3, которое расположено также на левом берегу р. Куры на небольшом холме площадью 300×250 м при входе в ущелье Боз-дага. Среди местного населения эта территория известна под названием Кала-гет, что означает «мощная крепость».

До 1950 г. археологические работы здесь носили лишь разведочный характер. Основной задачей раскопок было определение стратиграфии и мощности культурных напластований. Разведками ранее было установлено, что мощность культурного слоя на Кала-гете в среднем достигает 5—5,5 м. Раскопки производились на участке в нижней части «городища», вскрытая площадь равна приблизительно 1400 м^2 (рис. 24). На этом участке удалось достичь 2 м глубины.

С первым культурным слоем связаны остатки жилых и хозяйственных помещений типа «багдади» со стенами, сплетенными из прутьев и камыша и обмазанными глиной.

Верхние перекрытия (потолок и крышу) поддерживали специальные деревянные подпорки или столбы. Перекрытия сооружались из тесаных бревен. Они покрывались цыновками или камышевой дранкой. Пол и потолок были глинобитные. Глиняная масса, потребная для строительства, замешивалась на мякине со значительным процентом примеси мелкозернистого песка. Так как сооружения погибли от пожара, свидетельством чему служат сохранившиеся обожженные части конструкций, то под развалинами найдено много различных предметов, характеризующих быт и хозяйственную деятельность обитателей.

Главный археологический материал, извлеченный из-под развалин,— это изделия из глины, в числе которых следует упомянуть вазы, кюпы, кувшины, чаши и т. д. Часто встречаются зернотерки, ступки, подсвечники, подставки, ножи, таганки, изделия из дерева, куски ткани. Этот слой датируется глазурованной керамикой, относящейся к X—XIII вв. н. э. Надо отметить, что глазурованная керамика Кала-гета аналогична керамике Кабалинского городища, Старой Ганджи, Баку, Шаберана и других средневековых городов Азербайджана¹.

Второй слой «городища» № 3 характеризуется остатками различных сооружений, стены которых толщиной от 85 см до 3 м возведены из сырцового кирпича различных размеров ($45 \times 40 \times 10$ см; $40 \times 40 \times 12$ см; $30 \times 25 \times 6$ см). От стен сохранилось не больше 2—3 рядов кладки, и лишь в некоторых частях вскрыто до 13—15 рядов. Кроме остатков жилищ, здесь обнаружены очаги, хозяйственные ямы различных форм и размеров, с кухонными остатками, костями животных и рыб, золой и фрагментами глиняных изделий. В числе предметов, извлеченных из-под развалин,— сельскохозяйственные инструменты (поломанные железные серпы, косы, костяные «когти» для охвата снопов и т. д.), рыболовные грузила, прясла веретен, ножи, фрагменты тканей, клубки ниток, изделия из кости и дерева и т. д. Найдены также зерна хлебных злаков, семена хлопка и фруктовые косточки.

¹ Глазурованная керамика Баку, Старой Ганджи и Кабалы хорошо датирована монетами.

Находка семян хлопка не случайна. Местный историк Моисей Каланкатуйский, живший в VII в. н. э., сообщает о своей родине Албании (Агван) следующее:

«Благодатна и прекрасна страна Агван по всевозможным выгодам и высокими волнами Кавказских гор. Великая река Кура стремительным течением приносит с собой множество огромных и малых рыб. Она, разгуливая, протекает и впадает в Каспийское море. Поля вокруг нее изобилуют хлебом, вином, нефтью, солью, шелком и хлопчатой бумагой; несметно число оливковых деревьев; в горах добывается золото, серебро, медь и желтый ладан. Есть и хищные звери: львы, тигры, барсы, дикие ослы и множество птиц: орлы, соколы и подобные им»¹.

Эти записи о природных богатствах древнего Азербайджана находят подтверждение в археологических материалах. На территории «городища» № 3 обнаружены кости мелкого и крупного рогатого скота: коровы, овцы, козы, осла, лошади, свиньи. По предварительному определению костей диких животных установлено наличие дикого кабана, горного козла, джейрана, благородного оленя; встречаются кости водоплавающей птицы — гуся, лебедя, кряквы, а также рыбы чистяковой и осетровой пород.

Среди находок из второго слоя следует отметить перстни-печати средневекового типа, железные и бронзовые фибулы, бронзовые булавки, поясные пряжки и т. д. Все эти предметы синхронны вещам, обнаруженным в катакомбах и срубных погребениях на могильном поле, расположенном недалеко от поселения.

Слой датируется монетами, относящимися, по определению Е. А. Пахомова, к VI—IX вв. н. э.

Раскопки в 1950 г. были доведены до горизонта третьего культурного слоя.

Нужно отметить, что все три слоя «городища» № 3 оказались в одном месте прорезанными тремя погребениями позднего типа, который еще не определен. Это грунтовые ямы, овально вытянутой формы, с деревянным верхним перекрытием, скрепленным железными коваными гвоздями. Костяки находились в вытянутом положении на спине. Среди погребального инвентаря обнаружены конская сбруя и снаряжение (ремни из сыромятной кожи, железные кольца, пряжки, стремяна, остатки деревянных крашенных седел), оружие из железа (ножи, наконечники стрел и дротиков долотного типа), колчан из бересты; предметы из драгоценных металлов (серебряная чаша с гравированным позолоченным растительным орнаментом, золотые серьги-подвески в виде вопросительного знака); изделия из кости (бляшки, пряжки, нашивки очень тонкой ажурной выделки), фрагменты кожаных сапог, одежда из шелковой и парчевой тканей (халат, рубашка, шаровары).

Погребения перекрывали остатки стен раннего строения, что указывает на временное запустение поселения.

Одновременно с «городищем» № 3 исследовалось и могильное поле, находящееся в 400—500 м к востоку. Могильник содержит погребения в деревянных срубках и катакомбах. Надо отметить, что эти типы погребений на территории Азербайджана встречаются впервые.

Выявлено 31 катакомбное погребение на глубине около 3,5—4 м. Основное сооружение представляет в плане эллипсоидную, а в разрезе полусферическую камеру, вырубленную в материковом грунте (рис. 29). В камеру ведет длинный (2—7 м), узкий (0,6—1 м) подземный ход с выходом на дневную поверхность. Ход перекрывается в двух-трех местах, на небольшом расстоянии один от другого, сырцовым кирпичом, камнями

¹ Моисей Каланкатуйский. История Агван. Перевод К. П. Патканьяна. СПб., 1861, стр. 5—6.

и другими материалами. Размеры камер от 2,5 до 3 м в длину и от 1,8 до 3 м в ширину при высоте до 1,5 м. На основании следов, сохранившихся на стенке камеры, можно предполагать, что ее рыли специальным инструментом в виде современной кирки или кайла.

В погребальных камерах встречается до 12 человеческих костяков, размещенных в разнообразных положениях: вытянутыми на спине, скорченными на боку и даже в сидячем положении. Ориентировка костяков в отношении к странам света неопределенная. Некоторые костяки покоятся на глиняных, деревянных и других настилах; деревянные сделаны из досок толщиной до 7—8 см, а в некоторых случаях из бревен длиной до 2 м (рис. 30).

Главнейшими древесными породами, из которых изготовлялись настилы, являются арчан — местный древовидный можжевельник, карагач, сакызгач и др.

Инвентарь погребений довольно разнообразен: изделия из глины, дерева, стекла, цветных металлов, ткани, кожи, а также разной формы бусы из сердолика, яшмы, гишеры и разноцветных камней (рис. 31 и 32).

Почти во всех катакомбах обнаружены печати из серебра, халцедона, сердолика и других материалов.

В одном из погребений (№ 31) найдено шесть печатей разной формы и размеров. На их рабочей поверхности нанесены изображения людей, животных, птиц, рыб и т. д.

Глиняные изделия представлены сосудами красного цвета, среди которых имеются кувшины в виде молочника с одной ручкой и сливом; кувшины с широким горлом и двумя лентообразными ручками у края горла. Тонкие кувшины по краю горла имеют желобобразную выемку для упора плоской крышки.

Из деревянных вещей, обнаруженных в катакомбных погребениях, надо отметить шкатулки и кадушки очень тонкой работы. Они украшены растительным и геометрическим рельефным орнаментом, изображениями животных и птиц. Встречены деревянные веретена с пряслицами и ложки (рис. 32).

Кроме того, среди находок были стеклянные бокалы, флакончики, слезницы, железные фибулы, бронзовые браслеты, золотые серьги и перстни со вставками из разноцветных камней; остатки ткани и клубки ниток, плетеные из тростника корзины, деревянные шесты длиной до 2 м, представляющие собой, повидимому, части ткацкого станка.

Путем сравнения установлено единство и тождество погребального инвентаря катакомб и некоторых предметов с «городища» № 3, которые ориентировочно датируются периодом раннего средневековья, т. е. III—VIII вв. н. э.

К другому типу погребений относятся захоронения в срубках, делавшихся из арчановых бревен без металлических креплений. На один гроб-сруб в среднем употреблялось по 16—18 тесаных плах. Каждая сторона сруба состоит из 3—5 бревен (плах). Скреплялись бревна шипами и колышками.

Скелеты в срубных могилах лежали в скорченном положении на боку и были ориентированы головой на СЗ.

В этих погребениях обнаружены стеклянные сосуды — бокалы, флакончики, «слезницы», а также изделия из золота, серебра и бронзы очень тонкой ювелирной работы — золотые серьги в виде виноградной кисти, набранной зернью; серебряные фиалы, золотые бусы, перстни-печати со вставками и серебряные аршакидские и римские монеты I—II вв. н. э.

«Городище» № 4 — на правом берегу Куры, в 2—3 км южнее древнего могильного поля, было обнаружено в конце 1949 г.

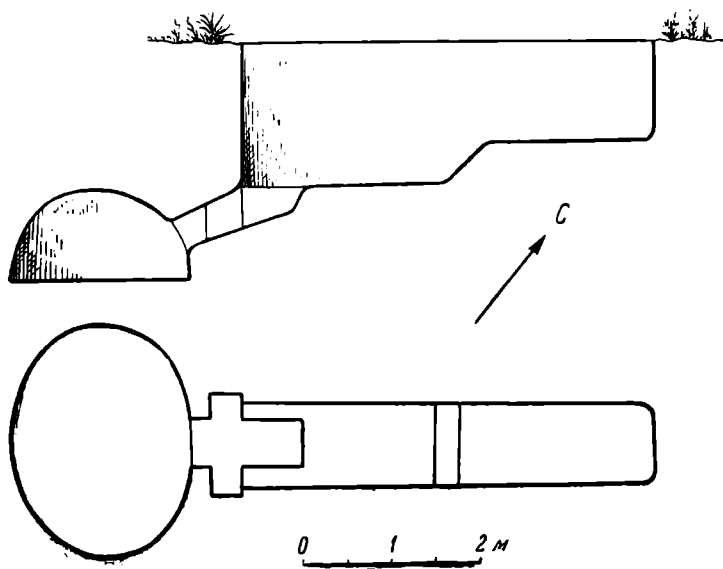

Рис. 29. План и разрез катакомбы в Мингечауре.

Рис. 30. Положение костяков в катакомбе.

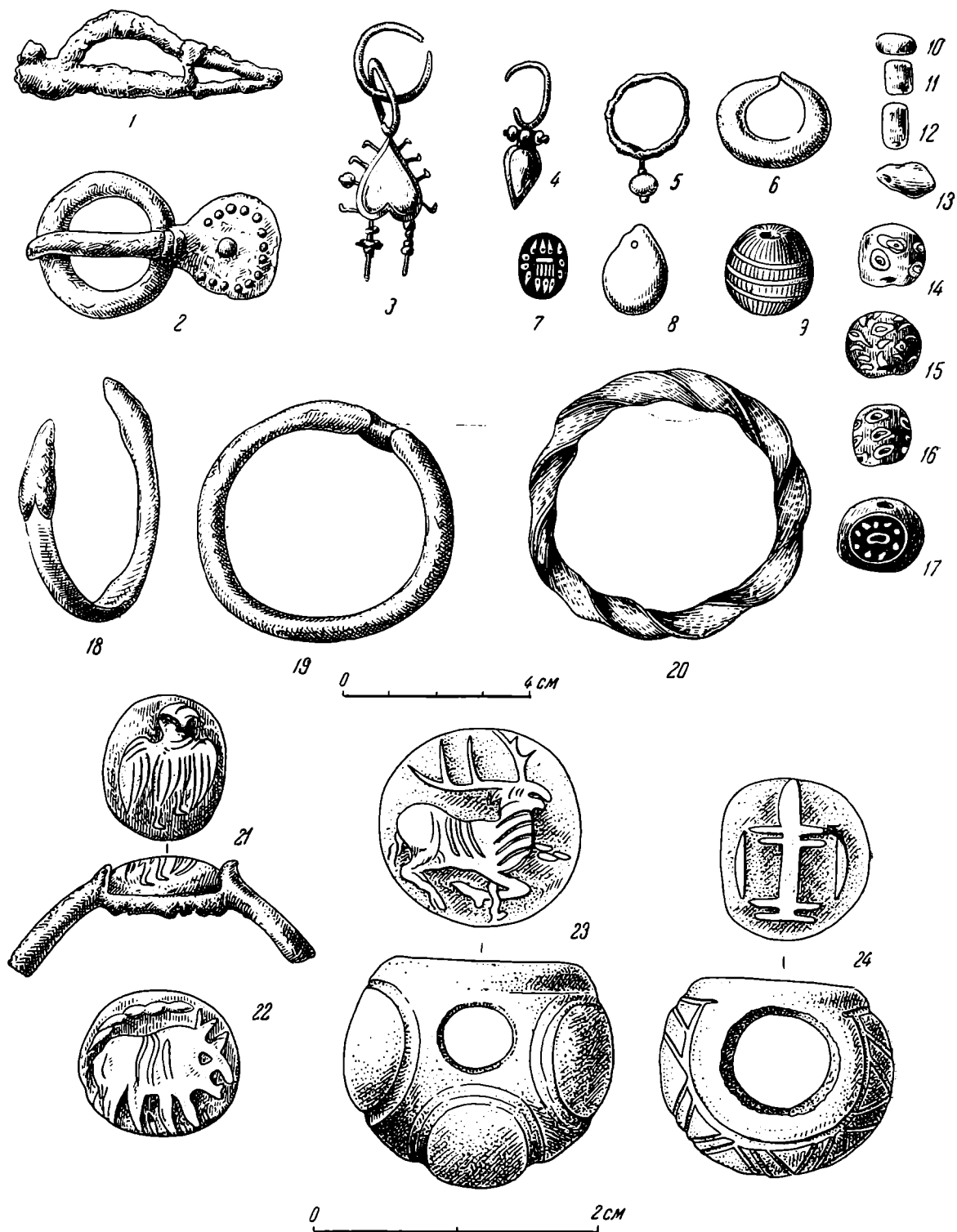

Рис. 31. Находки из Мингечаура:

1 — железная фибула; 2 — серебряная поясная пряжка; 3 и 4 — золотые серьги-подвески со вставками; 5 и 6 — серебряные серьги; 7—17 — бусы; 18 и 19 — бронзовый и серебряный браслеты; 20 — стеклянный браслет; 21 — перстень-печать из бронзы и халцедона и оттиск с нее; 22 — оттиск халцедоновой печати; 23 и 24 — каменные печати и оттиски с них.

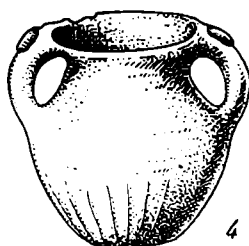
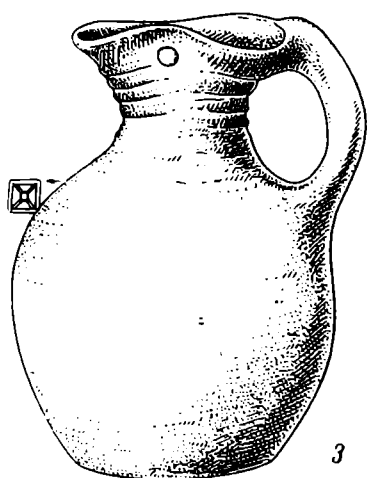
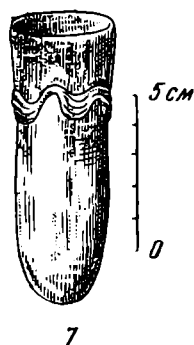
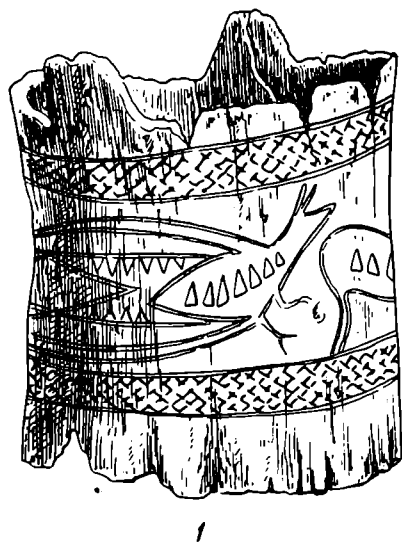
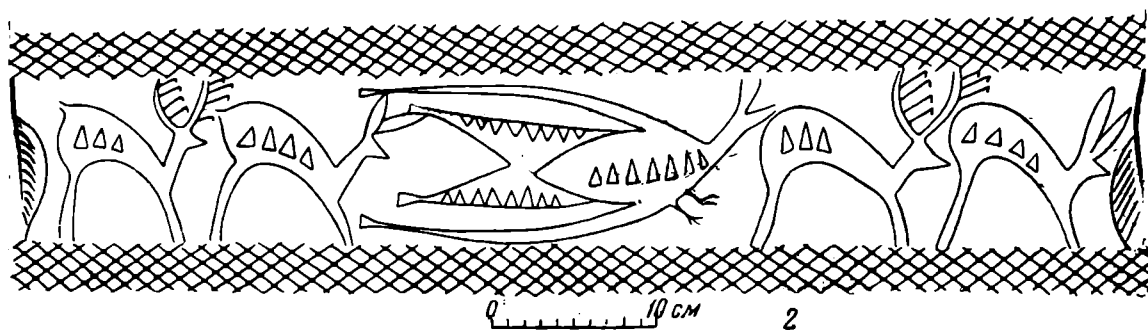

Рис. 32. Бытовые предметы из Мингечаура:

1 — деревянная кадка; 2 — развернутый орнамент с кадки; 3 и 4 — глиняные сосуды; 5 — деревянная ложка; 6 и 7 — стеклянные сосуды; 8 — веретено с пряслицем.

На этом участке археологические исследования ограничились сбором подъемного материала, большая часть которого представлена керамикой, по предварительному определению относящейся к XII—XIV вв. н. э. В срезях котлована строительства выявлены остатки различных строений, свидетельствующие, что и на этой территории жизнь в свое время была очень интенсивной.

Обширный и разнообразный материал, добытый экспедицией в Мингечауре в 1950 г., вместе с материалами, обнаруженными здесь же в прошлые годы, раскрывает перед нами с древнейших времен яркую картину сложнейшего процесса исторического развития самобытной материальной культуры населения Азербайджана.

Н. Б. ШЕЙХОВ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД
В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ДАГЕСТАНЕ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(По материалам Агачкалинского могильника)

Селение Агачкала расположено в живописной окрестности г. Буйнак-ска, у подножья Гимринского хребта, в лесистой местности, что отразилось и в названии селения («агач» — дерево). В 1,5 км к СВ от селения, на западном склоне небольшого плато, находится Агачкалинский могильник, впервые обнаруженный в 20-х годах нашего столетия местным жителем И. Раджабовым, который и провел первые «раскопки».

Научные раскопки этого раннесредневекового могильника (VII—X вв.) были начаты в 1948 г. экспедицией ИИМК АН СССР и Дагестанского музея под руководством К. Ф. Смирнова, отчеты которого и составляют основной материал данной статьи¹.

Проведенные параллельно разведочные работы выявили чрезвычайно густую заселенность местности племенами, игравшими активную роль в политической и культурной жизни Северного Кавказа и Прикаспия.

За три года исследований на Агачкалинском могильнике вскрыто 26 могил, из них шесть склепов, 18 грунтовых и два каменных ящика.

1. М о г и л ы - с к л е п ы. Независимо от размеров, которые колеблются от 2,30 до 6,15 м, склепы в плане прямоугольной формы. Ориентировка склепов зависит от места их расположения: они ориентировались так, чтобы передняя поперечная стенка выходила к склону, т. е. к обрыву, где и устраивался вход. Основной технический прием сооружения склепов — кладка, хотя заметно стремление сочетать ее с вертикально поставленными плитами с целью облегчить процесс труда. Для склепа в грунте рылся котлован, который после окончания постройки засыпался землей. Тщательность кладки и забутовка мелкими камнями предохраняли склеп от проникновения в него земли. Вход устраивался со стороны обрыва в виде двух вертикально поставленных плит — дверных косяков; плашмя положенная под ними плита образовывала порог. Вход плотно закрывался одной или двумя плитами и, вероятно, в отличие от остальной части склепа, не засыпался землей. Сверху склеп покрывался плитами, количество которых зависело от размеров склепа и самих плит. Земляной пол сильно утрамбовывался или покрывался сланцевыми плитами. Следы дерева и

¹ К. Ф. Смирнов. Отчеты об археологических раскопках за 1948—1950 гг. Архив КПИИИМК (№ 255, 329 и 460).

куски колод в склепах, отпечатки дерева на кусках глины в склепе № 3 свидетельствуют о том, что погребение совершалось в гробу или на деревянных настилах, клавшихся на пол. Остатки одежды в виде кусочков материи и меха сохранились в склепах № 2 и 4. Рядом с покойником и вокруг него размещался культовый инвентарь. Характер инвентаря и костного материала указывает на то, что склепы служили местом погребения в течение длительного времени. Они являлись семейными, точнее семейно-родовыми усыпальницами, что подтверждается погребением в них мужчин и женщин, подростков и стариков. Об этом же свидетельствует и пристройка северо-западного отделения склепа № 1.

Погребенные в склепах клялись ногами к входу.

2. **Грунтовые могилы.** Погребальный обряд в грунтовых могилах характеризуется следующими особенностями.

1) Все грунтовые могилы содержат от одного до трех костяков, за исключением могилы № 16, содержавшей 17 костяков, но о ней будет сказано ниже.

2) Покойники клялись вытянуто на спине, часто с протянутыми вдоль тела руками.

3) Наблюдается выдержанность ориентации костяков, положенных ногами к склону.

4) Около покойника, обычно у ног или головы, ставился сосуд, около которого при раскопках обнаружены кости животных. Отдельные вещи, как и в склепах, характеризуют пол погребенного: у мужчин — сабля, нож, копье, у женщин — головные булавки (обычно две), серьги, зеркала и т. д.

5) Могильная яма с узких сторон, редко с длинных, обставлена плитами, на которых покоились доски или плахи перекрытия.

Очевидно, грунтовые могилы, вырытые в виде неглубоких прямоугольных ям, рассчитывались на размещение в них определенного числа покойников вместе с культовым инвентарем. Досчатое покрытие должно было облегчить процесс последующих захоронений ближайших родственников.

3. **Погребения в каменных ящиках.** В Агачкалинском могильнике, кроме склепов и грунтовых могил, обнаружены два погребения в каменных ящиках: одно — под склепом № 2, где в расчлененном виде погребены женщина и ребенок, другое — как самостоятельная детская могила.

В первом случае каменный ящик, вероятно, служил дополнением к склепу. Являются ли каменные ящики третьим типом погребальных сооружений — выяснится при дальнейших раскопках. Пока же они не могут характеризовать определенный тип погребений и не затрагиваются в настоящей статье.

4. **Конские погребения.** Открытые в могильнике конские погребения, повидимому, связаны с погребенными в склепах. Это подтверждается, во-первых, расположением скелетов коней у входа или вокруг склепов; во-вторых, предметами конской сбруи, находимыми только в склепах. Кроме того, погребения коней едва ли могли сопутствовать погребенным в сравнительно бедных грунтовых могилах, при наличии более богатых усыпальниц-склепов.

Происхождение обряда погребения с конями безусловно восходит ко времени скифской, а затем сарматской культуры на Северном Кавказе и, в частности, Дагестане¹.

¹ К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования меотской и сарматской культуры. Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 160.

Этот же обряд неоднократно встречался в могильниках Северного Кавказа, относящихся к изучаемому периоду¹.

Особенности погребального обряда и исторические выводы

Таким образом, в Агачкалинском могильнике в основном различаются два вида погребальных сооружений: склепы и грунтовые могилы.

Инвентарь погребений и в грунтовых ямах и в склепах един по своей историко-культурной принадлежности и находит аналогии среди вещей, относящихся к культуре, условно называемой «алано-хазарской» и распространенной в период раннего средневековья (VII—X вв.) на Северном Кавказе и отчасти на юге нашей Родины². Все погребения могильника могут быть датированы VII—X вв. н. эры.

Следовательно, Агачкалинский могильник представляет единый комплекс, связанный хронологической и культурной общностью. Различие между погребениями в склепах и в грунтовых могилах состоит в устройстве погребальных сооружений и в сравнительном богатстве инвентаря погребений в склепах. Но это различие обусловлено социальными причинами и не может поколебать вывода о культурном и хронологическом единстве населения.

В самом деле, трудно объяснить другими причинами наличие наряду с грунтовыми могилами в виде простой ямы монументальных подземных сооружений с богатым инвентарем и конскими погребениями вокруг.

При первом же взгляде на план могильника бросается в глаза чрезмерная густота погребений. Интересно, что грунтовые довольно беспорядочно группируются вокруг склепов. Особенно заметно это на плане склепа № 1, вокруг которого расположено свыше десяти грунтовых погребений. При сооружении склепов мало считались с наличием грунтовых погребений, иногда их просто разрушали. Для доказательства сказанного приведем два примера. Одно из конских погребений, связанное со склепом № 3, находилось над грунтовым погребением № 12, границы которого в момент захоронения коня, вероятно, были хорошо заметны. При строительстве северо-западного отделения склепа № 1 была срезана нижняя часть погребения № 13, находившегося в районе строительства и мешавшего его осуществлению. Надо, видимо, различать две причины, создавшие такую картину на могильнике. Во-первых, в бедных грунтовых погребениях, вероятно, хоронилось население, находившееся в каком-то полузависимом положении от знати, погребавшейся в склепах. Только высоким общественным положением умерших, захороненных в склепе № 1, можно объяснить факт равнодушного разрушения грунтового погребения № 13. Во-вторых, большую роль играло также отсутствие достаточно свободного места на могильнике. Несомненно, что расположение грунтовых могил одна над другой объясняется их разновременностью, но вместе с тем в какой-то степени свидетельствует о чрезмерной насыщенности могильника погребениями.

Если грунтовые погребения и являлись разновременными, никак не больше, чем в пределах одного поколения, то склепы служили местом погребения в течение сотни и более лет. Пристройка северо-западного

¹ Случаи обнаружения конских погребений мне известны: 1) в Галиате — Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ. Изв. Сев.-осет. научн. исследов. института. Вып. IX, стр. 161; 2) в Кобани — Уварова. МАК, вып. VIII, стр. 91; 3) около ст. Балта — Уварова. Там же, стр. 131; 4) в Камунте — Уварова. Там же, стр. 298; 5) в Верхнем Салтове — Н. Я. Мерперт. Верхнее Салтово (диссертация), стр. 53. Архив ИИМК.

² К. Ф. Смирнов. Отчет за 1949 г. Архив КПИИИМК, стр. 48.

отделения к склепу № 1 и его существование в течение нескольких веков подтверждают правильность сделанного предположения.

Таким образом, характер погребального обряда свидетельствует о существовании в VII—X вв. среди населения, хоронившего своих умерших в Агачкалинском могильнике, отдельных моногамных семей с неравным социальным положением в обществе. Наличие богатых и бедных погребений, как правильно указывает А. П. Смирнов на основе анализа Армиевского и Иваньковского могильников, свидетельствует об отмирании первобытно-общинных отношений в роде, сопровождавшемся выделением отдельных семей, накопивших значительное богатство и постепенно сосредоточивших в своих руках все общественные должности. Такие семьи с течением времени противопоставляют себя остальному коллективу, и отношения родовые перерастают в классовые. Этот процесс отразился в типе погребальных сооружений. Так, в Армиевском могильнике «размеры могил в ряде случаев определялись социальным положением умершего»¹, а в Агачкалинском — социальное расслоение выражается различием форм погребального сооружения. «Этот последний факт,— пишет А. П. Смирнов,— служивший как бы идеологическим воздействием на массы родичей для закрепления своего привилегированного положения (обстоятельство, которое может иметь место в процессе формирования классового общества), подчеркивает наличие социального неравенства в роде»².

Идеологическое воздействие на своих же сородичей, вероятно, сопровождалось привлечением последних при строительстве монументальных сооружений, что, возможно, служило одним из первых актов использования их труда.

Несомненно, что разделение труда в обществе возникло задолго до изучаемой эпохи, но, как мы увидим ниже, материалы могильника свидетельствуют о дальнейшем упрочении и развитии этого разделения.

В Агачкалинском могильнике, как правило, при каждом погребении имелись культовый сосуд и в зависимости от пола погребенных различные металлические орудия и украшения: в женских погребениях — головные булавки, зеркала, серьги, кольца, браслеты, копоушки и т. д.; в мужских — сабли, копья, ножи, стремена, удила, поясной набор и т. д.

Разнообразие погребального инвентаря указывает на значительное развитие местного ремесленного производства и довольно широкие торговые связи. Обилие изделий гончарного производства на могильнике и поселениях вокруг него свидетельствует о сильно развитом местном гончарном производстве. Обнаруженные при раскопках на поселении в 1950 г. гончарные печи могут служить подтверждением этого предположения.

Следовательно, ремесленное производство являлось одной из ведущих и необходимых отраслей общественного производства.

Инвентарь исследуемого могильника весьма близок инвентарю из синхронных могильников Северного Кавказа и юга нашей Родины. Естественно, что такая близость была бы невозможна без оживленных и постоянных связей между этими районами. Заимствование первоначальных форм многих вещей с севера и запада кажется несомненным. Оживленные торговые связи были и с югом. Так, шиитские печати, некоторые формы блях, головных булавок, являвшихся обязательной принадлежностью женского погребального инвентаря, безусловно завезены сюда из Закавказья или через Закавказье.

¹ А. П. Смирнов. Очерки по истории волжских булгар. Труды ГИМ, вып. XV, стр. 67.

² Там же, стр. 68.

Однако Агачкалинский могильник имеет свои местные особенности, выражающиеся и в погребальном обряде и в инвентаре. Мы уже отмечали, что каждый мужской костяк сопровождается, как правило, оружием — саблей, копьем, ножом и т. д. Несомненно, что этот обряд язычников, связанный с верой в загробную жизнь, отражает черты реального быта.

Оружие и в особенности сабли и кони, сопровождавшие захоронения в склепах, могут служить подтверждением того, что погребенные были прежде всего воинами — конными дружинниками. Отсутствие конских погребений, связанных с грунтовыми погребениями, не противоречит этому. Сабли, находимые и в склепах и в грунтовых могилах, являются оружием, тесно связанным с конным строем.

В эпоху до арабского нашествия центр Хазарского государства находился на севере Дагестана. Агачкалинский могильник расположен на окраине территории, когда-то входившей в хазарский каганат. Такое пограничное расположение поселений, вероятно, налагало на жителей обязанность защиты границы государства. Так, Ал-Масуди в своей «Книге сообщений и знаний», написанной в 956 г., свидетельствует о постоянной вражде между царством Серир, расположенным в горах на основной территории Аварии, и жителями равнины. Царь (Серира) усердно и с успехом воюет с хазарами, так как этот народ живет на равнине, а сам он в горах¹. Постоянная вражда с соседями теснее сплотила и в конце концов привела к объединению родственных племен Дагестана для совместной защиты своей земли и успешного ведения войны. Этот процесс объединения невозможен без определенных экономических предпосылок, служащих основой образования классов в обществе.

Подводя итоги вышесказанному, попытаемся ответить на вопрос: на какой ступени общественного развития находились племена, жившие в районе расположения Агачкалинского могильника в VII—XI вв. н. э.

Погребальный обряд и инвентарь Агачкалинского могильника прежде всего свидетельствует о распаде первобытно-общинных отношений в роде. Процесс распада первобытно-общинных отношений неизменно сопровождается выделением отдельных экономически неравных моногамных семей, что служит показателем глубокого социального расслоения в обществе и начала образования классов.

Культовый инвентарь свидетельствует о дальнейшем укреплении и развитии разделения труда и о бытовании довольно развитого ремесленного производства. Отдельные формы культовых вещей указывают на оживленные торговые связи местного населения с севером, западом и югом.

Погребальный обряд и инвентарь того времени, отражающий в какой-то мере общий уклад жизни населения, свидетельствует о возросшей роли конных дружинников и постоянной вражде с соседними племенными объединениями.

Общество, хоронившее своих покойников в Агачкалинском могильнике, находилось на предклассовой ступени своего развития. Как известно, этот период развития характеризуется Энгельсом² как эпоха, в которой различные отрасли производства все более и более обособляются одна от другой и, наконец, происходит крупное разделение труда — ремесло отделяется от земледелия. Это разделение приводит к широкому обмену с

¹ Н. А. Караулов. Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Хр. О Кавказе, Армении и Азербайджане. Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXVIII, стр. 53.

² См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1948. стр. 180—184.

соседними племенами и народами. Различие между богатыми и бедными выступает более отчетливо. Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества. Возрастающая плотность населения вынуждает к тесному сплочению и объединению родственных племен. Война, которую они ведут с другими союзами племен, становится «смыслом жизни», и военачальники, постепенно узурпируя власть, превращаются в господствующий класс. Их высокое положение в обществе и стремление закрепить господствующее положение приводят к возникновению государства.

Нет сомнения, что хазарский каганат представлял собой такое политическое объединение, которое не имело своей экономической базы и представляло временное и непрочное военно-административное объединение — конгломерат различных племен и народностей, живших своей жизнью, имевших свои языки и, вероятно, стоявших на различных ступенях общественного развития. И. В. Сталин указывает, что племена и народности, входившие в подобные объединения, имели свою экономическую базу¹. Конечно, даже временное вхождение в состав таких государств ускоряло процесс образования классов у местных народностей и племен, но этим, видимо, и ограничивается влияние подобных государств на общественное развитие. Приблизительно так обстояло дело и с обществом, оставившим Агачкалинский могильник. Зависимость местного населения от хазарского каганата была, вероятно, номинальной. Если наши предположения верны, то отсюда следует, что к X в. н. э. население равнинного Дагестана стояло накануне возникновения классов и государства.

Возвращаясь к вопросам, непосредственно связанным с погребальным обрядом Агачкалинского могильника, постараемся выяснить, каковы истоки и генезис погребального обряда и погребальных сооружений Агачкалинского могильника и в какой мере погребальный обряд в данном случае может служить показателем этнической принадлежности.

В Агачкалинском могильнике существовало два вида погребальных сооружений — склепы и грунтовые могилы, причем основным, видимо, должны считаться грунтовые могилы, в которых погребалась основная масса населения. Кроме того, они более многочисленны и, что особенно важно, они продолжают собой хорошо известный тип погребальных сооружений — сарматские грунтовые ямы. В самом конце I тысячелетия до н. э. местная культура Дагестана, известная под названием каякентско-хорочоевской², сильно изменяется под влиянием этнической инфильтрации с севера, а в связи с этим стоит и распространение в Дагестане влияния северо-каспийской сарматской культуры³. С этим связано и значительное изменение погребального обряда у местных племен. Например, в поздних слоях Таркинского могильника каменные ящики каякентско-хорочоевской культуры со скорченными костяками уступают место грунтовым могилам с вытянутыми костяками. Конечно, между сарматскими и агачкалинскими грунтовыми могилами имеются отличия, но они вызваны как хронологическим разрывом, так и теми процессами общественного развития, о которых говорилось выше. Важнейшим же признаком их генетической связи является то, что они грунтовые. Далее, в то время, как в равнинном Дагестане грунтовые могилы продолжают бытовать и даже преобладают над другими видами погребальных сооружений, как это видно на примере Агачкалинского могильника, для Северного Кавказа они вообще не характерны. Из тридцати просмотренных мною могильников встретились

¹ См. И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 12.

² Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник Древней Албании. Труды ГИМ, 1940, вып. XI, стр. 14.

³ Е. И. Крупнов. МИА, 1951, № 23.

лишь три грунтовых погребения — в Лаце¹, причем два из них подкурганые².

Говоря же о склеповых сооружениях, мы должны помнить, что речь идет не о возникновении их на Агачкалинском могильнике, ибо причиной их возникновения здесь является усилившееся экономическое неравенство в обществе и выделение отдельных знатных семей, а о выяснении прототипов архитектурной конструкции этих семейно-родовых усыпальниц.

Можно предположить, что конструкция склепов на территории Дагестана восходит к каменным склепам и ящикам каякентско-хорочоевской культуры.

В 1950 г. на плоскостной части территории Карабудахкента под курганом «Ярти-Тюбе» раскопан каменный склеп³ (длина 6 м, ширина 1 м и глубина 1 м), выложенный из диких камней и с перекрытием из каменных плит. Керамика с веревочным орнаментом датирует этот курган не позднее конца II тысячелетия до н. э. Другой тип памятников, которые также могли быть одним из источников возникновения конструкции склепов — это каменные ящики каякентско-хорочоевской культуры. Несомненно, при сооружении особых семейных усыпальниц Агачкалинского могильника использовался опыт предшественников. Сооружение гробницы № 11 как дополнение к склепу № 2, стремление сочетать кладку с вертикально поставленными плитами при строительстве склепов № 2, 3, 4 и 6 и, наконец, выявление на могильнике в 1950 г. каменного ящика — все это определенно говорит о том, что конструкция склепов восходит к вышеуказанным двум источникам. После каякентско-хорочоевской культуры, видоизменившейся под влиянием сарматской культуры, каменные гробницы закрытой конструкции на время исчезают, чтобы затем вновь появиться, в связи с изменениями в общественных отношениях, в качестве усыпальниц родовой знати.

Возникновение склепов-усыпальниц, вероятно, относится ко времени существования «Большого Буйнакского кургана», датирующегося III—VII вв. н. э., хотя для точной датировки необходимо установление хронологической шкалы для каждого погребения в отдельности.

К. Ф. Смирнов, основываясь на том, что «наиболее поздние вещи этого кургана однотипны с инвентарем восточного отделения склепа № 1 (отделения, раннего по времени.— Н. Ш.) Агачкалинского могильника, а также керамика «Буйнакского кургана» типологически близка Агачкалинской», делает вывод о «генетической связи между населением, хоронившим своих покойников с III—IV вв. н. э. в «Буйнакском кургане» и населением раннего средневековья в окрестностях Агачкалы»⁴. Эта культурная преемственность, вероятно, и определяет преемственность как в конструкции погребальных сооружений, так и в принципе их постройки. Но этим не исчерпывается значение «Большого Буйнакского кургана». Если учесть, что в нем были найдены позднеримские фибулы и вещи сарматской культуры⁵, определяющие нижнюю дату, то его ценность как связующего звена между культурой Агачкалинского могильника и хорошо известной нам сарматской культурой на территории равнинного Дагестана значительно возрастает. Можно утверждать, что процессы, отмеченные нами в результате анализа погребального обряда Агачкалинского могильника, берут начало в «Буйнакском кургане», где некоторые семейные склепы также

¹ Склеповые сооружения горной Осетии, 1928, стр. 10—12.

² Е. Г. Пчелина. Два погребения времени алаано-хазарской культуры из сел. Лац. Труды РАНИОН, вып. IV, стр. 408—410.

³ Данные сведения приводятся по материалам К. Ф. Смирнова.

⁴ К. Ф. Смирнов. Отчет за 1949 г. Архив КПИИМК, дело № 329, стр. 329.

⁵ К. Ф. Смирнов. Отчет за 1948 г. Там же, № 255, стр. 63.

сопровождались погребениями вне склепа, в насыпи кургана¹, т. е. грунтовыми погребениями, которые являлись продолжением развития типа сарматской грунтовой ямы.

Таким образом, склепы Агачкалинского могильника в своей конструкции синтезируют более древние каменные погребальные сооружения. Разумеется, что такие погребальные сооружения не могут служить показателем этнической принадлежности.

Склепы вообще являются достаточно распространенным типом погребального сооружения на Северном Кавказе в период VI—XI вв. н. э. наряду с катакомбами и каменными ящиками.

Все склеповые могилы Северного Кавказа довольно однотипны по своей конструкции и близки к Агачкалинским, отличаясь одна от другой лишь приемами кладки и размерами.

Остановимся на некоторых вопросах погребального обряда Северного Кавказа в период раннего средневековья (VI—XI вв.). В одной из своих работ Е. И. Крупнов, обобщая материал по погребальному обряду Северного Кавказа, пишет: «Если для археологических культур степной и лесостепной полосы такие признаки, как курганные, ямные, катакомбные погребения или погребения в срубках и т. д. и могут являться признаками устойчивыми, характеризующими определенную культуру определенной эпохи, то в условиях Кавказа эти признаки, как правило, теряют свою устойчивость и исключительность»². Это положение он распространяет и на круг памятников раннего средневековья³, что вполне правильно.

В период раннего средневековья на Северном Кавказе наблюдается очень однородная культура, условно называемая «алано-хазарской», включающая разнообразные памятники — склепы, катакомбы, каменные ящики, грунтовые могилы⁴ и т. д. Такая картина осложняет исследования этой эпохи.

Нет сомнения, что погребальный обряд раннего средневековья неустойчив и не может характеризовать тот или иной этнический массив вследствие значительного взаимопроникновения племен. Но это вовсе не означает, что погребальный обряд Северного Кавказа в VI—XI вв. перестает быть историческим источником. Не претендуя выявить все причины, породившие многообразие погребальных сооружений, нам кажется возможным сделать следующие самые общие выводы из изученного нами материала.

1. Каменные ящики Дагестана эпохи раннего средневековья в виде гробов, содержащие в себе, как правило, один-два костяка, прямо преемственны от каменных ящиков Северного Кавказа эпохи бронзы. Различие между ними (форма, размеры) вызвано изменением обряда трупоположения — переходом от скорченного к вытянутому.

2. Склеповые могилы Северного Кавказа по своей конструкции (форме) довольно однотипны и содержат от одного до 12 костяков и, по всей вероятности, являются семейными усыпальницами. Их возникновение вызвано теми же причинами, что и в Агачкале.

3. Почти полная локализация известных нам склепов и каменных ящиков на одной территории (большей частью в горных районах Осетии) свидетельствует о том, что склепы по типу конструкции связаны с камен-

¹ К. Ф. Смирнов. Отчет за 1948 г. Там же, № 255, стр. 64.

² Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ. Известия Сев.-осет. научно-исследовательского института, 1940, стр. 130.

³ Там же, стр. 132.

⁴ Имеются в виду грунтовые могилы Агачкалы и два погребения из с. Лац. Е. Г. Пчелина. Труды РАНИОН, вып. IV, стр. 408—410.

ными ящиками, а их совместное бытование, вероятно, вызвано социальными причинами.

4. Другим типом погребального сооружения, характерным для Северного Кавказа в VI—XI вв., является катакомба. Ее бытование в это время можно объяснить тем, что катакомбы в определенных условиях местности могли прекрасно выполнять роль как каменных ящиков, так и длительно существовавших семейных усыпальниц-склепов.

Таким образом, в основе изменения погребальных сооружений Северного Кавказа в VI—XI вв. лежит развитие и изменение семейной ячейки, вызванное социально-экономическими причинами, конечно, при учете и других факторов (проникновение новых этнических элементов, изменение культа и т. д.).

Что же касается объяснения их происхождения земельной теснотой¹ и т. п., то такое объяснение не имеет под собой никакой почвы. В самом деле, непонятно, почему в одном коллективе должны были существовать разные культы. Почему строительство громадных склепов, катакомб, каменных ящиков должно было сократить потери земли под могильники.

Земельная теснота сказалась не в типе погребального сооружения, а в местоположении могильников. Если мы ознакомимся с расположением могильников этого времени (вспомним расположение Агачкалинского), то увидим, что могильники в период раннего средневековья располагаются на склонах, холмах, уступах или террасах горы и даже на горе. Если такое расположение катакомб можно объяснить техническими причинами, т. е. удобством их сооружения на глинистом склоне, то оно вовсе не объясняет подобного расположения склепов, а тем более каменных ящиков и грунтовых могил Агачкалы. Местоположение склепов и катакомб на склонах определяет расположение входа со стороны склона, даже независимо от ориентировки склепа². Каменные же ящики, не имевшие входа, зачастую имели наружные признаки в виде круга из камней, плашмя положенной плиты, столбов и т. д.

Итак, особенности расположения склепов и других могил говорят о возросшей населенности Северного Кавказа в период раннего средневековья и о борьбе за максимальное использование земли.

Погребальный обряд и погребальные сооружения VI—XI вв. н. э. на Северном Кавказе, не являясь чисто этническим показателем, сохраняют значение исторического источника для изучения общественной жизни и культуры племен Дагестана и Северного Кавказа.

¹ Миллер. МАК, вып. I, стр. 53.

² Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ. Изв. Сев.-осет. научн.-исследов. института, в. IX, рис. на стр. 139

Л. П. СЕМЕНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В АССИНСКОМ УЩЕЛЬЕ

Северная часть Ассинского ущелья, входящая в пределы Грозненской области, представляет выдающийся интерес в археологическом отношении. До Октябрьской революции памятники материальной культуры этого района лишь изредка привлекали внимание отдельных лиц.

В. И. Долбежев в 1891 г. близ станицы Нестеровской, лежащей у выхода ущелья на равнину, раскопал курган, заключавший в себе погребение эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.)¹; предметы, добытые при раскопках, хранятся в Государственном историческом музее. Ф. С. Панкратов в 1913 г. в окрестностях б. станицы Фельдмаршальской (находившейся к югу от станицы Нестеровской) раскопал курганные насыпи, содержавшие богатый комплекс аланских изделий VIII—X вв., очень близких к салтовским (Южная Украина) — конский убор, предметы вооружения и пр.²; инвентарь этих погребений находится в Грозненском музее краеведения. Ряд случайных находок кобанского типа и поздние вещи из «ущелья Ассы» (бусы, железные ножницы, ножи и меч, татарские серебряные монеты) отмечены в труде П. С. Уваровой «Коллекции Кавказского музея»³. Судя по этим разрозненным находкам, можно было предположить, что дальнейшие изыскания в Ассинском ущелье позволят археологам раскрыть много новых страниц, освещающих далекое прошлое края.

И действительно, в советское время систематически проводившиеся археологические работы привели к ряду ценных открытий. Особенно важны раскопки, производившиеся экспедициями Государственного исторического музея, которыми руководил Е. И. Крупнов. В процессе многолетних раскопок обнаружены и изучены: селище близ селения Алхасте (с керамикой срубного и раннескифского типов), относящееся к концу второго и к первой половине I тыс. до н. э., Нестеровский могильник скифской поры (VI—IV вв. до н. э.), сарматская катакомба (II—III вв. н. э.), катакомбное аланское погребение (VIII—IX вв.) и невысокие курганы с погребениями в дубовых колодах, датируемые XIV—XV вв. Из случайных находок, отмеченных Е. И. Крупновым, большой интерес пред-

¹ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Труды ГИМ, М., 1941, вып. XII, 160—161. — Его же. К историко-археологическому изучению Грозненской области. Известия Грозненского областного института и музея краеведения. Грозный, 1948, вып. 1, 53.

² Газета «Терские ведомости», 1914 г., № 54—56.

³ Тифлис, 1902, V, стр. 36—38.

ставляет описанный им каменный сверленный топор с лопастью, найденный в окрестностях селения Верхний Алкун (II тысячелетие до н. э.)¹.

В последнее время изучение древностей Ассинского ущелья ведется Грозненским музеем. Работы последних лет также привели к успешным результатам (обнаружены изделия позднекобанской и более древней культуры Кавказа).

В настоящей статье сообщается о некоторых самостоятельных работах, проводимых мною в Ассинском ущелье.

Учитывая, что археологические раскопки велись долгое время только на левом берегу реки Ассы, в 1938 г. я произвел разведку на правом, в селениях Верхний Датых и Верхний Алкун, где мной были открыты древние могильники.

Селение Верхний Датых расположено на высоком левом берегу р. Фортанги, в широкой долине. На его северо-западной окраине возвышается большой холм, сплошь занятый древним могильником с погребениями в каменных ящиках. На юго-востоке от селения, на краю глубокого оврага, находится ряд крупных подземных склепов типа, известного по погребениям близ сел Шуан, Салги и Бишт. При предварительном внешнем осмотре насчитывалось не менее восьми склепов. Они вскрыты и, по-видимому, опустошены. Их ориентировка одинаковая: лаз выходит на юг. Сложены они из больших камней на известковом растворе. Отметим, для примера, размер одного из них: длина камеры 5,53 м, ширина северной стены — 1,26 м, южной 1,21 м. Дно каменистое. Справа от входа, на высоте 0,42 м от пола, в стену вделана плита толщиной в 0,06 м. Внутри склепы завалены обломками плит от свода, мелкими камнями и плотно слежавшейся землей. В двух местах из-под растительного слоя видны толстые каменные плиты, — возможно, что это верхние плиты других нетронутых подземных склепов.

Против того же могильника, на другой стороне оврага, на берегу реки стоит старинная жилая башня, единственная в этом селении.

Не располагая временем, чтобы заняться подробным осмотром и раскопкой склепов, я уделил внимание холму с каменными ящиками. Приблизительная величина его: с запада на восток — около 120 м, с севера на юг — около 140 м. Он порос травой, из-под которой во многих местах видны верхние или боковые плиты каменных ящиков. Ориентировка могил, заметных при внешнем осмотре, одна и та же: с запада на восток. Значительное количество погребений обнажается и разрушается от ветра, дождей и таяния снега; кроме того, могильник пересекается несколькими пешеходными тропинками и колесными дорогами.

Из обследованных трех погребений два уже были частично вскрыты и содержимое их расхищено, третье оказалось неразграбленным, но несколько поврежденным.

Каменный ящик № 1 находился в центральной части холма. Из-под земли, лишенной растительности, видны каменные плиты, беспорядочно прикрывавшие ящик. По удалении их в могиле найдены в перемешанном виде кости ребенка и два глиняных сосуда красноватого цвета, довольно хорошей сохранности (рис. 33). Это — кувшины с коротким горлом, одной ручкой и плоским дном. Один из них имеет в высоту более 10 см, горло его немного суживается кверху, ручка сплюснутая. Ниже горла вокруг сосуда сделан пояс из неглубоких ямок; ниже ручки, в наиболее расширенной части кувшина, орнамент в виде двух прямых и трех волнистых линий между ними. Другой сосуд высотой более 9 см.

¹ Труды ГИМ, вып. XII и XVII, 1941 и 1948 гг. Известия Грозненского областного института и музея краеведения, 1948 г., вып. 1 (статья Е. И. Крупнова).

Устье горла немного расширено вверх. Ручка менее сплющена, ниже ее — орнамент в виде двух прямых линий и третьей волнистой между ними. Ручка каждого кувшина начинается у самого края горла и немного возвышается над ним.

Каменный ящик № 2 расположен к югу от могилы № 1. Верхние поперечные плиты были обнажены. Длина боковых сторон ящика

Рис. 33. Кувшины из каменного ящика № 1 (могильник близ с. Верхний Датых).

вреждена, от третьей сохранилось одно ушко). 83 Серебряная шаровидная полая подвеска, опоясанная двойной скрученной проволокой (сильно повреждена). 9) Три маленьких обломка украшения из кости, на двух — выпуклый орнамент.

Каменный ящик № 3 находился к востоку от могилы № 1. Из-под земли и травы виднелись края каменных сланцевых плит; верхние, прикрывавшие могилу, лежали в два слоя. Плиты сильно вдавлены внутрь могилы; между ними имелись щели. Каменный ящик, сильно разрушенный с восточной и северной сторон, был заполнен сухой слежавшейся землей. Длина ящика 1,54 м, ширина в головах 0,30 м, в ногах 0,34 м, глубина 0,37 м. После расчистки могилы в ней найдено женское погребение. Костяк лежал в вытянутом положении, на спине; колени слегка приподняты. Кости плохой сохранности. Каменное дно могилы под костяком покрыто слоем глины (около 20 см толщины). В могиле находились следующие предметы (рис. 35). 1) Обломки глиняного сосуда красно-

1,22 и 1,34 м, ширина в головах 0,50 м, в ногах 0,33 м, глубина — около 0,30 м. Заключенные в могиле кости женщины и предметы перемешаны. В погребении найдены различные предметы (рис. 34).

1) Обломки глиняного сосуда красноватого цвета со сплюсненной ручкой и плоским дном. 2) Круглое тонкое зеркало из металлического сплава (разбитое на две части) с рельефным орнаментом в виде круга (в центре) и четырех дуг, пересекающих его. Концы этих дуг соединены с четырьмя другими дугами, опирающимися на края зеркала. Внутри круга в середине зеркала — небольшая выпуклина, близ края сделано круглое отверстие — очевидно, для подвешивания; диаметр зеркала 7,2 см. 3) Проволочный браслет из серебра, незамкнутый, с завитками на концах (разломан на восемь частей); диаметр около 6,8 см. 4) Бусины: одна — сердоликовая удлиненная, восьмигранная (длина 2,1 см), две — зеленого цвета, 13 — белых. 5) Маленькое железное колечко. 6) Маленькая железная ложечка с отверстием в расширенной части (повреждена). 7) Бронзовые шаровидные полые пуговицы с ушком (одна целая, другая по-

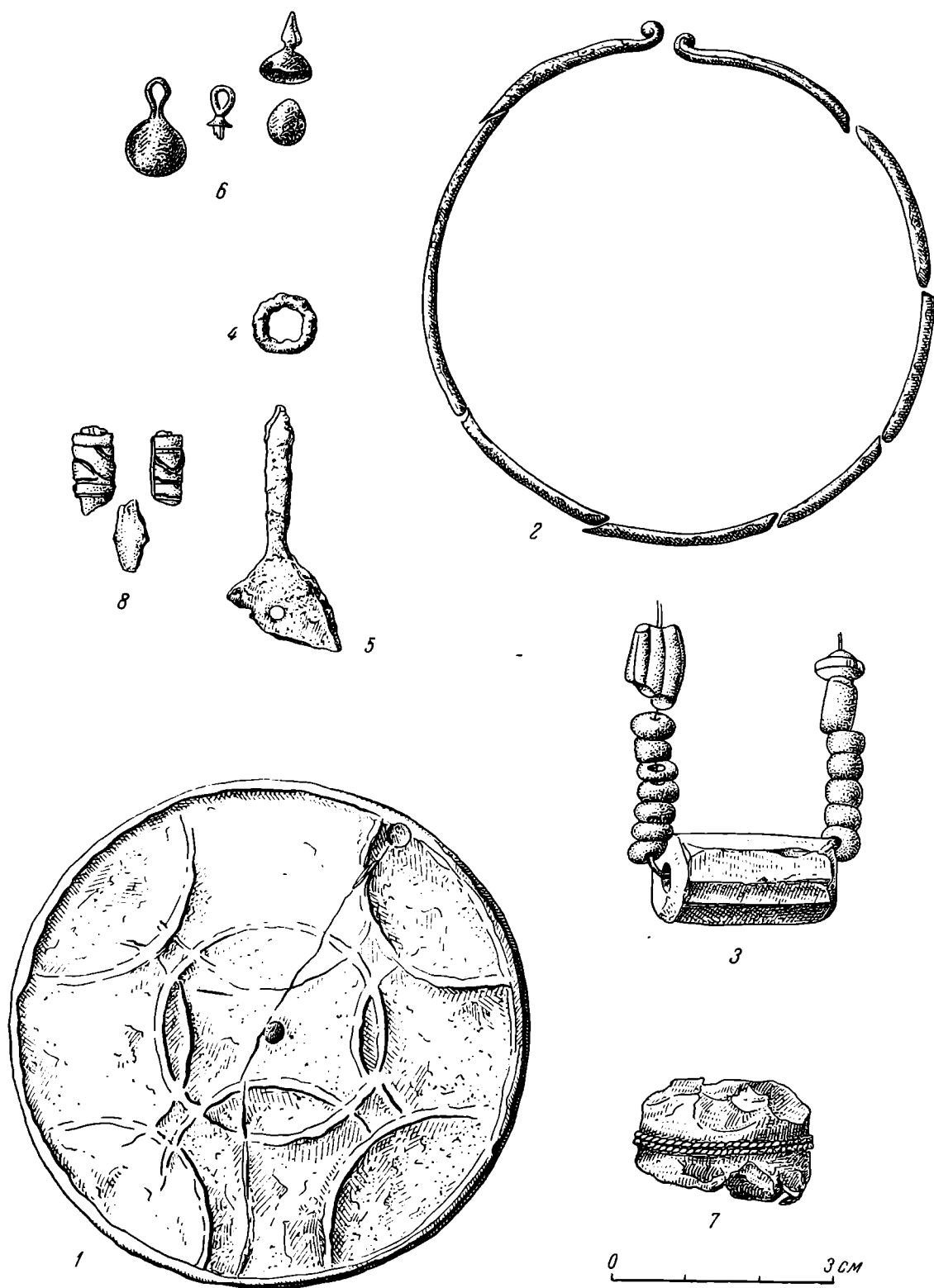

Рис. 34. Инвентарь каменного ящика № 2 (могильник близ с. Верхний Датых).

1 — металлическое зеркало; 2 — серебряный браслет; 3 — бусы; 4 — железное колечко; 5 — железная лопаточка; 6 — бронзовые пуговицы; 7 — серебряная подвеска; 8 — украшения из кости.

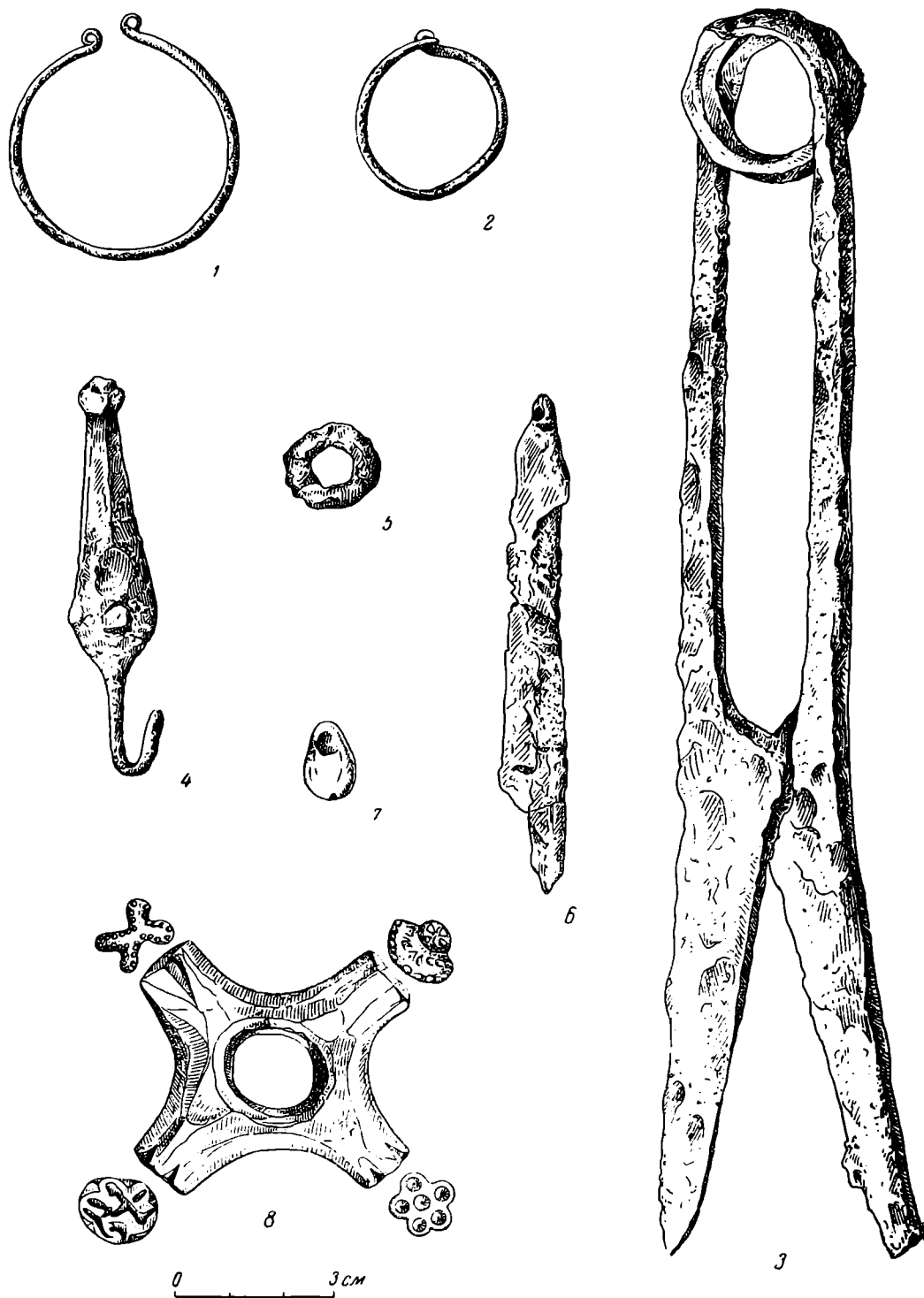

Рис. 35. Инвентарь каменного ящика № 3 из могильника близ селения Верхний Датых (1—7) и случайная находка близ селения Нижний Алкун (8):

1 и 2 — бронзовые височные кольца; 3 — железные ножницы; 4 — железная застежка; 5 — железное колечко; 6 — железный нож со следами ножен; 7 — раковина с отверстием; 8 — предмет из туфа с вырезанными на концах знаками для штампов.

ватого цвета с плоским дном (в головах). 2) Височные кольца — одно незамкнутое бронзовое проволоочное с завитками на концах, диаметр 4,4 см; другое — незамкнутое с завитком на одном конце, диаметр 2,8 см; кольца лежали по одному с каждой стороны черепа. 3) Железные ножицы со спиральным кольцом на конце; длина 24,7 см. 4) Железный предмет, один конец которого сужен, другой расширен; на одном конце имеется крючок (на груди). 5) Маленькое железное кольцо справа у пояса. 6) Железный нож со следами деревянных ножен; длина 9,5 см (у пояса). 7) Белая небольшая раковина с отверстием (в ногах).

На том же могильнике собран следующий подъемный материал из отдельных разрушенных каменных ящиков (рис. 36): два железных ножа (каждый из двух обломков), длина одного 16,2 см, другого 7,7 см; небольшой бронзовый гвоздь; бронзовая шаровидная полая привеска с ушком (из двух обломков); костяная круглая пуговица с одним круглым отверстием, верхняя ее сторона сужена и носит следы полировки, по краям в трех местах видна насечка из одной-двух косых бороздок черного цвета, оборотная сторона плоская, гладкая; два обломка сплюсненной ручки глиняного сосуда красноватого цвета; верхняя часть глиняного сосуда того же цвета с коротким носиком и следами отбитой ручки; восемь обломков глиняного сосуда того же цвета с волнообразным орнаментом в расширенной части и плоским дном.

Рассмотрим инвентарь датыхских могил, обследованных нами.

В каждой могиле имеются глиняные сосуды — один или два — с плоским дном и несложным орнаментом. В погребениях довольно много железных изделий — небольшие ножи (со следами деревянных ножен),

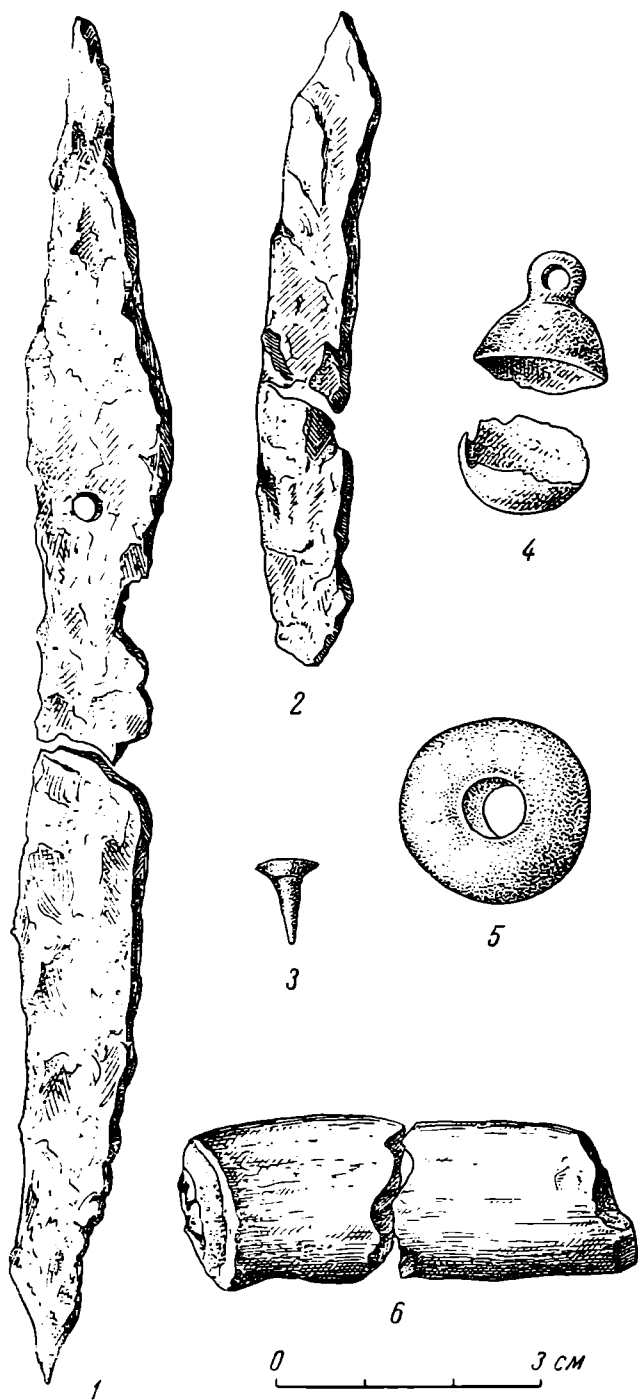

Рис. 36. Подъемный материал из разрушенных каменных ящиков могильника в селении Верхний Датых:

1 и 2 — железные ножи; 3 — бронзовый гвоздь; 4 — бронзовая привеска; 5 — костяная пуговица; 6 — обломок ручки глиняного сосуда.

ножницы, кольца различной величины и т. п. Имеется небольшое количество бус, мелких серебряных и бронзовых изделий; есть шаровидные пуговицы и привески (одна сделана из небольшой раковины), височные кольца, круглое орнаментированное зеркало из металлического сплава.

Некоторые предметы датыхских каменных ящиков заметно сходны с поздними аланскими изделиями из могильников Северной Осетии. Например, датыхские глиняные сосуды похожи на сосуды из Даргавса — с одной ручкой, возвышающейся над краем, с таким же несложным орнаментом и плоским дном¹. Металлическое зеркало из того же Даргавса, с несколько иным рельефным узором, напоминает по общему виду датыхское (П. С. Уварова явно ошибочно датирует описанное ею зеркало из осетинского могильника VI—VII вв.)². Проволочный браслет с завитками на концах по форме близок к бронзовому браслету из Балты³. Железные ножницы со спиральным кольцом на конце часто встречаются в сравнительно поздних погребениях Северной Осетии⁴. Шаровидная бронзовая привеска также встречена в позднем могильнике сел. Лац⁵.

Аланские изделия в датыхских погребениях малочисленны и представлены большею частью предметами довольно поздней эпохи. Здесь нет массивных бронзовых вещей (браслетов, топориков и кинжалов, пряжек и фибул), подвесок, выполненных в зверином стиле, украшений с эмалью, золотых вещей утонченной формы, резных камней, красочных бус с затейливым узором, стеклянных цветных бокалов, золотых и серебряных монет (византийских и арабских) и многих других предметов, характеризующих знаменитые могильники с каменными ящиками или катакомбами сел Камунта, Чми, Балта и других, относящихся к VI—IX вв.

Датыхские погребения датируются более поздним временем, примерно XIII—XIV вв., т. е. их следует относить к той эпохе, когда во многих районах среднего течения р. Терека, на обоих его берегах, еще существовал обычай захоронения в коллективных подземных и полуподземных могильниках (IX—XIV вв.) и в то же время стали возникать наземные склепы (XIV—XVII вв.). В подземных и полуподземных склепах, например могильников у селений Салги, Бишт, Шуан и других, нам приходилось встречать много изделий поздней аланской поры. Особенно много этих предметов в «Райском кургане» (сел. Шуан), в могилах которого найдены золотые, серебряные и бронзовые серьги, бронзовое круглое зеркало с рельефным орнаментом и другие предметы, относящиеся к XI—XII вв. и даже более раннему времени. Там же нами были найдены глиняные сосуды с начертанными на них грузинскими письменами, смысл которых пока не установлен. По определению акад. А. Г. Шанидзе, эти надписи относятся ко времени не ранее XIII—XIV вв.

В одном подземном склепе, раскопанном нами на том же могильнике в 1937 г. и содержащем коллективное погребение, были найдены помимо различных бытовых предметов две джучидские монеты — одна серебряная, другая медная, с отверстием для подвешивания. Первая из них относится к 1312—1313 гг., вторая сильно попорчена и не поддается точной датировке. Первая монета дает основание отнести склеп ко времени не ранее XIV в. Близ того же склепа были раскопаны шесть каменных ящиков, залегавших в трех ярусах. В одном были найдены три серебряных диргема (747 г., 768 г. и 954—955 гг.). Все упомянутые монеты определены

¹ МАК, т. VIII, М., 1900, стр. 107, табл. LXXVIII, рис. 1 и 2.

² Там же, стр. 106 и 378, табл. LIV, рис. 13.

³ Там же, стр. 134, табл. LXV, рис. 19.

⁴ Там же, стр. 193 (Задалеск), 252 (Нижняя Рутха), 287 (Галиат); эти погребения Уварова тоже относит к VI—VII вв. (стр. 378).

⁵ МАК, т. I, М., 1898, табл. XII, рис. 13.

нумизматом Государственного Эрмитажа А. А. Быковым. Учитывая наличие монеты X в., служившей в качестве женского украшения, эту могилу можно отнести ко времени не древнее X—XI вв.

Позднейшие погребения подземных и полуподземных склепов, как и наземных (с двускатной и пирамидальной кровлей), изобилуют железными изделиями поздних типов, что мы наблюдаем и в датыхских каменных ящиках. Связь этих поздних погребений с аланской культурой подтверждается не только присутствием в них целого ряда предметов аланского типа (браслет, круглое зеркало, шарообразные бронзовые пуговицы и т. д.), она проявляется и в самом похоронном обряде. Мы уже упомянули, что в одной из датыхских могил каменистое дно было покрыто толстым слоем глины. Такая же особенность типична и для некоторых аланских погребений — в селениях Лац, Галиат, Камунта, на что указывала еще П. С. Уварова¹.

Нам не пришлось при проведении разведочной раскопки ознакомиться с типом мужского погребения того же могильника. Дальнейшие работы восполнят этот пробел и дадут возможность полнее изучить датыхский могильник, в частности уточнить его датировку.

Селение Верхний Алкун находится на правом берегу р. Ассы, к юго-западу от Верхнего Датыха. На расстоянии около 0,5 км к северо-западу от В. Алкуна, на склоне горы, возвышается небольшой холм, мимо которого (с северной стороны) проходит проезжая дорога. Длина холма — около 60 м, ширина — около 20 м. Западная его часть высоко приподнята; к югу склон его понемногу снижается. К северо-востоку от холма сохранились развалины жилой башни. Несколько далее за башней расположен большой подземный склеп, лаз которого обращен к востоку и завален камнями; внешне он напоминает сооружения, известные нам в селениях Шуан, Салги, Бишт.

На этом холме и близ него (вдоль дороги) расположены катакомбы. Присутствие некоторых из них заметно по впадинам, заполненным рыхлой землей, или (на дороге) по небольшим, но глубоким отверстиям. Других явных наружных признаков катакомбы не имеют. Для разведочной раскопки я наметил катакомбу, расположенную в средней части холма. Над ней была круглая яма диаметром около 1 м. Купол камеры был почти совершенно разрушен, внутри она была сплошь заполнена землей. Лаз находился в юго-западной части. Катакомба имела сферический свод. Дно могилы находилось на глубине 2,20 м от края провала; оно имело овальную форму, близкую к кругу ($1,98 \times 2,07$ м), и было плотно покрыто мелким древесным углем. Сохранившаяся часть свода и стены катакомбы были довольно гладко зачищены каким-то широким орудием, и земля, заполнявшая камеру, легко отставала от свода и стен.

В могиле был обнаружен женский скорченный костяк очень плохой сохранности, лежавший на правом боку, лицом к западу. Остатки костяка и находившиеся при нем предметы (рис. 37) занимали небольшое пространство, имевшее в длину около 0,80 м, в ширину — 0,30 м. Под костяком лежал слой древесного угля толщиной 1,5—2 см.

Возле черепа (совершенно разложившегося) найдены две маленьких бронзовых серьги в виде незамкнутого колечка; диаметр 1,8—1,9 см; внутри к каждой серьге прикреплена тонкая проволока с тремя завитками, к одной привешены на тонкой проволоке четыре мелких бусины, к другой — две. Там же была бронзовая серьга, сильно поврежденная (из двух частей), в виде колонки с прикрепленным к ней сверху кольцом; нижний конец колонки был, повидимому, украшен шаровидной частью

¹ МАК, т. VIII, стр. 167, 287, 296.

(с мелкой зернью или без нее). Немного ниже черепа — бронзовая трубчатая спираль-пронизка (длиной 2,5 см). Еще ниже, в области шеи и груди, — ожерелье, состоящее из бус (круглых, удлинённых и плоских — стеклянных и из пасты, одноцветных или украшенных узором, в количестве 27 экз.), трех раковин (двух — с отверстием, от третьей — два обломка), двух бронзовых бубенцов (один целый, от другого сохранилась половина), двух круглых медных тонких подвесок с двумя отверстиями на краях (диаметр одной 3 см, другой 1,7 см; на второй выбит несложный точечный орнамент — круг по краю и крест в середине), одной круглой медной подвески (диаметр 3 см), похожей по виду на маленькое металлическое зеркало (на одной стороне в середине выпуклая петля для привешивания, другая сторона гладкая); обломок круглого зеркала из металлического сплава с рельефным узором из рожков, расположенных в два яруса, и с выпуклой петлей для привешивания (радиус зеркала 4 см); железный нож (из двух обломков) длиной 9 см со следами деревянных ножен.

Мелкие бусины прикреплены к серьге посредством подвижной петли. Трубчатая спираль изготовлена из узкой бронзовой полоски, выгнутой наружу. Возможно, что обломок металлического зеркала использовался не только по прямому назначению, но и в качестве подвески. Узор цветных бус ожерелья очень разнообразен: белые или красочные глазки, полосы разного цвета, двойные белые круги или мелкие пятна. Бубенчик имеет удлинённо-округлую форму и глубокий продольный разрез.

Сопоставляя предметы этой катакомбы с изделиями, известными из других районов Северного Кавказа, отметим их близость к некоторым вещам из других могильников Грозненской области и Северной Осетии. Так, в раскопках дубаюртовских катакомб А. П. Кругловым были найдены аналогичные вещи: бронзовые бубенцы, многокрасочные бусы, бронзовые спиральные пронизки¹. Обломок зеркала с рельефным орнаментом в виде рожков очень похож на зеркало из Чми; на обоих орнамент состоит из двух ярусов рожков, завитки которых обращены вправо². Красочные бусы описанного типа известны из погребений селений Дзивгис, Лац и Рухта³.

В 1939 г. экспедицией ГИМ, при участии автора, на том же холме была раскопана еще одна катакомба, заключавшая в себе мужское и женское погребения; при них найдены серебряные и бронзовые изделия — браслеты, серьги, привески, перстни, трубочки, обломок фибулы, бляшки, пуговицы, бубенцы; цветные бусы, нож, металлические зеркала, стеклянный перстень, глиняные сосуды с ручкой, медные и серебряные арабские монеты VIII в.; железный топор — молот. Один из бронзовых перстней украшен камнем красного цвета, на котором схематично вырезано, повидимому, изображение стоящего животного.

Эти предметы, особенно зеркала, во многом повторяют инвентарь первой алкунской катакомбы. Е. И. Крупнов сближает вещи обеих алкунских катакомб с предметами погребений селений Гоуст, Балта, Чми. По его мнению, обе катакомбы В. Алкуна можно датировать эпохой не ранее IX в.⁴; я разделяю это мнение.

¹ А. П. Круглов. Археологические раскопки в 1936 г. Грозный, 1938, оттиск, стр. 17 и таблица предметов, найденных в катакомбе № 3.

² МАК, т. VIII, стр. 122—123 (рис. 105). По словам Уваровой, это зеркало «покрыто совершенно особым орнаментом», т. е. является редким экземпляром.

³ МАК, т. I, табл. XI и XII; т. VIII, табл. XC (рис. 1); отметим, что в могильниках селений Дзивгис и Лац встречаются и просверленные раковины (те же таблицы).

⁴ Труды ГИМ, XVII, 1948, стр. 39, рис. 20 на стр. 24 (№ 9—11).

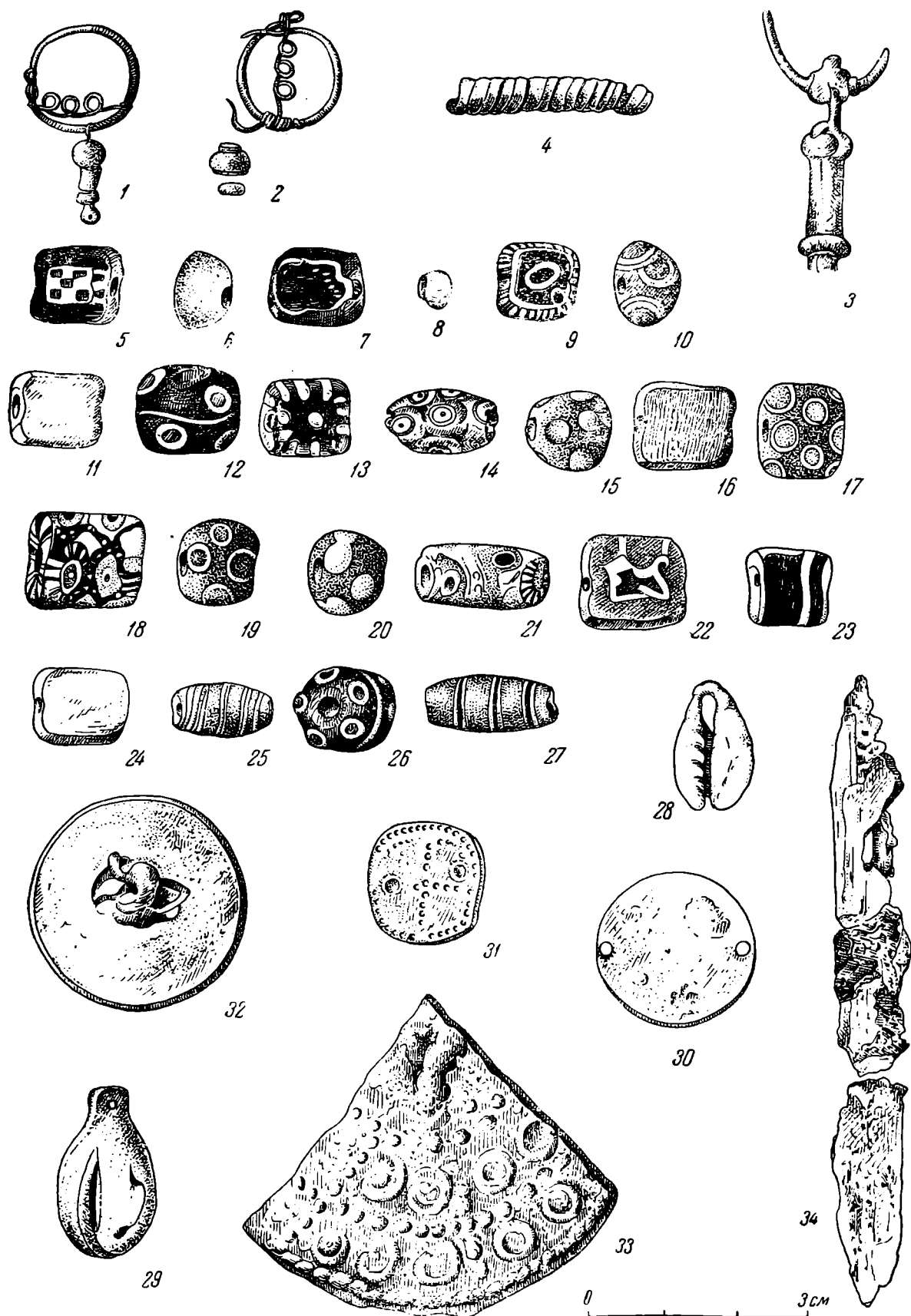

Рис. 37. Инвентарь катакомбы могильника в селении Верхний Алкун:

1—3 — бронзовые серьги; 4 — бронзовая пронизка; 5—27 — бусы; 28 — раковина; 29 — бронзовый бубенчик; 30—32 — медные подвески; 33 — обломок металлического зеркала; 34 — нож со следами ножен.

По нашим наблюдениям, в Северной Осетии и Грозненской области многие места служили для погребений на протяжении очень долгого времени. Например, в Северной Осетии Кобанский холм заключает в себе захоронения, относящиеся ко времени от конца II тысячелетия до н. э. — до начала XX в. Подобную традицию можно отметить на могильниках селений Чми, Галиата, Камунты, г. Дзауджикау и других мест Северной Осетии. В Грозненской области подобный характер имеет могильник, расположенный между станицами Нестеровской и бывшей Фельдмаршальской. Здесь на небольшом участке можно встретить погребения грунтовые, в каменных ящиках, катакомбах, пещерах, подземных и наземных склепах под курганами. То же относится к датыхскому и алкунскому могильникам.

В Датыхе сначала погребали в подземных склепах, затем в каменных ящиках; вблизи имеется и позднейшее кладбище — XIX—XX вв. В Верхнем Алкуне древнейшими погребениями являются катакомбы на небольшом холме и близ него. Здесь погребались покойники одиночно (катакомба № 1) и коллективно (катакомба № 2). Все захоронения расположены неглубоко под растительным слоем, тогда как катакомба, раскопанная Е. И. Крупновым и мною в 1937 г. близ сел. Алхасте, находилась на глубине 2 м. Катакомбы на р.ASSE вырыты в глинистом грунте (как в окрестностях г. Дзауджикау). Во всех случаях катакомбы не отмечены снаружи никакими внешними знаками, тогда как погребения в грунте, подземных склепах, каменных ящиках часто заметны по вертикальным каменным плитам или столбикам (Джимара, Галиат) или крупным камням, которыми обложены вокруг невысокие курганчики (Лац). Позже катакомб для захоронений близ алкунского холма был устроен большой подземный склеп, расположенный немного выше катакомб, а затем появилось кладбище с вертикальными каменными плитами, употреблявшимися уже в XIX и XX вв.

Возле древних кладбищ обыкновенно расположены небольшие поселки или крупные селения (как в селениях Кобань, Камунта, Дергавс, Джимара, Какадур и др.). Близ датыхского и алкунского могильников также воздвигнуты башни, свидетельствующие о том, что и здесь кладбище было рядом с поселением. Это было связано, повидимому, с культом предков.

Хоронили с XIV—XV вв. в каменных ящиках, в наземных склепах или позже просто в земле, причем могилы отмечались каменной оградой, вертикальными каменными плитами. Последние расписывались в позднее время красками, узорами и снабжались датами и резными надписями на арабском или русском языках (сел. Джимара).

В очень редких случаях в древности аланские памятники снабжались датами; иногда надпись делалась греческими письменами, с упоминанием целого ряда личных имен, как на известной зеленчукской памятной плите, относящейся к X в.¹ В Нузальской часовне, являвшейся в то же время усыпальницей, надпись сделана на грузинском языке².

Кроме описанных, в Ассинском ущелье мною зарегистрированы и другие археологические памятники.

На левом берегу Ассы у селения Мужич находятся близ дороги подземные и полуподземные склепы. В этом селении и севернее селения Галашки имеются старинные каменные кресты. Мне передана случайная находка, обнаруженная на пахотном поле близ селения Нижний Алкун; крестообразный предмет, вырезанный из туфа (с круглым отверстием в середине); на каждом конце вырезан особый знак для штампа; размер предмета 6 × 6 см (рис. 35—8).

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, т. I, стр. 268.

² МАК, т. I, 1888, стр. 64.

В Северной Осетии, не так давно был найден ценный образец сасанидского искусства — серебряный кубок VI—VII вв., украшенный богатым жанровым орнаментом¹.

Обнаружение археологических находок на обоих берегах р. Ассы показывает, что Ассинское ущелье насыщено памятниками древности различной давности. Находки, сделанные в последние годы экспедициями, организованными ГИМ и Грозненским музеем, показывают, что это ущелье в северной его части было одним из значительных культурных очагов Северного Кавказа. Более широкое и систематическое изучение данного района будет способствовать ознакомлению с древней материальной культурой, представляющей выдающийся интерес не только для истории края, но и южных районов РСФСР и Украинской ССР.

¹ См. описание в статьях К. В. Тревер и Е. Г. Пчелиной, помещенных в «Трудах Отдела Востока» Государственного Эрмитажа. Л., 1947, т. IV.

П. П. ЗАКАРАЯ

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ШИДА-КАРТЛИ

Грузинский народ на протяжении многих веков отстаивал свою самостоятельность в борьбе с внешними врагами, вторгавшимися в пределы Грузии. Начиная с I в. до н. э., Рим, сасанидская Персия, Византия, Арабский халифат, турки-сельджуки, монголы, сефевидский Иран и, наконец, Турция безуспешно пытались поработить грузинский народ.

Немыми свидетелями этой многовековой борьбы за независимость являются многочисленные крепости и башни, сохранившиеся до наших дней.

Грузия в основном горная страна, поэтому здесь с древнейших времен особенно широко применялась система укрепления дорог, проходящих по ущельям рек. Значительные крепости воздвигались и на равнинах.

При постройке крепостей почти всегда учитывались своеобразие местности и значение дороги; это обстоятельство заставляло строителей находить соответствующие формы.

Несмотря на то, что вся территория Грузии усеяна крепостями и башнями, все же изучение их находится лишь в начальной стадии, тогда как культовые сооружения, которых также много, уже давно стали объектом исследования. В настоящей статье излагаются предварительные результаты изучения фортификационных сооружений одной лишь части Грузии — Шида-, или Земо-Картли, т. е. внутренней Картли. За три года (1948—1950) специально организованная экспедиция Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа обследовала и зафиксировала почти все такие памятники, находящиеся на этой территории.

Шида-Картли не являлась обособленной политической единицей. Но с 30-х годов XIII в., когда под влиянием процесса феодализации и некоторых внешних причин Грузия слабеет, на территории Шида-Картли усиливаются четыре феодальных образования. С XIII в. здесь особенно выделяются Ксанские эриставы (эристав — правитель области, воевода), в XIV в. — Арагвские эриставы, в первой половине XV в. формируется Амилахорское княжество и, наконец, в первой половине XVI в. — княжество Мухран-Батони. История каждого из них индивидуальна, но общее у них — борьба за самостоятельность. В них особенно был развит партикуляризм, так же как это наблюдается и в других феодальных государствах. Борясь за независимость, каждый феодал стремился укрепить границы своих владений. Крепости и башни в основном строились против внешних врагов, но немаловажную роль играла и вражда феодалов.

Остатки ранних крепостей как вообще в Грузии, так и, в частности, на территории Шида-Картли немногочисленны, тогда как количество их в периоды средневековья, а особенно позднего феодализма, значительно возрастает. Причину этого прежде всего следует искать в особенностях политической истории Грузии.

Грузия позднефеодальной эпохи, со всех сторон окруженная врагами, вела бесконечную борьбу. Кроме того, страна страдала от междоусобных войн. В XVII в. и особенно в XVIII в. она подвергалась еще непрерывным набегам лезгин. Все эти обстоятельства обуславливают увеличение числа крепостей и башен.

Границы территории Шида-Картли неоднократно менялись. Главная дорога, идущая вдоль реки Куры, требовала особенной защиты и укреплений. С севера через Кавказский хребет в Грузию вело несколько дорог. Большая часть из них — главные пути — проходила именно через земли Шида-Картли. Самая значительная из дорог шла вдоль рек Терека и Арагви. Ее издавна стремились укрепить и во все времена особенно обороняли. Вдоль дороги расположено множество древних крепостей, из которых наиболее значительны Дариальская, Арша, Жинвали, Бебрис-цixe.

В ущелье реки Куры из сохранившихся древних крепостей особенное место занимал Уплис-цixe. Часть этого пещерного города несомненно возникла задолго до н. э. Стратегическое значение крепости очень велико; позднее, после вторжения арабов в Грузию, оно увеличивается, достигая кульминационной точки в X—XI вв. Однако с тех пор, как царь Давид Возобновитель в 1122 г. изгнал из Тбилиси турок-сельджуков и перенес сюда из Кутаиси центр страны, крепость Уплис-цixe теряет свое первоначальное значение.

В этом высеченном в скале городе-крепости много сооружений разного характера и времени — от последних веков I тысячелетия до н. э. и до средневековья. Некоторые являются бесспорным свидетельством блестящего этапа развития грузинской архитектуры.

Начнем наш обзор с вышеупомянутых крепостей, которые встречаются по Тереку и Арагви.

На северной границе Грузии терекское ущелье такое узкое, что сравнительно легко можно перегородить его стеной. По сообщениям древних историков, уже в I в. до н. э. здесь была крепость¹, а ущелье перегорожено стеной с железной дверью. Грузинские цари постоянно заботились об укреплении этого «Арагвского прохода», имевшего большое значение как для самой Грузии, так и для южных стран. Обладание так называемым «Дариаланом» позволяло закрывать дорогу в пределы Грузии многочисленным северным племенам, оставляя возможность владельцу крепости нападать на них в любое время.

Следы стены, преграждавшей дорогу, пока не удалось найти, а от Дариальской крепости сохранились лишь руины.

Дариальская крепость расположена на вершине высокой горы, на левом берегу Терека, в 12 км от сел. Казбеги. Восстановить план крепости нет возможности, но, видимо, она занимала большую территорию, была окружена высокой стеной с башнями. Водоснабжение крепости, вероятно, обеспечивалось тайником, спускавшимся к реке, а в средние века и водопроводом, проложенным с гор. Крепость неоднократно перестраивалась, особо значительна перестройка, произведенная в позднефеодальное время. К этому же периоду должна относиться постройка двух стен, замыкающих западную ложбину и возведенных, вероятно, с целью увеличения места для гарнизона. Остатки крепости, в особенности западная каменная стена, сложенная на известковом растворе, свидетельствуют о высоком строительном искусстве².

¹ И. Джавахишвили. История грузинского народа (на грузинском языке), книга I, стр. 58.

² Теперь эту крепость в русской литературе называют ошибочно «Замком Тамары»: М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Тамара» использовал один из вариантов сказания «Дареджан Цбиери», где героиней является не Дареджан, а Тамара (конечно, эта Тамара ничего общего не имеет с царицей Тамарой, царствовавшей в Грузии в 1184—1213 гг.).

Главная дорога на север шла от древней столицы Картли — Мцхеты. По летописным известиям, сама Мцхета была окружена стеной и имела мощную крепость. Здесь же недалеко существовала большая крепость, замыкавшая северную дорогу. Эта крепость называлась Белтис-цixe, а позднее — Бебрис-цixe.

Бебрис-цixe расположена на склоне высокой горы, на правом берегу Арагви (рис. 38).

При изучении развалин крепости выясняется, что цитадель и нижний двор были расположены на сложном рельефе. В плане крепость была треугольной. По углам цитадели и на восточном конце нижнего двора

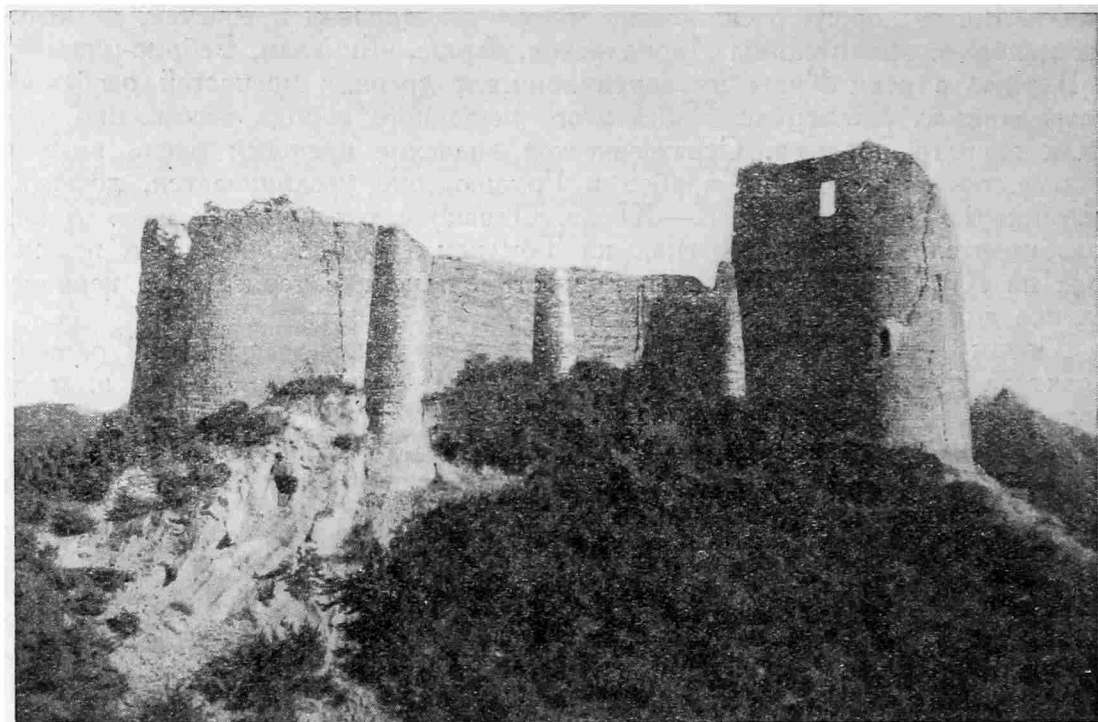

Рис. 38. Крепость Бебрис-цixe. Вид с запада.

возвышались башни. Крепость окружала высокая стена, толщина которой в некоторых местах превышала 2 м. Стена сложена на растворе, камни приблизительно равных размеров; кладка «в елку» придает сооружению особенную красоту. К сожалению, не удалось пока выяснить местонахождения крепостных ворот или входа. Следы ограды нижнего двора крепости кое-где еще видны. Судя по остаткам, восточная башня двора ничем не отличалась от башен цитадели.

Год основания крепости неизвестен, но строительная техника и архитектурные формы являются свидетельством, что крепость древняя. Она долго не теряла своего значения, а в средние века играла роль замка. Летописец Лаша Георгия пишет, что здесь в 1156 г. скончался Дэмтрэ I.

К числу знаменитых сооружений, расположенных по этому же пути на север, относится крепость Арша. Она выстроена на левом берегу Терека в Хеви, между Казбеги и Сиони. Скалистая гора, на которой высится Арша, сама по себе представляет естественную крепость. При вторжении вражеских войск здесь временно могло поместиться почти все население ущелья. И на самом деле, населению не раз приходилось укрываться в этой крепости, которая в свое время считалась неприступной. Древнейшая

стена не сохранилась, а существующие стены с амбразурами относятся к позднефеодальной эпохе. Вход, устроенный с северо-запада, закрывается деревянной дверью с железным обрамлением.

В верхней части крепости сохранились церковь и стела, которые датируются X в., а на нижнем плато и в других местах много остатков жилых помещений. Все это говорит о том, что в X в. крепость уже существовала, но установить время первоначальной постройки пока не удастся. О значении Арша в позднефеодальную эпоху свидетельствует тот факт, что царь Теймураз I и Георгий Саакадзе, захватив в плен в 1623 г. предателя Андуканара Амилахори, заключают его в эту крепость.

По этой же дороге в устье рек Пшавской и Мтиулетской Арагв расположено городище Жинвали, где помещались дворец и крепость кахетинского царя¹. В 1191 г. ею владела царица Тамара². В период феодального средневековья город неоднократно разрушался и уже в первой половине XVIII в. (по свидетельству историка Вахушти) не существовал, хотя крепость еще оставалась. До наших дней она сохранилась, хотя и значительно разрушена.

Крепость в плане имеет треугольную форму. В северной части находится маленькая поздняя церковь, а с южной — древняя башня больших размеров. По типу она относится к башням с так называемой «цилиндрической спиной».

Башни этого типа были распространены только в гористых местах Шида-Картли. К ним относятся башни крепостей в Арагвском ущелье — Жинвали, Хандо, Млета, в Терском ущелье — Хуртиси, Гергети, в Ксанском ущелье — Уканубани, Дзабоэти, Карчохи, Кора, Алаверди, Берцixe, Цинкибе, в Рехульском ущелье — Колоти и в Меджудском ущелье — Бикари. Башни по размерам и деталям различны между собой, но по принципу архитектурного решения одинаковы.

Нижняя часть представляет единую массу строительного материала, первый этаж всегда расположен выше уровня земли приблизительно на высоте 4 м (рис. 39), где имела единственная дверь, к которой приставляли деревянную лестницу, убирающуюся при приближении врага. Башни имели от трех до шести этажей. Междуетажное перекрытие всегда деревянное, за исключением Колоти, где оно устроено из каменных плит. Крыша в первоначальном виде нигде не сохранилась. Можно восстановить только крышу Млети, где перекрытие было ступенчатое.

Двери и окна помещены в плоской стене. Первый этаж освещается только через дверь, а верхние этажи имеют в большинстве случаев по одному окну. Все окна устраивались по одной вертикальной линии. Исключение представляет башня Жинвали, где окна расположены с трех сторон, кроме «спины» башни, а на четвертом этаже — со всех сторон широкие окна с арочными перекрытиями. Большая часть башен имеет под первым этажом одно или разделенное на секции помещение — вероятно, для хранения воды и продуктов.

Ярко выраженные боевые элементы отсутствуют. В эпоху их сооружения дальнобойным оружием в основном был лук. Воины во время осады, вероятно, защищались с верхнего этажа, где находились арочные проемы. Отсюда бросали камни, выливали жидкость, пускали стрелы. Частично для обороны, повидимому, использовались и окна.

Необходимо отметить, что между крепостями раннего средневековья и позднефеодальной эпохи существует большая разница. Изобретение

¹ И. Джавахишвили. История грузинского народа (на грузинском языке), кн. II, стр. 41.

² Вахушти. География (на грузинском языке), 1941, стр. 93. История и восхваление венценосцев. Тбилиси, 1941, стр. 95.

огнестрельного оружия повлияло на конструкцию и внешний вид башен и крепостей. Начиная уже с XVI в., в стенах башен устраивались бойницы. Формы их, направление, размеры, связь между ними и вообще конструкция постепенно усложнялись и совершенствовались. В середине XVIII в. в Картли и Кахетии возникает единая система машикулей (выступов стены в виде клюва). В нижней части они открыты, а через них защищающиеся могли уничтожать подступивших врагов (рис. 40 и 43),

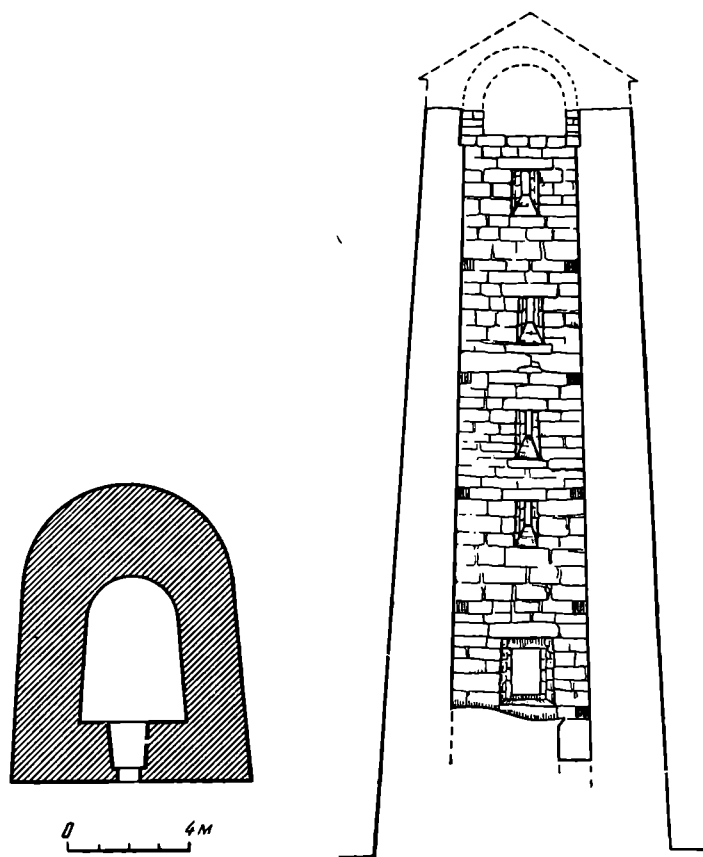

Рис. 39. Уканубани. План и разрез башни.

В башнях XVIII в., в их верхних частях, появляется еще один боевой элемент — отверстия для пушек (рис. 40).

Из крепостей позднефеодальной эпохи остановимся на крепостях Ленингори (исторической Ахалгори). Они расположены в Ксанском ущелье и, вероятно, с конца XVI в. служили резиденцией ксанских эриставов. В Ахалгори ксанские эристави развернули большое строительство. Крепостной ансамбль состоит из двух комплексов, соединенных общей стеной — оградой. Главный комплекс расположен у подножья высокой горы, в восточной части, а второй — на северо-западе, в двухстах метрах от главного. Оба комплекса неоднократно перестраивались. Первоначально главная крепость была окружена прямоугольной в плане стеной с башнями в юго-восточном углу и в средней части северной стены. Внутри крепости стоял дворец, построенный из кирпича. В первой половине XIX в. дворец перестроен в стиле русского классицизма. Из башен одна семиэтажная, а другая, вероятно, четырехэтажная. Позднее к ограде в юго-западном и северо-восточном углах пристроили еще по одной башне. Все четыре башни имеют бойницы и машикули разных форм и размеров.

В замке имелась баня, находившаяся в северной части и представлявшая довольно сложное сооружение, построенное с большим вкусом.

Сооружения второго комплекса строились одновременно. Вначале был двухэтажный дворец и ограда, к которой затем по всем четырем углам пристроили по башне.

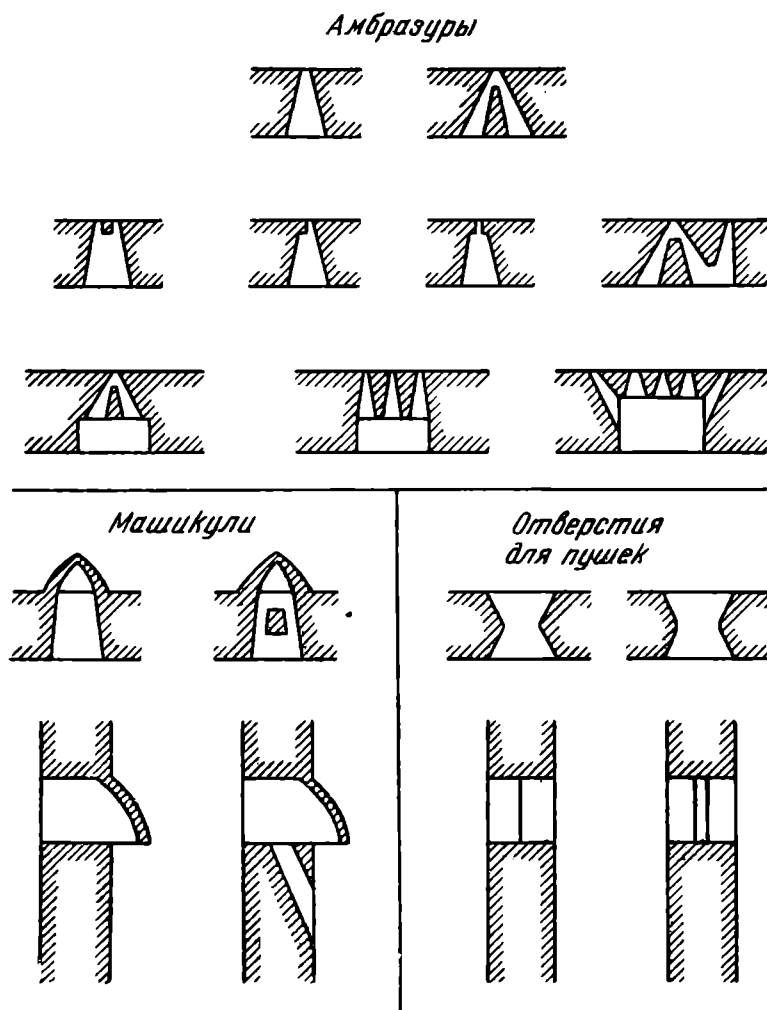

Рис. 40. Амбразуры, машикули и отверстия для пушек.

К позднефеодальным укреплениям относится и расположенный на Военно-Грузинской дороге Ананури — замок, вероятно, принадлежавший младшей ветви арагвских эриставов. В XVII—XVIII вв. здесь была временная резиденция эриставов.

Крепость расположена в пункте, где северная дорога поворачивала из Арагвского ущелья к центру эриставства (рис. 41). Сохранившиеся до наших дней сооружения построены в разное время. Ансамбль рос в результате постепенного усиления владельцев-феодалов. Укрепление состоит из двух частей: цитадели и нижней крепости. Что было в последней — неизвестно. Внутри же цитадели находятся две купольные церкви, пирамидальная башня, водохранилище и — восточнее, между двумя оградами — однефная церковь и колокольня. В результате произведенного нами анализа выяснилось, что на этом месте первоначально стояла только караульная пятиэтажная башня с пирамидальным перекрытием (рис. 42), затем построили однефную церковь, потом малый купольный храм и приблизительно в то же время начинают строить крепость с башнями.

В 1689 г. строится большой купольный храм с колокольной и, наконец, нижняя крепость.

Нижние три этажа караульной башни со всех сторон имеют по одному наблюдательному окну, четвертый — большие окна, а пятый — под крышей — маленькие наблюдательные отверстия. Фасады башни простые. Внимание привлекают стройность сооружения и пирамидальная ступенчатая крыша.

Башни такого типа распространены в Хевсурети, Тушетии и на территории Северного Кавказа. Этот тип башен возник на территории Грузии и, быть может, первая из них — Ананурская. Она построена в позднефеодальную эпоху, но не позднее XVI в.

Рис. 41. Замок Ананури. Вид с юго-запада.

Верхняя крепость состоит из высокой стены и четырех башен. Из них самая большая, стоящая в центре западной ограды, семиэтажная башня «Шеуповари» (непокоренный), где ксанский эристав Шанше в 1739 г. варварски сжег семью арагвского эристава, защищавшуюся в крепости.

В стенах крепости и башнях сделаны бойницы и машикули сложных систем. Дата построения крепости неизвестна, но, судя по боевым элементам и строительной технике, ее можно отнести к группе крепостей XVI—XVII вв. Позже, в конце XVII в. или в начале XVIII в., была построена вторая, нижняя крепость, примыкающая к цитадели с северо-востока. Она была окружена высокой оградой с пятью башнями.

Из сохранившихся здесь зданий самым значительным является центрально-купольный храм, построенный в 1689 г., — один из прекраснейших архитектурных памятников позднефеодальной Грузии. Эриставы во время пребывания в этих владениях, кроме вышеперечисленных сооружений, имели и другие, например, дворец и разные подсобные помещения, но в настоящее время не видно даже их следа. Надо предполагать, что эти сооружения находились во дворе нижней крепости, т. к. здесь лучшие условия для их расположения. На территории Грузии в других крепостях имеются такие аналогии.

Князья Амилахори имели резиденции в двух местах. Сначала это была крепость Схвило, затем в конце XVI — начале XVII вв. они строят новую резиденцию на берегу реки Рехула.

Крепость Схвило расположена на высоком хребте в ущелье Рехула. Это — самая крупная и мощная крепость ущелья с высокими башнями пирамидальной формы. В плане крепость имеет овальную форму. Она окружена высокими и прочными стенами с единственным входом (с западной стороны). От сооружений внутри крепости сохранились лишь руины. Здесь прежде всего следует отметить церковь, ныне двухэтажную, которая первоначально была одноэтажной. Это, в сущности, две разновременные церкви, для экономии места поставленные одна на другую. Старая, судя по имеющейся над западной дверью надписи, датируется первой половиной XV в. и, повидимому, была построена раньше крепости.

Боевые элементы — бойницы и машикули в стенах крепости — расположены на высоте 7—8 м. На этом уровне по внутренней стороне шел деревянный помост, укрепленный на кронштейнах. Многоэтажные башни также имели глухие нижние части. Бойницы находятся почти на каждом этаже, а машикули — только на последнем.

Вторая резиденция князей Амилахори (более поздняя) находилась в Квемо-Чала. Неизвестно, какие сооружения находились здесь первоначально, но оставшиеся развалины дают возможность заключить, что на этой равнине было несколько замков. Каждый из них, вероятно, принадлежал разным членам семьи или ветвям фамилии. Старшему из них, т. е. Амилахори, наверное, принадлежал западный комплекс, самый лучший и обширный.

Этот замок состоит из двух прямоугольных дворов. В главной части крепости находится старая церковь (к которой позднее пристроена прямоугольная в плане башня), ограда с тремя башнями и двухэтажный дворец с большим двором.

Второй комплекс — прямоугольный в плане, с цилиндрическими башнями по углам, с дворцом и маленькой церковью, построенной в 1774 г. Лучшая часть комплекса — пятиэтажная башня.

Третий комплекс был такой же сложный; от него остались развалины дворца и одна цилиндрическая башня, подобная предыдущей.

Рассмотренный ансамбль сооружений Амилахоров в основном воздвигался во второй половине XVII в. и в XVIII в. Баня, которая стоит немного поодаль, вероятно, принадлежала к одной из частей жилых сооружений начального периода пребывания Амилахоров в Квемо-Чала.

К ансамблю Квемо-Чала стилистически близки три крепости, построенные Константином Мухран-Батони: Ксанская, Мчадисджварская и Мухранская, из которых первые две построены в 1746 г., а третья — десять лет спустя.

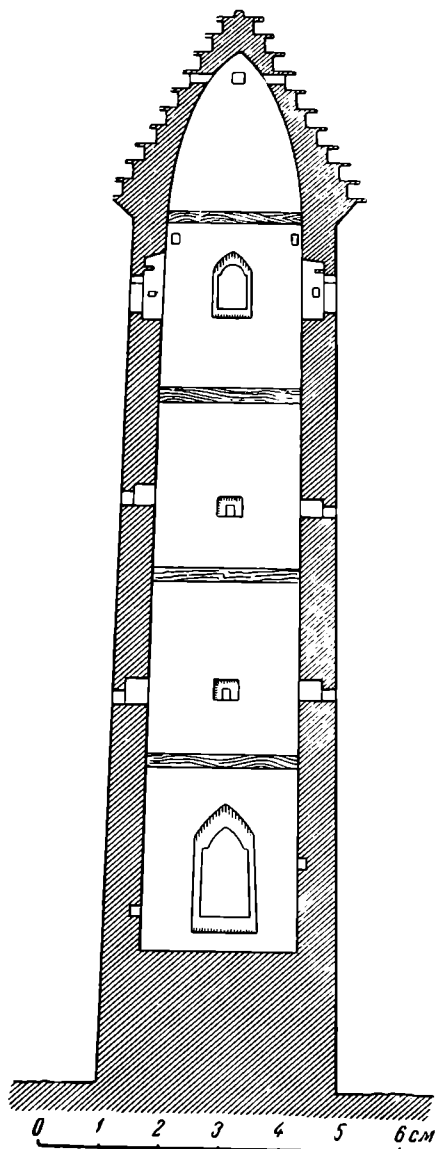

Рис. 42. Замок Анапури. Разрез башни с пирамидальным перекрытием.

На вершине горы, при впадении Ксани в Куру, возвышается Ксанская крепость (Кенис-дике), расположение которой прекрасно сочетается с рельефом. Первоначальная крепость построена здесь Мухран-Батони Багратом в 1511—1512 гг. Позднее, после разрушения в 1746 г., Константинэ Мухран-Батони восстановил и расширил ее (рис. 43).

План крепости (неправильный пятиугольник) обусловлен рельефом горы. По четырем углам воздвигнуты башни разных размеров и форм. На стенах первоначальной крепости боевые приспособления не сохранились, а на сооружениях второго периода они сходны с боевыми элементами крепостей Квемо-Чала.

Рис. 43. Ксанская крепость: Вид с северо-запада;

Маленькая Мчадисджварская крепость ничем не отличается от других, однако она является прекрасным образцом строительного мастерства грузинских зодчих. В 1754 г. эта крепость блестяще выдержала испытание, отразив семидневную осаду превосходящих сил лезгинского войска под предводительством агарского владетеля Нурсал-бека.

Мухранская крепость, построенная в 1756 г., принадлежит к наиболее распространенному в XVIII в. типу картлийских и кахетинских крепостей. Построенная в долине Ксанского ущелья, она занимает около трех гектаров и состоит из двух дворов. Основная часть — в плане квадратная, вторая пристроена к ней с востока и севера. Вход в главную крепость — в центре восточной стены. Углы крепости защищены цилиндрическими башнями, из них три одинаковые трехэтажные, а четвертая четырехэтажная, почти в два раза выше остальных. С террасы этой башни видны все ущелье и расположенные поблизости Ксанская, Ксоврисская, Дампала и другие крепости. Стены Мухранской крепости двухъярусные. Нижняя часть глухая, а верхняя с бойницами. Башни также имеют бойницы, машикули и отверстия для пушек. Стены и башни завершены зубцами, что характерно и для других крепостей и башен позднефеодального времени.

В позднефеодалную эпоху крепости горной Картли отличались архитектурным решением от крепостей центральной Картли. В качестве примера возьмем крепость Сно (Снос-цixe), которая находится в Хеви, нынешнем Казбегском районе.

Она расположена в открытой части ущелья, на берегу р. Ачхоти, правого притока Терека. Здесь строитель использовал 20-метровую одиноко стоящую скалу для пьедестала крепости. Архитектурная композиция

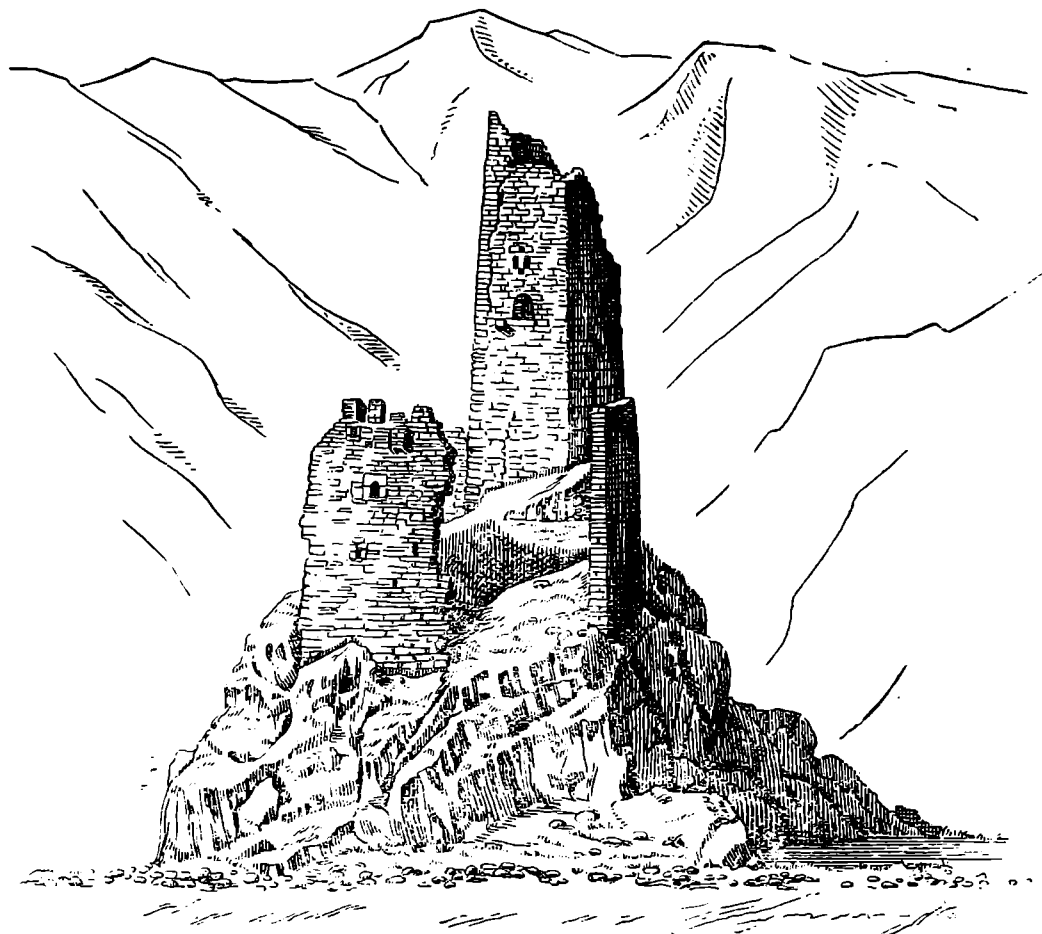

Рис. 44. Крепость Снос-цixe.

настолько едина, что крепость и скала создают впечатление цельного монолита (рис. 44). Крепость состоит из ограды и башни. Стены двух- и трехъярусные. На ярусах расположены бойницы и машикули; бойницы обычного типа; что же касается машикулей, то они значительно отличаются от рассмотренных нами. Остроконечные выступы здесь заменены четырехугольными. Интересен машикуль, находящийся в северной стене и представляющий собой как бы отдельную камеру. Это самый большой из всех известных крепостных машикулей. В его камере обращает на себя внимание пирамидальное перекрытие типа «дарбази», которое применялось в Грузии в продолжение тысячелетий, особенно в гражданской архитектуре.

Башня крепости — пирамидальной формы. Нижняя ее половина, как обычно, глухая. Первый этаж и дверь расположены на высоте 7 м от уровня земли. Выше — еще два этажа. Междуетажное перекрытие было каменное. Крыша разрушена.

Постройку крепости предание приписывает легендарному Шиоле Гудушаури, который захотел овладеть свободной общиной, но был убит. Крепость, судя по конструктивным элементам и архитектурному облику, можно отнести к XVI в. или к первой половине XVII в.

Помимо крепостей, в Шида-Картли имеются отдельно стоящие карательные башни, входившие в систему сигнализации: когда враг переходил

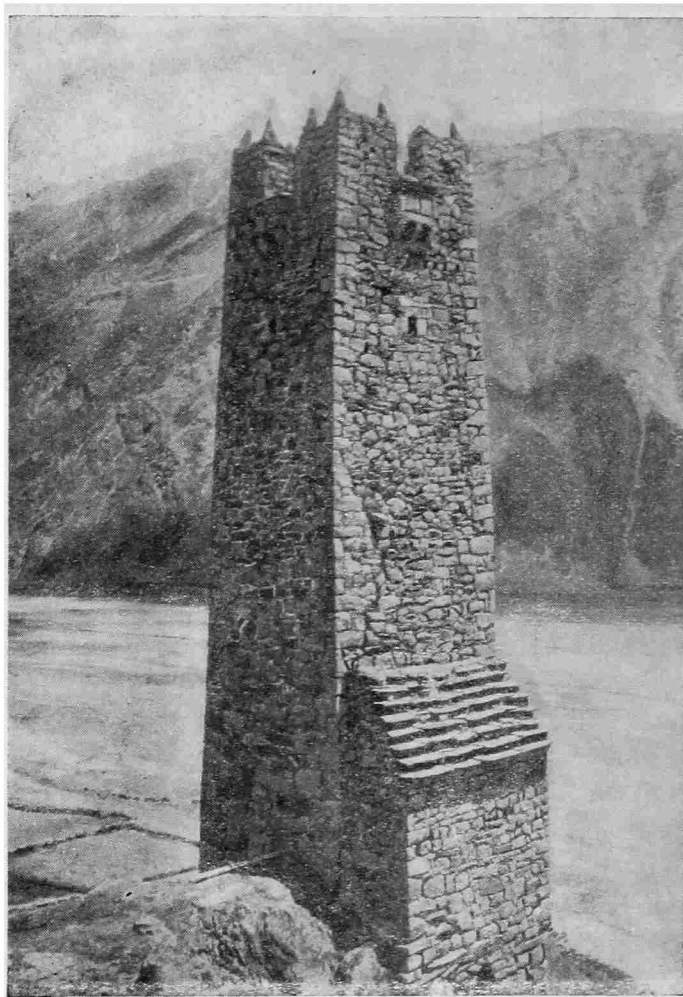

Рис. 45. Башня Паншети.

границу, на террасе зажигали огонь, соседние башни передавали сигнал дальше, и так до самой столицы.

На территории Хеви (ныне Казбегский район), окруженной Кавказскими горами, и сейчас отлично видна система сигнализационных башен.

Интересна Сионская башня, расположенная на высокой скале над главной дорогой, проходящей по ущелью Терека. Все четыре фасада завершают висящие машикули. Нижняя часть, как обычно, глухая. Первый этаж со входом расположен высоко. В башне четыре этажа, над последним — терраса. В каждом этаже устроено по одному маленькому окну. Бойниц нет, так как башня построена до изобретения огнестрельного оружия.

Второе блестящее архитектурное сооружение, относящееся к раннему периоду, — башня Паншети, расположенная в 5 км ниже (по течению Те-

река) Сионской (рис. 45). Вход в Паншети укреплен специальной пристройкой. Башня четырехэтажная, с завершающей террасой.

Чинтская башня расположена в Арагвском ущелье в сел. Чинти, в 2 км южнее Жинвали. Она стоит на левом берегу реки, образуя единый ансамбль с двумя другими башнями, пристроенными с двух сторон скалы. Этот памятник очень оригинален. Грани нижней части постройки округлены (рис. 46). Верхняя часть выстроена в форме четырехгранной призмы. Фасады башни были оштукатурены, «пандативы» украшают рисунки, а над дверью по штукатурке выведен крест. Первый этаж и вход, как обычно, расположены высоко. Под первым этажом находится погреб. Из верхних четырех этажей три закрытые, а четвертый — открытая терраса, стены которой увенчаны зубцами. Эта башня позднефеодалная и сильно отличается от двух предыдущих средневековых.

Все три рассмотренные башни свидетельствуют о большом диапазоне мастерства и тонком вкусе архитекторов.

В средневековой Грузии после Тбилиси особое место занимал г. Гори, родина Великого Сталина.

«Гор. Гори являлся центром Шида-Картли, которая в свою очередь была сердцем всей Картли», — пишет академик Н. А. Бердзенишвили. Кто владел Гори, тот фактически владел центральной частью Картли, так как здесь скрещивались идущие со всех сторон дороги. Все эти факторы не раз оказывались причиной неоднократных возвышений и падений города и Горийской крепости.

В долине Куры, среди равнины на вершине горы, стоит Горийская крепость (рис. 47). Гору с запада и частично с севера омывают реки Лиахви и Меджуда, а южнее, поодаль, течет главная артерия Картли — Кура.

О существовании древней крепости не было известно, но случайный обвал 1946 г. обнажил старую стену. Эту стену по археологическим находкам можно датировать последними веками I тысячелетия до н. э.

Приведем некоторые сведения об этой крепости.

В 1329 г. царь Георгий Блистательный изгнал осетин из Горийской крепости, временно занятой ими. В результате происшедшей битвы сгорел город, а крепость превратилась в развалины. Восстановленную крепость в конце того же века разрушают полчища Тамерлана. В 1474 г. Амбразио Контарини видит на развалинах наспех построенную деревянную крепость. В третьей четверти XVI в. Давид XI (1564—1579) был вынужден передать восстановленную крепость туркам, которые сильно укрепили ее, стремясь утвердиться в центре страны; в 1599 г. царь Симон уничтожает турецкий гарнизон и овладевает крепостью, но, бессильный защитить ее от вторичного захвата, сам ее разрушает. В 1633—1634 гг. царь Ростом

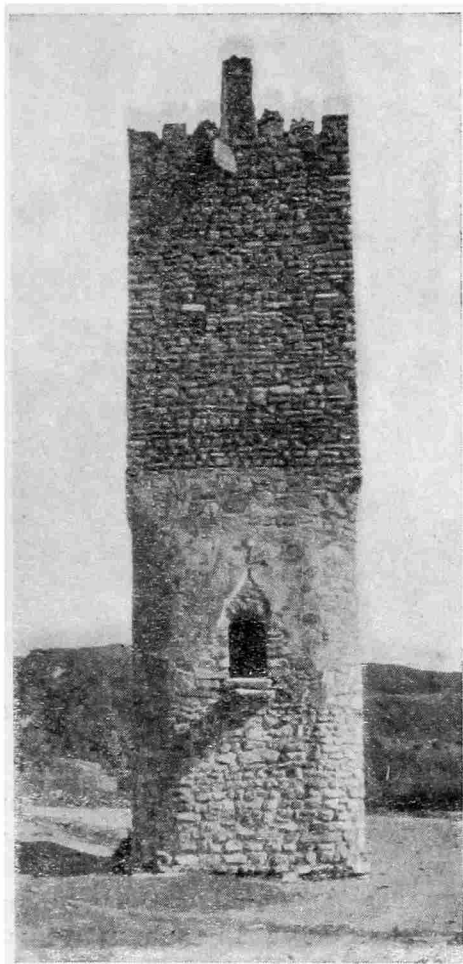

Рис. 46. Чинтская башня.

восстанавливает крепость, но последующие неоднократные иноплеменные нашествия опять превращают ее в руины. Наконец, в последний раз крепость восстанавливается и расширяется в 70-х годах XVIII в. царем Ираклием и долго еще служит стране надежной опорой.

По развалинам можно определить, что во второй половине XVIII в. овальное плато горы было окружено двумя оградами, а ниже террасами

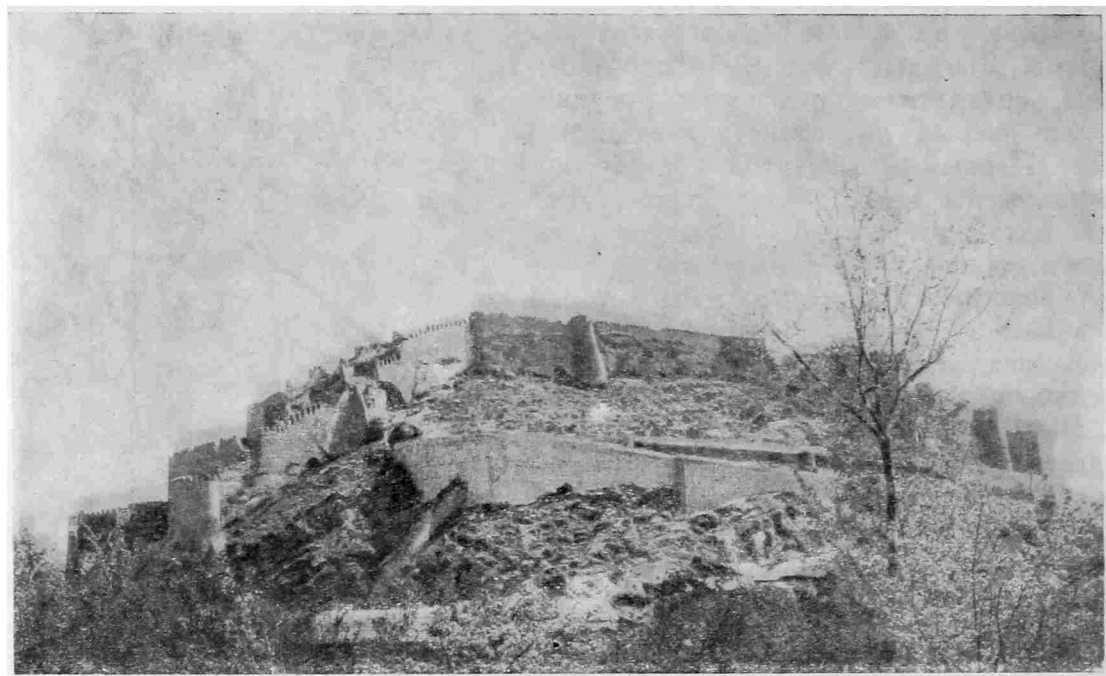

Рис. 47. Гори. Крепость.

спускалось к устью рек Лиахви и Меджуда. На восточном и южном склонах горы у крепости была двойная ограда. Грандиозная постройка вмещала в себя, вероятно, несколько тысяч воинов. На ее территории находились: церковь, дворец, водохранилище и подсобные помещения.

Заканчивая предварительный обзор фортификационных сооружений, можно сказать, что эта отрасль грузинской архитектуры, представленная здесь сооружениями в Шида-Картли, еще раз подчеркивает самобытность грузинского зодчества.

Приведенные примеры указывают на исключительное умение грузинских зодчих находить для топографически разных мест соответствующую композицию сооружений, органически связывать с рельефом отдельные постройки и целые ансамбли, прекрасно сочетать функциональное назначение и внешний облик крепостей. Фортификационные сооружения, в первую очередь, должны были быть устойчивыми и надежными постройками, обеспечивающими безопасность находящихся внутри людей. Почти все описанные нами памятники являются мощными и оправдывающими эти требования сооружениями, а их древность свидетельствует о высоком развитии культуры грузинского народа уже на раннем этапе его истории.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АзГУ — Азербайджанский государственный университет
АзФАН — Азербайджанский филиал Академии Наук СССР
АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ESA — *Eurasia Septentrionalis Antiqua*
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИГГО — Известия Государственного географического общества
ИРГО — Известия Российского географического общества
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода
КПИИИМК — Комитет полевых исследований Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТОИПК — Труды Отделения истории первобытной культуры
ТрАС — Труды Археологического съезда
ТрГИМ — Труды Государственного исторического музея

СОДЕРЖАНИЕ

Сессия Отделения истории и философии АН СССР и Пленум ИИМК АН СССР,
посвященные итогам полевых археологических исследований
Института истории материальной культуры за 1950 год

ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ И ПЛЕНУМЕ

К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья	3
М. Э. Паничкина. К вопросу о назначении шельских орудий (по материалам Сатани-дар)	19
А. А. Формозов. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья (по данным разведок 1950 года)	31
Е. И. Крупнов. Первые находки неолита в Средней Осетии	42
А. А. Иессен. К вопросу о древних связях Северного Кавказа с Западом . .	48
Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие грунтовые погребения Самтаврского могильника.	54
А. О. Мнацаканян. О раскопках могильников у села Головино (Армения) . .	62
И. В. Анфимов. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья .	72
Р. М. Ваидов. Археологические работы в Мингечауре в 1950 году	86
И. Б. Шейхов. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник (по материалам Агачкалинского могильника)	101
Л. П. Семенов. Археологические разведки в Ассинском ущелье	110
П. П. Закарая. Фортификационные сооружения Шида-Картли	122

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства С. Т. Попова. Технический редактор Н. А. Невраева. Корректор В. Г. Болословский

РИСО АН СССР № 4975. Т-07697. Издат. № 3428. Тип. заказ № 241. Подп. к печ. 17/VII 1952 г.
Формат бум. 70×108³/₁₆. Печ. л. 11,64. Уч.-изд. л. 11,8. Бум. л. 4,25. Тираж 1700.

Цена по прейскуранту 1952 г. 7 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер. д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
12	11 св.	всеобразное	веерообразное
50	1 св.	дой	твердой
56	33 св.	колхондского	колхидского
58	31 св.	проковки	проковкой
75	9 св.	Ст. Красноармейская)	(Ст. Красноармейская)
112	15 св.	83	8)
128	8 св.	Хевсурети	Хевсуретии
136	16 св.	И. В. Анфимов	Н. В. Анфимов
136	18 св.	И. Б. Шейхов	Н. Б. Шейхов